P 20/36

Ф20/36.

ПИСЬМА

ИЗЪ

БОЛГАРІИ.

(Писаны во время кампании 1829 года)

ВИКТОРОМЪ ТЕПЛЯКОВЫМЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

MDCCCXXXIII.

116

ПИСЬМА

ИЗЪ

БОЛГАРІИ.

ПИСЬМА

ИЗЪ

БОЛГАРІИ

(Писаны во время кампании 1829 года)

ВИКТОРОМЪ ТЕПЛЯКОВЫМЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

MDCCCXXXIII.

Публичная Библиотека

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три Экземпляра. С-Петербургъ. 22 Марта 1833 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

2007042739

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ изобиліи частныхъ записокъ, столь общемъ нашему времени, отражается можетъ быть всего болѣе наблюдательный духъ вѣка. Если даже этотъ избытокъ подробностей переступаетъ за предѣлы современной любознательности, то не въ сихъ-ли самыхъ подробностяхъ—атомахъ настоящаго — заключаются матеріалы болѣе или менѣе богатые для будущаго? Если судьба частныхъ лицъ, если множество мѣлочныхъ обстоятельствъ раздробляются нынѣ столь *анатомически* передъ нами, то не изъ этой-ли самой безконечности цвѣтовъ и оттѣнковъ со-

ставится въ послѣдствіи времени картина вѣка, съ его свѣтомъ и сумракомъ, съ его колоссальными и мирмидонскими событіями?

Увлеченный вовсе неожиданно на поприще достопамятной войны 1829го года, производя по волѣ Правительства, свои археологическія розыски въ древней Мизіи и Ѳракіи, окруженный роями вѣковыхъ воспоминаній, картинами пылавшихъ битвъ, совокупностью новыхъ лицъ и природы, сочинитель предлагаемыхъ писемъ сообщалъ намъ плоды своихъ замѣчаній о « странахъ классическихъ, о странахъ столь еще мало извѣстныхъ. »— Краткій отчетъ о семъ путешествіи, изданный немедленно по возвращеніи автора изъ Турціи, возбудилъ желаніе нѣкоторыхъ Европейскихъ журналовъ: знать подробности странствія, коего поверхностныя черты показались въ то время довольно любопытными.— Достаточный вызовъ для сообщенія сихъ подробностей нашей образованной публикѣ.

Причины, замедлявшія до сего времени изданіе *Писемъ изъ Болгаріи*, вовсе не отъ насъ зависѣли. Если авторъ оныхъ не оспоривалъ относительной занимательности своего путешествія—занимательности археологической, статистической, топографической и проч., то все постороннее симъ предметамъ, препятствовало намъ до сихъ поръ получить его согласіе касательно сообщенія свѣту находившихся въ рукахъ нашихъ писемъ. Очерки впечатлѣній, возбужденныхъ въ его сердцѣ яркимъ разнообразіемъ предметовъ: искры живой внутренней дѣятельности, и голосъ душевнаго утомленія; тепло огнекрылаго энтузіасма, и морозъ мрачнаго скептицизма; жало тоски въ устахъ ѣдкой сардонической *юмористики*, и зѣвота ледянаго безстрастія; поэтическія воспоминанія передъ грудами вѣковыхъ развалинъ, и отъ нихъ—невольныя обращенія къ себѣ самому, къ тернію бурной, попранной жребіемъ юности..... вотъ что авторъ нашъ именуетъ *лѣностью*

ни для кого не занимательныхъ *изліяній*. Пусть, впрочемъ, онъ самъ объяснитъ читателямъ и прямую цѣль своего странствія, и причины, скрывавшія доселѣ подъ спудомъ его « *разнохарактерныя* » письма. Вотъ отвѣтъ на послѣднее наше предложеніе, касательно изданія оныхъ.

Одесса, 4го Января 1833.

Братъ и Другъ,

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1829го года, дней за пять до отплытія своего въ Болгарію, посѣтилъ я покойнаго Г. Бларамберга, Іерофанта нашей Таврической Археологіи. Въ слѣдствіе чего и какимъ образомъ долженъ я былъ прогуляться въ древнюю Мизію, извѣстно вамъ прежде, нежели *импровизированный* Антикварій приготовился исполнить велѣніе странной судьбы своей...—И такъ, дней за пять до моего путешествія, бесѣдовалъ со мною

Г. Бларамбергъ. Если его пламенныя усилія сдѣлашь меня, въ продолженіе сихъ пяши супокъ, *адептомъ* Археологіи, возбуждали мою внутреннюю усмѣшку, то будьте увѣрены, что наружность моя предспавляла въ это время всю благоговѣйную любознашельность *неофита*. Сему-то грѣшному *фарисейству* обязанъ я входомъ въ *sanctum sanctorum* почтеннаго Аншикварія.

Кабинетъ Лерда Монкбернсскаго вамъ извѣстенъ: а потому, считаю за лишнее говорить о хаосѣ книгъ и бумагъ, чертежей, плановъ, снимковъ, рисунковъ, медалей, древнихъ мраморовъ, урнъ, многоразличныхъ черепковъ и шому подобныхъ чудесъ, кои, подъ эгидомъ раскрышаго Справона, украшали *cœnobitium* Г. Бларамберга.

Послѣ безконечныхъ шолковъ о древней Одессѣ, или *Одиссосѣ*, о Діонисополѣ, или Кринахъ, или *Крунисѣ*, объ Истрополисѣ, или Истросѣ, или *Вистріи*, я машинально принялся листовашь поверженнаго предо мною Справона. Листо-

валъ, и думалъ: какимъ образомъ удалось Батюшкову такъ хорошо написать свое *похвальное слово сну*? — Листовалъ, и попирая глаза, старался побороть свою непростительную зѣвоту. Мало-по-малу однакожь, наркотическія строки фоліанта начали передо мною блѣднѣть и разсѣиваться; но вдругъ-онѣ почернѣли, сгустились. . . . — и въ одинъ мигъ благодѣтельная дремота была уже за три-девять земель отъ очей моихъ.

Вотъ что совсѣмъ неожиданно попалось мнѣ на одной изъ роковыхъ страницъ древняго Греческаго географа.

«Если Страбонъ» — замѣчаетъ Французскій переводчикъ его — «столь сильно затруднялся въ объясненіи сихъ странъ (Мизіи, Ѳракіи и проч.)» то что-же можно сказать о нихъ теперь, послѣ новыхъ, осмнадцати-вѣковыхъ опустошеній, когда слѣды сихъ древнихъ народовъ, развалины сихъ древнихъ городовъ и даже самыя названія мѣстъ навсегда изглажены! — Прибавимъ» — продолжаетъ переводчикъ — «что мы не имѣемъ еще

никакихъ положительныхъ свѣденій о внутренности Иллиріи, Эпира, Македоніи, Ѳракіи, Ѳессаліи и проч., и проч. »

Утѣшительно! подумалъ я, и простясь съ Г. Бларамбергомъ, завернулъ мимоходомъ къ одному изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ. Мнѣ вздумалось заглянуть въ Мальтё-Брюна.

« Весь обширный четвероугольникъ »— говоритъ сей послѣдній — « между Кавалою, Филиппополемъ, Адріанополемъ; все теченіе Нестуса, Сіэмуса и Гернессуса; всѣ поэтическія долины Родопе суть *terra incognita*, обиталище племенъ Болгарскихъ, Албанскихъ, и, можетъ быть, *Ѳракійскихъ*. »

Присоединивъ къ сему безусловному *terra incognita* милліонъ другихъ препятствій: чуму, перуны окружавшей меня войны, и, всего болѣе — совершенную ничтожность вещественныхъ средствъ моихъ, благоволите сказать, можно-ли безъ несправедливости требовать отъ меня какой-нибудь важной, *Деповской* глубины замѣчаній?

За всѣмъ тѣмъ, открытые и пріобрѣтенные мною памятники древности: 36 *кусковъ мрамора съ надписями и барельефами;* 89 *медалей золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ* (изъ коихъ болѣе 50-ти — древнія Греческія); *двѣ вазы* (найденныя въ Сизополѣ); *двѣ статуи: бронзовый Амуръ и небольшой женскій бюстъ* (купленныя въ Анхіалѣ); *огромный Анхіалскій саркофагъ* и наконецъ — *дивныя Гебеджинскія развалины* требовали, вмѣстѣ съ живописной красотою природы, вмѣстѣ съ роемъ чувствъ, мыслей и впечатлѣній, возбужденныхъ въ душѣ моей — и волшебствомъ вѣковыхъ воспоминаній, и пестротой окружавшихъ меня предметовъ, и странностью моего собственнаго, столь загадочнаго, столь траги-комическаго положенія; все это — говорю я — требовало отъ моего переполненнаго сердца обыкновенной, то есть, чернильной исповѣди. Я рѣшился писать вамъ изъ Турціи.

Писалъ — и, не заботясь даже о трехъ-смъ лицѣ, говорилъ безъ разбору обо

всемъ, что̀ поражало мой взоръ, мой слухъ, мое сердце и голову.

Но теперь, когда, рѣшась осудить наши эпистолы: *Ex Mœsia,* на анатомію ученыхъ, *стилистовъ* и публики; когда вооруженные словами Шатобріана, вы говорите—что «*Путешествія* сливаютъ въ себѣ поэзію съ бытописаніемъ, что развалины и гробницы открываютъ намъ истины, коихъ невозможно узнать во всякомъ другомъ мѣстѣ»—то позвольте освѣдомиться, многіе-ли изъ читателей вашихъ *народныхъ* Русскихъ романовъ симпатизируютъ съ подобными мыслями?

Безъ сомнѣнія:

Tout est beau, tout est bon, tout est grand à sa place;

но, потому-ли, что въ мірѣ попадаются, какъ замѣчаетъ Ройе-Колларъ, существа *индивидуальныя,* коихъ участь не имѣетъ ничего общаго съ участью *массъ,* или почему другому—я откровенно скажу вамъ, что обожая просторъ, отнюдь не преслѣдую этой химерической, непо-

стижимой, *исключительной* народности, которая теперь въ такой модѣ на вашемъ Великороссійскомъ Парнассѣ. Довольно! Вы видите, что подобною исповѣдью я самъ произнесъ рѣшительный приговоръ своей книгѣ; но прошу замѣтить, что будучи врагомъ всякой полемики, что любя вообще самобытность, что отнюдь не заботясь о *народности* своего *личнаго* воззрѣнія на предметы, я душой уважаю литературныя и другія мнѣнія всѣхъ и каждаго, ибо желаю остаться въ покоѣ при своихъ собственныхъ.

Впрочемъ, вотъ въ чемъ главное дѣло. *Письма изъ Болгаріи* подавлены, такъ сказать, *плеоназмомъ* чувствъ, мыслей, воспоминаній, посторонніхъ для напудренныхъ пылью педантовъ, хотя и возбужденныхъ картинами тѣхъ-же самыхъ гробницъ, тѣхъ-же самыхъ развалинъ, тѣхъ-же самыхъ памятниковъ древности, въ изображеніи коихъ заключалась прямая цѣль моего странствія. Но куда-же дѣваться съ этой *личностью* изліяній, коихъ я отнюдь не желалъ никому, кромѣ

однихъ васъ исповѣдывать, ибо какая надобность свѣту до того, что душа моя или ваша « была прозрачна, подобно водѣ горнаго источника, прежде нежели ея сокровенная глубина не взмутилась?»—

« Брошенный, какъ будто кораблекру-
« шеніемъ, на широкое поприще жизни,
« вопіще юный скиталецъ озираетъ ея
« пространство. Съ душой, волнуемой
« непрочными замыслами, одинокій, пре-
« данный себѣ самому, онъ не смѣетъ
« надѣяться..... Сердце его еще не
« знаетъ страстей, и между тѣмъ—хо-
« лодъ и мракъ въ его разочарованномъ
« сердцѣ..... Отлученный враждебною
« участью отъ различныхъ эпохъ сущес-
« твованія, онъ ежеминутно чувствуетъ
« внутри себя самого что-то несовершен-
« ное, и чему никогда не должно совер-
« шиться. Вся его жизнь представляетъ
« подобіе годовъ, пораженныхъ безплоді-
« емъ. Добыча тоски необычайной, пол-
« ный высокомѣрнаго презрѣнія къ жизни,
« полный порожденнаго отчаяніемъ без-
« страстія, онъ быстро перелетаетъ всѣ

« эпохи юности, онъ отважно садится « посреди *древнихъ*, и дивитъ ихъ своей « скороспѣлою зрѣлостью; онъ подымаетъ руку на непроницаемую завѣсу « Изиды, и между тѣмъ, нигдѣ не находитъ свѣжести, недоставшей весны « его. . . . »

Вотъ шипы, угаданные какимъ-то безымяннымъ Авторомъ — шипы, подъ стопами не вымышленной юности,—но общество плачетъ надъ романомъ Виконта д' Арлинкура; вотъ *гримасы* попранной жребіемъ жизни; — но оно забавляется утонченнымъ жеманствомъ *Федоры* (La Dame sans cœur). Tête exaltée! — восклицаютъ свѣтскіе моралисты, анализируя душу Руссо или Байрона, и бросая на одни вѣсы мечъ *маленькаго Капрала* съ ружьемъ какого нибудь солдата, *бѣднаго человѣка.*

Будемъ однако добросовѣстны. Почти цѣлыхъ четыре года отдѣляютъ меня отъ Автора *Писемъ изъ Болгаріи*: а потому, признаться-ли вамъ, что мой нынѣшній *intellectus* поустарѣлъ для симпатіи съ

нѣкоторыми изъ тогдашнихъ думъ своихъ. Волнуемый, напримѣръ, ипотезой Г. Баллаша — что « древній Сфинксъ не грозитъ болѣе съ горы Фикейской поглотить тѣхъ, кои стремятся къ разрѣшенію различныхъ загадокъ человѣчества» — я въ минувшее время почиталъ всѣхъ мертво-живыхъ Помпеевъ общества именно тѣмъ, что алгебра называетъ, кажется, *отрицательнымъ* количествомъ. Теперь - что̀ мнѣ до сихъ вампировъ! Въ *неутралитетѣ* со всей вселенной, если я не въ состояніи — и по внутреннимъ чувствамъ своимъ, и по недостатку надежной пристани — вмѣстѣ съ Лукреціемъ возгласить:

Suave mari magno, turbantibus æquora ventis
E terrâ magnum alterius spectare laborem —

то по крайней мѣрѣ, да позволено мнѣ будетъ во исполненіе рецепта *Чернаго Доктора*:

« *Отдѣляя жизнь поэтическую отъ жизни политической,*

Одиноко и независимо слѣдовать своему призванію.

Pro forma, заключу письмо сіе обыкновеннымъ признаніемъ, что мирный гражданинъ почтетъ себя счастливымъ, если, кочуя подъ перунами бушевавшей брани, онъ успѣлъ обрѣсти для пространной нивы просвѣщенія хотя единое зерно въ странахъ классическихъ, въ странахъ столь еще мало извѣстныхъ. Счастливъ онъ еще болѣе, если это единое зерно, перенесенное въ отчизну подъ нашими побѣдными лаврами, не умретъ въ родимой землѣ Русской.

Вѣрьте и проч.

В. Тепляковъ.

Если свѣтъ борется весьма нерѣдко съ тѣнью подъ перомъ нашего автора, то читатели согласятся, можетъ быть съ нами, что «это кипящее сердце еще пламенѣетъ подъ пепломъ». — За всѣмъ тѣмъ, театръ войны 1829 года, великолѣпное зрѣлище, на коемъ разыгралось одно изъ дѣйствій вѣковой драмы: — борь-

ба недвижнаго Юго-Востока съ бодрымъ, наступательнымъ Сѣверо-Западомъ—едва ли по сіе время удовлетворительно раскрыты передъ просвѣщенной Европой. *Письма изъ Болгаріи* приподнимутъ можетъ быть слегка уголокъ занавѣсы. — Въ нихъ, посреди яркой живописи незнакомыхъ намъ людей и природы, сквозь прозрачную ткань легкихъ замѣчаній, ученыхъ изслѣдованій, рѣзкихъ выводовъ и *лигныхъ* отступленій, мелькаетъ великое событіе войны, развиваются древнія воспоминанія и при блескѣ оныхъ — дѣла и мнѣнія современныя рисуются вдали, на фантастическомъ грунтѣ разсказа. Отъ благосклоннаго принятія *Писемъ изъ Болгаріи* зависитъ, можетъ быть, сообщеніе публикѣ и тѣхъ *эпистолъ*, кои мы получили въ 1829 году изъ Румиліи.

Мы сочли за необходимое приложить къ сему *Путешествію* доставленный намъ авторомъ видъ *Гебеджинскихъ развалинъ*. Снятый подъ его руководствомъ съ натуры, онъ дополнитъ изображеніе сего

необыкновеннаго мѣста. Кромѣ того, сообщаемъ читателямъ снимки съ двухъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ древности, открытыхъ сочинителемъ посреди развалинъ классической Мизіи.

ПИСЬМА

ИЗЪ

БОЛГАРІИ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Брату Ал. Гр. Теплякову.

Варна, 29 Марта.

Вамъ уже извѣстно, что начальству Новороссійскаго края угодно было поручить мнѣ обозрѣніе нѣкоторыхъ мѣстъ, занятыхъ нашими войсками на правой сторонѣ Дуная, и что цѣль сего порученія, есть розысканія о разныхъ памятникахъ древности, скрывающихся между развалинами Мизіи и классической Ѳракіи. Вы безъ сомнѣнія подивитесь тому, что будучи столь безусловно чуждъ точныхъ и основательныхъ свѣденій о странахъ, въ коихъ почти каждый шагъ освященъ какимъ-нибудь славнымъ историческимъ событіемъ, я принялъ на себя обязанность столь трудную, порученіе столь мало сообразное съ родомъ исключительныхъ моихъ занятій;—но кому неизвѣстно, что

жизнь наша можетъ иногда находиться подъ вліяніемъ обстоятельствъ столь странныхъ, что человѣкъ радъ часто сдѣлаться не только антикваріемъ, но для избѣжанія худшаго, готовъ даже участвовать въ трудахъ знаменитой Академіи Лагадоской.

Съ другой стороны, скажите, кто бы на моемъ мѣстѣ не былъ радъ поотогрѣть *остылое* сердце у лучей золотаго ѳракійскаго солнца? Кто бы не былъ радъ, говорю я, погрузиться въ поэтическое величіе минувшаго, и въ бесѣдѣ съ колоссальными его призраками, забыть хотя на малое время прозу и мучительныя мѣлочи настоящаго? Такъ думалъ я — и вотъ странникъ вашъ уже въ столицѣ древней греческой Газы.

Конечно, мнѣ надлежало бы нѣсколько поболѣе освоиться съ оракулами антикваріевъ: полистовать предварительно Страбона, и словомъ, схватить изъ древнихъ лѣтописей и географіи хотя поверхностныя черты, которыя бы могли служить мнѣ по крайней мѣрѣ краткимъ *итинераромъ* въ моемъ путешествіи; но для сего потребны были книги и время. Первыми я не могъ обогатиться въ Одессѣ, а послѣдняго имѣлъ въ своемъ распоряженіи только для необходимыхъ дорожныхъ приготовленій. Короче сказать, я пу-

сшился въ археологическое странствіе подобно какому нибудь кавалерійскому офицеру, отправляющемуся за покупкой ремонта: слѣдовательно — посланія мои будутъ, къ сожалѣнію, напоминать вамъ гораздо чаще обо мнѣ самомъ, нежели о странахъ, коихъ чудеса требуютъ наблюдателя болѣе просвѣщеннаго.

Я выѣхалъ изъ Одессы 20го сего мѣсяца. Таможенная гроза собралась и довольно быстро разсѣялась надъ моими чемоданами; врата карантинной пристани разверзлись и скрыпя затворились за мною. Свершилось! Богъ знаетъ, когда-то ноги мои ступятъ вновь на родимую землю! Ни любовь, ни дружба не смѣютъ прикоснуться къ людямъ, меня окружающимъ. — Что нужды! посмотрите, какая пестрая, живая, разнообразная картина развернулась вдругъ предо мною: офицеры, женщины, солдаты, шкипера, матросы всѣхъ странъ; карантинные и разные другіе сановники; сумятоха, толкатня, неумолкающій ропотъ и волненіе! я долго съ ненасытнымъ любопытствомъ глядѣлъ на это живописное зрѣлище; потомъ глаза мои устремились на безпредѣльное море: быстрые челночки скользили по его лазурной поверхности; бѣлые паруса рисовались вдали на голубомъ гори-

зонтѣ. — День уже клонился къ западу, когда одинъ изъ карантинныхъ чиновниковъ подвелъ ко мнѣ маленькаго, но еще довольно бодраго старичка и объявилъ, что это капитанъ Венеціянскаго брига: *la Perseveranza*, который, по назначенію Правительства, долженъ отвезти меня въ Варну. — Яликъ этого капитана качался у берега; слуга и вещи мои ожидали меня на немъ. Я спустился въ эту легкую лодочку; капитанъ за мною — и вотъ, четыре весла вонзились уже въ пипучія волны. Челнокъ нашъ полетѣлъ стрѣлою къ стоящимъ на рейдѣ судамъ; на каждомъ изъ нихъ звонили *рынду*, когда приставъ къ своему бригу, мы начали одинъ за другимъ взбираться на палубу.

Огромный шаръ солнца медленно погружался въ сафирное море, и спустившись вдали къ самому его горизонту, проливалъ яркій пурпуровый свѣтъ въ промежутки корабельныхъ снастей и огромныхъ мачтъ, возвышавшихся подобно обнаженному осенью лѣсу. — Я вошелъ въ отведенную мнѣ каюту: гравированный образъ Мадонны съ надписью: *Stella del Mare* висѣлъ надъ моей койкою. — Вечеромъ — милліоны звѣздъ засверкали надъ нами; я вышелъ на палубу; но какъ бы вы думали, что̀ болѣе всего занимало меня въ эту минуту? — Огни,

загорѣвшіеся въ Одессѣ! — Я отъ души прощался съ ними; какая-то глупая тоска пощипывала грудь мою:

Прости, о родина, прости!

Роптало невольнымъ образомъ мое взволнованное сердце.

Проснувшись въ слѣдующее утро, я воображалъ не видать уже болѣе ничего, кромѣ воды и неба; но погода была противъ насъ какъ будто въ заговорѣ: въ продолженіе цѣлыхъ двухъ сутокъ посполянный штиль не позволялъ намъ и думать о путешествіи. Я чрезвычайно досадовалъ на это безвѣтріе; каждое утро выходилъ на палубу, и видя предъ собою все еще меркантильную Одессу, мучилъ капитана безпрестанными разспросами о состояніи аттмосферы: « Bonazza, non c'è vento» или « vento contrario—» были его единственные отвѣты.

Наконецъ — ура, ура!-23-го свѣжій Сѣверный вѣтеръ подулъ съ берега, и мы приготовились къ отплытію. Взгляните на эту бѣганню по шканцамъ; посмотрите, какъ проворный матросъ взбирается по веревочнымъ лѣстницамъ на огромную *гротъ*—мачту; послушайте визгъ якорнаго каната; внемлите

безпрерывнымъ крикамъ: *Vira*, *Vira*! и наослѣдокъ, потрудитесь обратить взоры свои отъ береговъ родины на безграничность морскую.—Тогда вы только вполнѣ согласитесь со мною, что первое чувство въ минуту разлуки съ отечествомъ есть, безъ всякихъ *романтическихъ затѣй*, странное, неизъяснимое чувство. Сначала, какая то непонятная радость овладѣла моимъ сердцемъ: казалось, оно ощутило внезапное наслажденіе какимъ то неистощимымъ внутреннимъ богатствомъ въ тотъ мигъ, когда напянутые паруса округлились и заколебавшійся корабль пронулся съ мѣста. Я расхаживалъ скорыми шагами по шканцамъ и громко декламировалъ:

«Шуми, шуми послушное вѣтрило!» и проч.

Но эта болтливая радость исчезла вмѣстѣ съ берегами моей отчизны. Подобно Ирвингу-Вашингтону, мнѣ казалось, что въ это время я закрылъ первый томъ моей жизни со всѣмъ имъ, что онъ заключалъ въ себѣ.

Минувшее душѣ моей,
Какъ сонъ мудреный представлялось:
То краснымъ солнцемъ сй являлось,
То моря бурнаго шемшй. . . .

Берега русскіе были у насъ въ глазахъ еще

въ продолженіе всѣхъ этихъ сутокъ; бѣлыя толпы чаекъ мелькали вдалекѣ за нами. Кромѣ одинаковыхъ со мною животныхъ, я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ увидѣлъ на шканцахъ еще трехъ земныхъ жителей.— Крапчатая лягавая собака спала у капитанской каюшы; рѣзвый котъ игралъ и мурлыкалъ вокругъ нашихъ чугунныхъ пушекъ; пестрая курица прогуливалась и безпечно клевала разсыпанную передъ ней пшеницу. Сія послѣдняя пользовалась по видимому особенною благосклонностью экипажа: «*Ah Marianna, briccona, bestia bricconcella Marianna!*» приговаривалъ птицелюбивый матросъ, гладя свою пернатую спутницу. Многіе путешественники весьма справедливо до меня замѣтили, что всѣ противоположности съ бурною жизнію мореплавателя нравятся вообще его сердцу — и кто-же не согласится, чтобы посреди шумящихъ вокругъ валовъ, пѣніе пѣтуха, лай собаки, щебетанье залетѣвшей съ берега птички не напоминали довольно сладостно сердцу о кровлѣ домашней хижины, о золотомъ, радужномъ утрѣ жизни? Я провелъ весь этотъ вечеръ и бо́льшую половину ночи на палубѣ; ужинъ кончился, и мало по-малу все вокругъ меня почило сномъ богатырскимъ..... Не спалъ одинъ

только я, да рулевой матросъ у озареннаго ночною лампою компаса... Глаза мои искали маяка береговъ одесскихъ: одиноко мерцалъ онъ едва замѣтной огненной точкою на сѣверномъ, неозлащенномъ ни одной звѣздой небосклонѣ. Не знаю, подобныя ли моимъ думы тѣснились въ груди моего спорожеваго спутника; но послѣ нѣсколькихъ фантазированныхъ мотивовъ, онъ тихонько запѣлъ:

I.

O pescator dell'onda,
Fidelin!
Vieni pescar in quà.
Colla bella sua barca,
Colla bella sene và.
Fidelin, lin là.

II.

Che cosa vuol ch'io peschi,
Fidelin?
L'anel che m'è cascà.
Colla bella etc.

III.

Ti darò cento scudi,
Fidelin!
Sta borsa ricamà.
Colla bella etc.

IV.

Non voglio cento scudi,
Fidelin!

Ni borsa ricamà.
Colla bella etc.

V.

Jo vò un bazin d'amore,
Fidelin!
Che quel mi pagherà.
Colla bella sua barca,
Colla bella sene và.
Fibelin, lin là!

Мой пѣвецъ такъ часто повторялъ одно и тоже, что я невольно заимвердилъ его *баркаролу*. Эта простая, но плѣнительная мелодія, будучи, такъ сказать, срединою между тѣмъ, что музыканты зовутъ *canto fermo* и *canto fiorito*, выражала, какъ не льзя лучше, своими переливами отъ спрастныхъ, протяжныхъ мотивомъ къ ритму болѣе игривому, качку и плаванье гондолы по ясно-голубымъ лагунамъ. Смыслъ стиховъ переносилъ также мечты мои на берега поэтической Бренты. Какъ будто невзначай подслушалъ я рѣчи этой сладострастной *синьоры*, которая такъ мило предлагаетъ юному, пригожему рыболову кошелекъ съ цѣлою сотнею секиновъ за то, чтобы сей послѣдній отыскалъ на днѣ морскомъ кольцо упавшее съ ея пальчика: *Египетская* работа! но *Фиделинъ* не дуракъ: деньги и шитый кошелекъ ему

не надобны; поцѣлуй любви можетъ одинъ вознаградить труды его.—Это Венеція, столица живыхъ, ежечасныхъ романовъ, очарованный край, гдѣ женщина «какъ будто на успахъ носитъ свое богатое сердце!»—*Oh, quanto te aspiciam!*—Погруженный въ свои любимыя фанаберіи, я почти не замѣтилъ, какъ адріатическая пѣсня умолкла; аккомпанеманъ черноморскихъ волнъ одинъ продолжался. Часовой звонокъ прозвучалъ полночь; товарищи пѣвуна пробудились на смѣну; я сошелъ въ каюту, и качаемый глубокимъ Эвксиномъ, заснулъ, какъ дитя въ колыбели.

На другой день однообразный горизонтъ воды скрывалъ уже отъ меня Одессу, какъ непроницаемый туманъ, скрывающій отъ человѣка его будущность.... Рѣзкій Сѣверо-Восточный вѣтеръ несъ корабль съ неимовѣрною скоростію, и около слѣдующаго полудня песчаный берегъ Кюстенджи (древняго *Томиса*) мелькнулъ уже вдалекѣ предо мною.

Шекспиръ говоритъ, что попытка золотить золото или бѣлить бѣлоснѣжную лилію есть истинное дурачество: не безразсудно-ли-бы и съ моей стороны было искать словъ для выраженія чувствъ, наполнявшихъ мою сирую душу, при видѣ сей дикой, безжизненной полосы земли, которая орошена сле-

зами божественнаго поэта, освящена прахомъ безсмертнаго изгнанника? Клянусь (но вы и безъ клятвы повѣрите), что эти чувства были не вытвержденныя, не поддѣльныя.

Странно, почему мѣсто Овидіева изгнанія было до сихъ поръ предметомъ столькихъ ипотезъ, и почему нѣкоторые антикваріи искали могилы римскаго поэта близъ береговъ Днѣстра (древняго Тираса). Извѣстно, что это неизъяснимое предположеніе осуществлено даже названіемъ небольшаго городка, построеннаго на берегу Аккерманскаго залива, и еще до сихъ поръ существующаго подъ именемъ *Овидіополя*. Справонъ обозначаетъ довольно явственно географическое положеніе древняго *Томиса*.... «Вправѣ отъ морскаго берега, по направленію отъ священнаго устья *Истера* (Дуная)» — говоритъ онъ — «находится, въ разстояніи 500 стадій маленькій городокъ *Иструсъ* (вѣроятно нынѣшній Гирсовъ). 250 стадій далѣе — существуетъ *Томисъ* (*Τόμις*), другой небольшой городокъ» и проч. (Strab. lib. VII, cap. VI). Аполлодоръ, Мела и наконецъ самъ Овидій не оставляютъ, кажется, никакого сомнѣнія по сему предмету. (См. сего послѣдняго: *Ex Ponto* 4 El. 14, v. 59.—*Trist.* III. El. 9, *v.* 33). По мнѣнію Лапорта-дю-Тайля и Корая, фран-

цузскихъ переводчиковъ Стравона, вычисленіе разстояній, сдѣланное размѣромъ олимпійскихъ стадій, по нашимъ новѣйшимъ картамъ, начиная отъ устья Дуная, называемаго Эдриллисомъ, заставляетъ думать о тожествѣ древняго *Томиса* съ нынѣшнимъ *Томисваромъ;* но что такое *Томисваръ?*—Извѣстный оріенталистъ Г. Гаммеръ, думая видѣть развалины *Томиса* на мѣстѣ нынѣшняго Бабадага, напрасно проискалъ во всей *Добруджійской Татаріи* «означеннаго на многихъ картахъ» города *Томисвара* и кончилъ свои изслѣдованія откровеннымъ признаніемъ, что: «in den ganzen Dobrudscha kein solches Ort existirt.» (*Rumili und Bosna, geographische Beschreibung von Mustapha ben Abdalla Hadschi-Chalfa;* стр. 30, въ примѣчаніи). Отъ Бабадага Г. Гаммеръ бросается за *Томисомъ* къ нынѣшней *Мангаліи:* «Der See, an welchem das alte *Tomi* lag»—говоритъ онъ—«könnte der von Babadag, wahrscheinlicher aber, der bey *Mangalia* gelegen sein.» (Ibid. стран. 196). Тожество *Мангаліи* съ древнею Каллатіею уже давнымъ-давно доказано. — Полагая (по таблицамъ Бартелеми) греческій стадій въ 94½ французскихъ тоаза, и отношеніе сего послѣдняго къ нашей сажени, какъ 76,734:84,000, я нахожу, что разстояніе священнаго устья Дуная отъ *Томиса,*

полагаемое Страбономъ въ 750 стадій, заключаетъ въ себѣ около 129-ти нашихъ верстъ. По картѣ генерала Гильемино, устье Дуная, называемое Эдриллисомъ, находится отъ нынѣшней Кюстенджи почти точь—въ точь на такомъ разстояніи.—Сочинитель Исторической Географіи по древнимъ картамъ Д' Анвилля, называетъ сей послѣдній городокъ *Константіаною*, и ставитъ оный не далѣе четырехъ французскихъ льё отъ древняго *Томиса*.—Основываясь, какъ на этомъ, такъ и на всѣхъ означенныхъ соображеніяхъ, я осмѣливаюсь думать, что во всякомъ случаѣ, могила Овидія существовала не въ одномъ моемъ воображеніи, но могла таиться (и даже весьма не вдалекѣ отъ меня) въ окрестностяхъ Кюстенджи, представившейся глазамъ моимъ 24-го Марта 1829 года, во время моего плаванія въ Варну.

Кромѣ всего этого, Гаджи-Халфа, турецкій географъ и путешественникъ, переведенный Г. Гаммеромъ говоритъ, что близъ Мурадлара видѣлъ онъ древнія развалины огромныхъ каменныхъ стѣнъ, кои простираются отъ *Кюстенджи* вплоть до береговъ Дунайскихъ и даже, по сказанію туземцевъ, до самаго Кинова, или Адамъ-Клиси (Адамовой Церкви). — Это послѣднее сказаніе надѣемся мы

со временемъ повѣрить своими собственными глазами.

« Уфъ! ай! совсѣмъ погрязъ въ премудрой археологической тинѣ. » — воскликнете вы безъ сомнѣнія, читая сію несносную компиляцію. — Постойте! развѣ вамъ неизвѣстно мое собственное отвращеніе отъ всякой ученой и неученой пыли; моя ненависть къ номенклатурамъ, къ пакостнымъ каламбурамъ, къ фразамъ безъ мыслей, къ стихамъ безъ поэзіи? — Но тутъ дѣло идетъ совсѣмъ не о сличеніи нѣсколькихъ дюжинъ убійственныхъ фоліантовъ для опредѣленія одной буквы неизвѣстнаго цѣлому міру алфавита. Смѣю надѣяться, что мѣсто Овидіева изгнанія, доселѣ столь инопланетическое, способно возбудить участіе всѣхъ и каждаго.—Не говорю о *физико-математико-положительныхъ* человѣкахъ.

Міръ давно минувшаго, міръ Продотовъ раскрылся передо мною при взглядѣ на широкій Дунай, верховное божество древнихъ Ѳракіянъ и Скиѳовъ. Какихъ воспоминаній не возбуждаетъ въ сердцѣ этотъ исполинъ рѣкъ европейскихъ! — Походъ и бѣгство Дарія; завоеванія Траяновы; потоки Варваровъ, преобразовавшихъ вселенную. . . . — Исторія стараго и дожившаго до нашихъ дней міра начертана кровавыми буквами на сихъ пустынныхъ

берегахъ — послѣднихъ предѣлахъ неизмѣримой имперіи римской! Семирукій Истръ показался мнѣ столь же мутнымъ, какъ въ старинныя времена пѣвцу Энеиды, когда взирая на него съ палубы моего брига, я мечталъ о дикихъ, безчисленныхъ племенахъ, гнѣздившихся во глубинѣ непроходимыхъ лѣсовъ, кои, по сказанію лѣтописцевъ, покрывали нѣкогда страну сію. Воинственные Скордиски, потомки опустошительныхъ Бренновыхъ полчищъ, Трибаллы, Мизы, баснословные Троглодиты и множество другихъ изверженій древности, (посреди коихъ особенно замѣчательны обитатели Певса (Певчина), одного изъ острововъ, образуемыхъ устьями Дуная — эти Певчины, кои подъ именемъ Печенѣговъ играютъ во времена Восточной Имперіи столь значительную роль въ исторіи нашего отечества)— всѣ сіи народы, озаренные блескомъ вымысловъ и баснописанія, развивались передо мною, подобно фантасмагорическимъ призракамъ, въ туманѣ давноминувшаго; но, посреди сего сумрачнаго хаоса, всего чаще представлялись моему воображенію эти древніе Скиѳы, коихъ Геродотъ Справопъ, Арріанъ и другіе писатели представляютъ намъ столь безпримѣрными счастливцами. — Я душою участвовалъ въ ихъ великодушной борьбѣ съ Царемъ Великимъ; пи-

талъ сердце волшебствомъ ихъ безпредѣльной вольности, мечталъ о союзахъ неизмѣнной дружбы, о живой, бальзамической свѣжести ихъ патріархальнаго существованія. Помнѣмъ блаженство сей дикой, но золотой жизни смѣялось въ умѣ моемъ софизмами непрошеныхъ моралистовъ и законодателей: честолюбивые Аварисы, Токсарисы, Анахарсисы мелькали передо мной на рубежѣ природы, и засѣвали ея благословенную ниву полынью и плевеломъ общественнаго существованія. . . .

Вскорѣ Томисъ утонулъ за нами въ волнахъ Эвксинскаго Понта, и къ вечеру желтоватые берега Мангалін (древней Каллатіи) были уже въ глазахъ моихъ. Вамъ можетъ быть извѣстно, что Томисъ, основанный Милезіянами въ 634-мъ году до Р. Х. и сосѣдственная ему Каллатія считаются нѣкоторыми изъ ученыхъ въ числѣ федеральныхъ городовъ древняго греческаго Пятисоюзія (*ΠΕΝΤΑΠΟΛΕΩΣ*), существовавшаго на западномъ берегу Чернаго Моря.

Но вотъ погода нахмурилась: усилившійся вѣтеръ началъ вскорѣ дышать совершенною бурею. Не страшишься, между нѣмъ, подробнаго описанія оной: убаюканный клокочущею стихіею, я долго не могъ приподнять головы

съ своей койки и видѣлъ только летавшаго изъ угла въ уголъ капитана, слышалъ только плескъ волны, перескакивавшей черезъ палубу.—Около вечера однакожъ, волны до того разыгрались, что полагая быть гораздо покойнѣе на верху, я наконецъ рѣшился выдти на палубу. Полный очеркъ картины, поразившей меня въ эту минуту, увидите вы конечно не въ этомъ посланіи. Отуманенное море казалось мнѣ совершенно слитымъ въ единый сумрачный дымъ съ погастими надъ нимъ небесами. Все объемлемое взоромъ пространство-то отбѣгало прочь, то подымалось чудовищной горою на горизонтѣ, и завывая неслось на бѣдный бригъ нашъ. Съ этой зыбучей вершины мы вдругъ погружались въ черную и, по чести, нисколько не забавную бездну. Море клокотало, сырой и пронзительный вѣтеръ свисталъ подобно милліону ружейныхъ пуль; корабль нашъ грозилъ ежеминутно опрокинуться то на ту, то на другую сторону, и скрыпѣлъ, какъ будто подъ пыткою. — При каждомъ порывѣ вѣтра, нѣкоторые изъ нашихъ матросовъ крестились, блѣднѣли и плакали; капитанъ бѣгалъ по шканцамъ, какъ будто помѣшанный. Темнота наступившей ночи принудила насъ бросить якорь миляхъ въ 15^{ти} отъ Коварны; но, не взирая на то,

грохотъ нашихъ пушекъ требовалъ уже черезъ нѣсколько времени помощи: отвѣта не было, и кораблекрушеніе казалось намъ неизбѣжнымъ. Адскій мракъ, громъ, молнія; но безъ дальнѣйшихъ подробностей, будьте увѣрены, что на изголовьи какихъ нибудь упругихъ, пламенныхъ, душистыхъ персей, и не у огня своего *Дорошихинскаго* камина, вы провели эту ночь несравненно покойнѣе нашего. Послѣ полуночи вѣтеръ спалъ однако мало-по-малу спихать, и на разсвѣтѣ, густой туманъ, скрывавшій отъ меня берега Болгаріи, начиналъ уже разсѣиваться. Я нетерпѣливо желалъ видѣть сію чуждую землю, и любопытно смотрѣлъ, какъ въ далекѣ—то букетъ зелени выказывался вдругъ изъ-за матоваго облака, то каменный утесъ медленно сбрасывалъ съ себя это зыбучее покрывало и драпировался его серебряной дымкою. Проглянуло солнце. Это солнце старинной Мизіи! какъ теплы, какъ благодатны лучи его! какъ жива, какъ прозрачна лазурь сего поэтическаго неба!

Плодоносная Добруджа была въ глазахъ моихъ. Вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что такъ нынѣшніе географы называютъ всю эту необозримую равнину, которая простирается отъ Силистріи и Шумли вдоль береговъ Дуная и Чернаго Моря вплоть до самаго Анлоса.

Ученый переводчикъ Гаджи-Халфы довольно основательно производитъ названіе Добруджи отъ мизійскаго *Добрикеоси* (*Добрικηος*), о коемъ Халькондилъ не разъ упоминаетъ въ своей лѣтописи. По словамъ Г. Гаммера — безчисленныя стада коровъ и барановъ гуляютъ тамъ вмѣстѣ съ табунами коней по тучнымъ, холмистымъ пажитямъ. Жители (бо́льшею частію Татары, раздѣленные, какъ замѣчаетъ Малте-Брюнъ, на двѣ орды : *Ораки* и *Орумбеты*), свято соблюдаютъ гостепріимство, заповѣданное Кораномъ.—Богатые, подобно древнимъ Скиѳамъ, дарами пчелъ и овецъ своихъ, отцы семействъ оспориваютъ другъ у друга честь пріютить странника, и въ продолженіе трехъ сутокъ безъ всякой мзды угощаютъ его. Всѣ эти замѣчанія сообщаю я вамъ прежде времени потому, что весьма плохо надѣюсь удостовѣриться лично въ истинѣ оныхъ : съ прошлаго 1828 года спаниститка здѣшнихъ странъ едвали отчасти не измѣнилась противъ прежняго.

«Эти горы, теперь столь голыя»— сказалъ мнѣ капитанъ —« были до нынѣшней войны покрыты густыми фруктовыми садами; а эти огромныя груды каменьевъ, которыя мелькаютъ въ далекѣ передъ нами – кто повѣритъ, что они составляли цвѣтущія селенія, кото-

рыя были столь еще недавно одушевлены ихъ обитателями! Видите ли вы этотъ полукруглый, вдавшійся въ море утесъ?» — продолжалъ капитанъ — «онъ называется Капо-Калакріею. На вершинѣ онаго находятся развалины старой крѣпости, съ многочисленными памятниками Венеціянскаго владычества.»

Названіе Capo Calacria (мысъ Калакрія) описываетъ дѣйствительно Венецію: а потому, если вѣрить, что мѣсто сіе въ самомъ дѣлѣ принадлежало сей могущественной республикѣ, то должно полагать, что она основала на немъ свое владычество по раздѣленіи областей Восточной Имперіи между Венеціянами и Французами въ 1204 году, послѣ взятія Константинополя Крестоносцами, бѣгства Алексія Луки (применованнаго Мурзуфломъ) и возведенія на престолъ Восточной Имперіи Балдуина, Графа Фландрскаго. Лѣто и другіе историки говорятъ, что, въ слѣдствіе сего раздѣла, Венеціяне взяли между прочимъ на свою часть почти всѣ приморскія мѣста имперіи отъ восточныхъ береговъ Адріатическаго Моря до береговъ Эвксинскаго Понта; но если Калакрія находилась въ числѣ сихъ пріобрѣтеній, то изъ сего ясно видно, что Левъ св. Марка проникъ съ этой стороны еще глубже въ нѣдра Восточной Имперіи.

Для ученыхъ Калакрія несравненно любопытнѣе сего по остаткамъ древности, сохранившимся на вершинѣ оной. Г. адмиралъ Грейгъ говорилъ мнѣ, что онъ нашелъ тамъ два куска мрамора съ древними греческими надписями. Ни одинъ изъ древнихъ историковъ и географовъ не упоминаетъ, сколько мнѣ извѣстно, о существованіи какого-либо поселенія на семъ мѣстѣ: слѣдовательно, находка адмирала должна быть тѣмъ драгоцѣннѣе для ученаго свѣта.

«Онъ Калакріи до Коварны» — продолжалъ Капитанъ — «не болѣе 9-ти миль; за нею Бальчикъ, и потомъ, Варна.» — Скорѣе же, скорѣе въ Варну! — возразилъ я; но уснувшій вѣтеръ едва двигалъ насъ съ мѣста.

27го мы уже слышали гулъ варнской заревой пушки, и должны были снова бросить якорь миляхъ въ 8-ми отъ сей крѣпости. На другой день—тоже безвѣтріе. Варна была уже въ глазахъ моихъ, и какъ будто смѣялась надъ нашимъ безсиліемъ приблизиться къ ея пристани. Терпѣніе мое наконецъ истощилось. Капитанъ намекнулъ о своемъ баркасѣ, и я, обрадованный симъ предложеніемъ, просилъ въ тту же минуту спустить оный. Черезъ четверть часа, восемь веселъ уже разсѣкало подо мной послушныя волны.

Сначала легкій боковой вѣтеръ поокруглилъ немного подпятый нами парусъ; но черезъ нѣсколько минутъ онъ упалъ совершенно, и вскорѣ плаваніе на однихъ веслахъ надоѣло нетерпѣливымъ гребцамъ моимъ. Приблизясь, въ слѣдствіе того, почти къ самому берегу, они вдругъ спрыгнули всѣ въ воду, и привязавъ къ барказу довольно длинныя веревки, начали тянуть его на себѣ *по морю, какъ по суху*. Видя своихъ спутниковъ по поясъ въ водѣ, я сначала убѣждалъ ихъ не дѣлать подобныхъ глупостей; но получа въ отвѣтъ одно только: «Niente, niente, Signore!» — сопровождаемое громкимъ смѣхомъ и молодечествомъ, странникъ вашъ, подвигался такимъ образомъ препокойно впередъ, какъ Нептунъ, везомый Тритонами.

Послѣ довольно долгой и столь забавной навигаціи, мы вошли наконецъ въ заливъ Варискій. Я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на берега, которые въ этомъ мѣстѣ необыкновенно прелестны. Дикіе утесы, и цвѣтущая зелень, бѣгущіе съ горъ фонтаны, и это голубое, необозримое море, составляютъ здѣсь очаровательную смѣсь природы романтической съ нѣжною буколическою природою. — Морскія чудовища выставляли изъ воды свои странныя морды, рѣзвясь и плескаясь вдалекѣ

передъ нами. Огромная чугунная пушка валялась на берегу, полусокрытая пескомъ и свисшувшимъ съ горъ кустарникомъ. Я выѣхалъ изъ ледянаго царства зимы, и черезъ семь дней очутился въ странѣ, обогащенной всѣми дарами весны благодатной.

Часа черезъ два амфитеатръ бѣлыхъ, издали довольно красивыхъ домиковъ, съ красными черепичными кровлями и горизонтомъ зеленѣющихся позади горъ, предсшавился, какъ прекрасная панорама, глазамъ моимъ. Два или три минарета возвышались надъ массою строеній. Издали мнѣ все казалось такъ ново, пестро и разнообразно, что я почти не замѣтилъ, какъ проплывъ между рядами стоящихъ въ гавани купеческихъ судовъ, мы пристали наконецъ около 12-ти часовъ къ сѣвернымъ воротамъ Варны. Тамъ, прежде всего, увидѣлъ я дюжины полторы восточныхъ прачекъ, да толпу мирно-шалившихъ мальчиковъ; попо́мъ—русская пушка выглянула вдругъ изъ своей амбразуры; русскій штыкъ сверкнулъ на покатости высокаго парапета; пото́мъ—невольное *ура!* вырвалось изъ моего сердца, когда нашъ черный двуглавый Орелъ принялъ меня подъ широкія крылья свои, мощно разпростертыя надъ спѣнами покоренной крѣпости.

Вамъ извѣстно, что этотъ громовержущій Орелъ владѣетъ вперевые красавицей — Варной. Еще во время войны 1773 года графъ Румянцевъ покушался взять сію крѣпость, и въ слѣдствіе того, отдѣлилъ изъ-подъ Силистріи два корпуса прошивъ оной; но иногда это смѣлое покушеніе не увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ. Въ слѣдующемъ году тотъ же полководецъ, обошедъ позицію Визиря Мехмета-Оглу, сталъ между его лагеремъ и Варною — жительницею Константинополя и войскъ оттоманскихъ. Султанъ Абдулъ-Гамидъ, устрашенный столь пагубнымъ для нихъ событіемъ, предложилъ Русскимъ миръ, который и заключенъ при Кучукъ-Кайнарджи въ 1774 году. По разбитіи Верховнаго Визиря Юсуфа-Паши въ 1791-мъ, князь Рѣпнинъ сталъ вновь угрожать Варнѣ; но посредничество Англіи и Пруссіи, встревоженныхъ ураганомъ французской революціи, спасло и на этотъ разъ сію крѣпость. Въ 1810-мъ году, по взятіи Базарджика и плѣненіи Сераскира Челибана-Паши, столь извѣстнаго своими военными дарованіями, Варна была почти цѣлый годъ обложена Русскими. Блокада сія сняша, между прочимъ, какъ и всѣ предыдущія, при знаменитомъ Кутузовѣ, смѣнившемъ въ 1811-мъ графа Каменскаго. Наконецъ 29 Сентября, прошлаго 1828 года,

полки наши, предводительствуемые генераломъ графомъ Воронцовымъ, сорвали Оттоманскую Луну въ присутствіи своего Императора съ бастіоновъ разстрѣлянной Варны.— Важный, огромный шагъ къ Византіи! Не изъ магнита ли скованъ былъ древній щитъ, повѣшенный Олегомъ на вратахъ града Константинова?.....

Вступивъ въ городъ, я съ перваго взгляда подумалъ, что перенесенъ въ сказочный міръ Шехеразады, въ этотъ вѣчно занимательный Багдадъ, столицу могущественнаго Халифата. Правду сказать—ни одинъ правовѣрный не встрѣтился со мною, но чалмоносные Болгары, Армяне и Греки, мелькавшіе въ темныхъ и чрезвычайно тѣсныхъ улицахъ, но пестрѣющіеся въ открытыхъ лавкахъ азіятскіе товары, но эти смуглыя лица, этотъ чуждый языкъ и одежда, не разрушали очарованія до встрѣчи съ первымъ русскимъ солдатомъ. Я спросилъ его о квартирѣ генерала Г., и услужливый гренадеръ взялся быть проводникомъ моимъ. Послѣ довольно долгаго путешествія по тысячѣ перепутанныхъ улицъ и переулковъ, онъ вошелъ наконецъ на тѣсный дворъ, и остановясь передъ чистымъ деревяннымъ домикомъ сказалъ: «Вотъ квартира военноначальствующаго.»

Генералъ принялъ меня въ небольшой, но довольно опрятной комнаткѣ. Веселый видъ и убранство оной могутъ въ военное время, и особенно въ Турціи, назваться наслажденіемъ истинно-аристократическимъ. Узнавъ цѣль моего прибытія въ Варну, генералъ показалъ мнѣ, между прочимъ, нѣсколько медалей собранныхъ имъ въ сей крѣпости. Бо́льшая часть оныхъ принадлежитъ Риму и Восточной Имперіи; медалей древней Греціи, я замѣтилъ весьма не много. Между сими послѣдними серебряныя монеты Іеіпроса попадались мнѣ въ наибо́льшемъ количествѣ. На мое замѣчаніе, что мы находимся въ странѣ классической, генералъ отвѣтствовалъ: «Правда; но война не наперстница Археологіи: вамъ конечно покажется страннымъ, что эти драгоцѣнные мраморы, которые могли существовать въ турецкой Варнѣ, употреблены уже вѣроятно, вмѣстѣ съ другими каменьями, на поправленіе нашей крѣпости. Что же касается до сокровищъ нумисматическихъ, то Варна была сначала довольно богата ими; но должно полагать, что всѣ сіи драгоцѣнности пріобрѣтены въ тоже время разными частными лицами. Вы къ намъ нѣсколько поздно пріѣхали.»

За всѣмъ тѣмъ, трудно описать, съ какимъ радушіемъ почтенный генералъ Г. принялъ меня. До пріисканія себѣ квартиры, я остановился у Г. г. его адъютантовъ, откуда и пишу сіи строки. Но довольно. Чувствую, что

Le secret d'ennuyer est celui de tout dire,

и не взирая на то, намѣренъ, нѣсколько осмотрѣвшись, сообщить вамъ о Варнѣ все, что почту достойнымъ вашего вниманія. — Прощайте.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Ему же.

Варна, 4 Апрѣля.

Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я обитаю въ Варнѣ; скитаюсь посреди развалинъ, хлопочу о медаляхъ, о кускахъ древняго мрамора; — живу и бесѣдую съ мертвою природою. Судьба, судьба!—Около трехъ лѣтъ тому назадъ, когда величавая Нева видѣла насъ вмѣстѣ на роскошныхъ берегахъ своихъ, какой кудесникъ могъ бы увѣрить меня, что черезъ нѣсколько времени песокъ съ могилы злополучнаго Владислава засыплетъ строки письма сего!

Я уже сказалъ вамъ, что съ палубы корабля, Варна и ея окрестности представляютъ картину столь очаровательную, но вмѣстѣ столь странную и неопредѣленную, что для

изображенія оной нѣжныя краски Авзоніи должны, кажется, непремѣнно войти въ сочетаніе съ яркимъ колоритомъ Востока. Городъ и крѣпость построены на легкой покатости, образуемой склоненіемъ горъ, зеленѣющихся сугубымъ оплотомъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ Варны: съ южной и сѣверной. Западная часть крѣпости смотрится въ зеркало Девинскаго Лимана, а восточная стоитъ повелительнымъ рубежемъ надъ необозримою равниною моря, коего волны съ шумомъ и грозною покорностію умираютъ у ногъ доселѣ неприступной твердыни. Съ этой стороны толстыя стѣны крѣпости чрезвычайно потерпѣли отъ посылокъ нашей артиллеріи: широкіе проломы и обильныя груды каменьевъ громко говорятъ о мѣткости русскихъ пушекъ. Въ сей-то разстрѣлянной оградѣ пестрѣетъ обширный амфитеатръ домовъ и мечетей, фруктовыхъ садовъ, мраморныхъ фонтановъ и свѣжихъ, повсемѣстныхъ развалинъ. Надъ симъ-то разнообразнымъ хаосомъ высокіе минареты возносятъ свои серебристые куполы, окованные яркоблещущими листами полированой жести или олова. Внутренность города представляетъ Европейцу картину еще болѣе необыкновенную: дома обращены окнами на дворъ, дворы закрыты

густою зеленью. Улицы столь тѣсны, что едва ли три человѣка могутъ рядомъ проходить свободно, а строенія такъ сжаты, что въ самый полдень свѣтъ борется съ тѣнью между рядами сихъ однообразныхъ стѣнъ, непроницаемыхъ для любопытнаго странника, непроницаемыхъ для любопытства черноокой восточной красавицы. . . . Не думайте, между тѣмъ, чтобы Варна была вездѣ такъ темна и однообразна; трудно напротивъ изобразить эту очаровательную постепенность, съ коею здѣшнее великолѣпное солнце выходитъ изъ темницы сихъ безполковыхъ, перепутанныхъ улицъ. Становясь мало по малу краснѣе и явственнѣе на углахъ перекрестныхъ строеній, оно сосредоточиваетъ все золото жаркихъ лучей своихъ на просторѣ небольшихъ площадокъ, посреди коихъ уединенный мраморный фонтанъ журчитъ обыкновенно подъ тѣнью орѣховыхъ, шелковичныхъ и разныхъ другихъ деревьевъ. Эти фонтаны попадаются здѣсь почти на каждомъ шагу; возглавія ихъ испещрены кудреватыми восточными надписями. Считаю за лишнее говорить, какъ отрадна холодная струя сихъ прекрасныхъ водоемовъ во время томительныхъ жаровъ долгаго болгарскаго лѣта. Не взирая на сіе пояснение, вы по моему описанію можете быть

заключимъ, что Варна мертвый, безцвѣтный городъ: напрасно. Взглянимъ на эту узкую, кривую, но безконечную улицу: какой шумъ! какая суетливость! Вотъ лавка съ косметическими товарами Востока, вотъ другая съ благовонной *халвою*, съ плодами, съ разными Цареградскими лакомствами. Тамъ пестрѣются шелковыя издѣлія роскошнаго Стамбула; здѣсь дымится кофе въ маленькихъ синихъ чашечкахъ, вставленныхъ въ серебряныя, сдѣланныя на подобіе вазъ блюдечки, а не въ далекѣ алѣетъ *шербетъ ароматный*. Мастерская портнаго, лавка пирожника, булочника, съ засученными по шею рукавами — все это наружу, все открыто; улица изукрашена, такъ сказать, картинами изъ *Тысяча и одной ночи*. Смѣсь лицъ и нарядовъ представляетъ зрѣлище не менѣе любопытное. Вотъ Турокъ (плѣнный разумѣется) съ гордымъ, угрюмымъ челомъ и важною поступью; вотъ Армянинъ смуглый и молчаливый; вотъ Болгаръ съ тупою невыразительностью лица и тяжелою машинальностію движеній; вотъ Грекъ, наконецъ, быстрый и проворный, съ разбѣгающимися глазами и съ хитрой, двусмысленной физіогноміей. Нарядъ турецкій вамъ извѣстенъ; одѣяніе здѣшнихъ Болгаръ, Армянъ и Грековъ почти во всемъ подобно ему. Одна

только чалма отличаетъ гяура отъ правовѣрнаго: сей послѣдній пользуется исключительнымъ правомъ обвивать ее бѣлою или зеленою шкапью. Армяне и Греки употребляютъ для сего шали, бо̀льшею частію чернаго цвѣта, а Болгары носятъ круглыя бараньи ярмолки, подобныя недавнимъ шапочкамъ нашихъ *fashionables*. — Посреди сей азіятской толпы вы встрѣчаете также немало остапковъ Израиля и множество фигуръ европейскихъ: русскихъ, французскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ; солдатъ, шкиперовъ, матросовъ и честныхъ, общеполезныхъ маркитантовъ. Кстати о сихъ послѣднихъ: на здѣшнихъ вывѣскахъ вы имѣете удовольствіе читать, не только: Hôtel d'Odessa, Hôtel de * * * и проч., но даже: Martin, cave française; Fendrig, magasin de draps et nouveautés etc., etc.. Златое, чудесное изобиліе! Здѣсь въ особенности симпатія его къ карману ничѣмъ не уступитъ постоянному влеченію магнитной стрѣлки къ Сѣверному полюсу.

Вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что турецкіе жители (бо̀льшая часть здѣшняго народонаселенія) оставили Варну въ слѣдствіе капитуляціи 27го Сентября. Мѣсто ихъ занимаютъ каждый день греческіе и болгарскіе эмигранты, бѣгущіе сюда толпами изъ окрестныхъ турец-

кихъ городовъ и селеній. Вотъ, кажется, достаточная причина невозможности сообщить вамъ удовлетворительныя статистическія и другія свѣденія о Варнѣ; а потому, все, что касается сего важнаго предмета, должно къ сожалѣнію состоять въ одномъ повтореніи тѣхъ гадательныхъ подробностей, которыя для читающаго міра не будутъ уже конечно новостію.

Варна находится подъ 43° 10′ С. широты и подъ 25° 40′ долг.. Знаменитая крѣпость сія была издревле извѣстна и своимъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ, и важностію своей торговли. Въ сихъ отношеніяхъ она и теперь можетъ назваться первымъ приморскимъ городомъ въ Болгаріи, будучи также транзитнымъ мѣстомъ всѣхъ вообще товаровъ, идущихъ изъ сей провинціи и Валахіи въ Константинополь и обратно. Варна заключаетъ, или, какъ говорятъ, заключала въ себѣ до послѣдней осады около 4,000 домовъ и до 26,000 жителей. Языкъ турецкій есть ихъ господствующее нарѣчіе. За исключеніемъ Севастопольскаго и Сизопольскаго портовъ, здѣшняя пристань почитается единственною на Черномъ Морѣ. Настоящая промышленность жителей состоитъ въ снабженіи Константинополя и окрестныхъ мѣстъ разными съѣстными потребностями.

Здѣсь кромѣ весьма небольшаго количества ословъ и буйволовъ, я не видалъ почти никакихъ животныхъ. Лошади, овцы и другой домашній скотъ сдѣлался, по словамъ жителей, добычею Турокъ, во время осады крѣпости. Я насчиталъ въ Варнѣ пять или шесть мечетей, кромѣ тѣхъ, кои превращены въ прахъ нашими пушками, и отыскалъ не менѣе сего церквей христіанскихъ. Я говорю отыскалъ, ибо фанатизмъ правовѣрныхъ сравнялъ ихъ съ кровлями другихъ строеній. Двѣ только церкви, по видимому древнѣйшія въ Варнѣ, возносятъ остатки своихъ готическихъ колоколень надъ окружающими ихъ домиками. Одна изъ нихъ служила, какъ говорятъ, Туркамъ наблюдательною башнею во время послѣдней осады: она избита нашими ядрами. Я вошелъ во внутренность церкви: прахъ и запустѣніе! На спѣнахъ, между тѣмъ, замѣтны еще образа святыхъ, писанные по штукатуркѣ; но повѣрите ли: слѣпое неистовство Оттомановъ обратило даже и на эти нѣмыя изображенія дикіе порывы своей безсильной ярости: въ одномъ мѣстѣ—выколотые глаза, въ другомъ—ликъ искаженный!.... Впрочемъ, здѣсь и непронутые христіанскіе храмы представляютъ повсюду печальный видъ нищеты и разрушенія. Вотъ вамъ въ нѣсколькихъ сло-

вахъ изображеніе здѣшней греческой церкви: почти всѣ онѣ построены посреди широкихъ дворовъ, окруженныхъ сѣрыми каменными заборами и усѣянныхъ надгробными мраморами. Подобно костямъ, тлѣющимъ на равнинѣ старой битвы, эти унылые памятники мелькаютъ повсюду изъ-за высокой травы и наводятъ на душу, мертвымъ отблескомъ холодной бѣлизны своей, самыя печальныя размышленія. Внутренность храма нисколько ихъ не разсѣиваетъ. Тѣсный, сумрачный, обнаженный, онъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной сбираются мужчины, въ другой—женщины. Тусклый свѣтъ лампады трепещетъ на темныхъ краскахъ и на угасшей позолотѣ иконъ, современныхъ по крайней мѣрѣ царствованію послѣднихъ Палеологовъ; а на полу и часто даже на стѣнахъ, вы встрѣчаете вдѣланный обломокъ мраморнаго барельефа съ языческою надписью .... Греки и Римляне, Архонты и Кесари, Язычники и Христіане — вѣка смѣшали въ семъ безмолвномъ хаосѣ яркія черты бывшія ихъ- и слѣды онаго еще живы здѣсь!—Каждая церковь охраняется обыкновенно одною старою отшельницею, которая и обитаетъ тутъ же, посреди развалинъ. Эта же самая Сивилла служитъ единственнымъ *гидероне* набожности и любопытству.

Здѣшніе христіане имѣютъ двухъ архипастырей: это митрополиты греческій и армянскій. Надѣясь обогатиться отъ нихъ какими нибудь свѣденіями относительно моихъ изысканій, я посѣтилъ того и другаго. Съ первымъ познакомился я у вечерни въ соборной церкви. По окончаніи службы, на спросъ мой о митрополитѣ, мнѣ указали бѣднаго, немощнаго старца: я подошелъ къ нему; но въ ту же минуту густая толпа окружила насъ. Напрасно мой драгоманъ начиналъ объясненіе; тысяча голосовъ, тысяча языковъ испорченныхъ русскихъ, болгарскихъ, греческихъ, хотѣло пособлять ему. Это вавилонское многоязычіе сопровождало насъ вплоть до митрополитова дома. Машинальнымъ движеніемъ руки пригласилъ онъ меня войти въ комнату; но и сія плотина не удержала наводненія. Впрочемъ почтенный первосвященникъ взиралъ на эту гурьбу съ необыкновеннымъ равнодушіемъ, какъ человѣкъ, по видимому освоенный съ подобными посѣщеніями. И такъ — народъ съ шумомъ ринулся вслѣдъ за нами; каждый хотѣлъ говорить, каждый кричалъ, толпился, безъ церемоніи набивалъ и раскуривалъ свою трубку. Съ невъяснимымъ трудомъ почтенный митрополитъ добился наконецъ возможности объяснить мнѣ, что

милорды инглези, посѣщающіе съ давнихъ поръ страну сію, вывезли изъ оной вѣроятно всѣ достопамятности. Бѣдный старикъ! какое сравненіе съ европейскими прелатами, живыми портретами столь извѣстнаго оригинала, который,

. . . . . muni d'un déjeuner
Dormant d'un léger somme, attendait le diner.
. . . . . .
Son menton sur son sein descend à double étage;
Et son corps ramassé dans sa courte grosseur,
Fait gémir les coussins sous sa molle épaisseur.

Митрополитъ армянскій пользуется, по видимому, гораздо мѣньшею народностію, нежели первосвященникъ греческій. Онъ принялъ меня въ присутствіи двухъ только служителей своей церкви, угостилъ вареньемъ, кофеемъ, трубкою, и предложилъ проводника для обозрѣнія армянскихъ храмовъ. Все это хорошо; но тишина уединенной Арменіи подвинула меня къ главной цѣли моего посѣщенія столь же близко, какъ и эта безтолковая кутерьма, коею шумная Грецiя угостила меня.

Чтобы довершить сей безцвѣтный, но вѣрный очеркъ Варны, мнѣ остается показать вамъ внутренность здѣшняго дома. По занимаемой мною квартирѣ, вы можете нѣкоторымъ образомъ судить вообще объ изяществѣ туреческаго зодчества.

На другой день по прибытіи моемъ въ Варну, мнѣ отвели квартиру въ бѣдномъ греческомъ домикѣ, тѣсномъ, полуразрушенномъ, но по сосѣдству съ квартирою генерала Г., болѣе другихъ для меня удобномъ. Одинъ изъ адъютантовъ генерала ввелъ меня по тѣсной и чрезвычайно крутой лѣстницѣ на узкіе помосты, или на открытую галлерею, если вамъ угодно почтить симъ названіемъ нѣсколько досточекъ, разложенныхъ во всю длину внутренней стѣны дома. На томъ и на другомъ концѣ сей галлереи устроено по одному жилью.—Хозяева, утомленные безпрестаннымъ постоемъ, были, какъ вы можете представить себѣ, не совсѣмъ рады новому постояльцу. Подушки, образовавшія диванъ вокругъ всей комнаты, и украшавшія оную вмѣсто ковровъ рогожки, были вынесены. — « Вотъ запустѣніе!» воскликнулъ я, вступивъ въ сію скудную обитель. — « Что въ сравненіи съ нимъ эта сердечная пустота, мучительница нѣкоторыхъ изъ нашихъ поэтовъ, странниковъ въ домѣ родительскомъ, Чайльдъ-Гарольдовъ въ какомъ нибудь полку или канцеляріи! » — Выбѣленное мѣломъ жилье обращено окнами на дворъ, разбитыя стекла заклеены бумагою, и свѣтъ проникаетъ въ комнату только чрезъ дверь и безчисленныя скважины

стѣнъ, потолка и глинянаго пола, полупревращеннаго въ *прахъ летучій*. Близъ двери возвышается наметъ огромнаго камина, который служитъ только для разведенія огня, но почти нисколько не согрѣваетъ комнаты, ибо трубы турецкихъ печей никогда не закрываются, подобно нашимъ. Водворясь въ сей великолѣпной обители, я прежде всего принялся хлопотать о мебелированіи оной. Вскорѣ старый изувѣченный столъ, подобный и цвѣтомъ и формою законченному Пиѳійскому треножнику, двѣ скамейки и кровать украсили черноги мои. На столѣ разложилъ я свои книги, бумаги и проч., а стѣны украсилъ картами Болгаріи и Румиліи, которыя привезъ съ собою.

Познакомивъ васъ такимъ образомъ съ предметами неодушевленными, я долженъ также сказать нѣсколько словъ о живой мебели моей квартиры: въ семъ качествѣ прошу васъ полюбить моего хозяина. Не взирая на рѣшительное свое отвращеніе къ постояльцамъ, онъ не замедлилъ посѣтить меня. Помѣстившись подъ наметомъ камина и раскуривъ безъ дальнихъ околичностей свою трубку, этотъ добрякъ затѣялъ со мною самую дружескую конференцію. Я говорилъ по-русски, онъ—по-турецки и по-гречески. Много ли мы понимали одинъ другаго — объ этомъ ни

слова: довольно того, что протолковавъ болѣе часу, мы разстались самыми добрыми пріятелями. Подобная словоохотливость есть впрочемъ исключеніе изъ общаго правила въ Варнѣ, гдѣ нравы христіанскихъ жителей, подчиненные столь долгому вліянію турецкихъ обычаевъ, приняли всѣ оттѣнки этой дикой суровости, которая всегда и вездѣ была отличительною чертою оттоманскаго характера. Безпрестанныя мои прогулки по Варнѣ знакомятъ меня каждый день болѣе и болѣе съ ея неприступной угрюмостью — « Есть-ли у тебя *антики*? » спрашиваете вы у купца, сидящаго съ поджатыми ногами во глубинѣ своей лавки, и окруженнаго густыми облаками табачнаго дыму. — Легкое уклоненіе головы или лаконическое : « *Іокъ*! » (нѣтъ), произнесенное съ холодною важностію и съ отвращеннымъ въ ту же минуту лицемъ, есть единственный отвѣтъ его въ знакъ отрицанія. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, *автоматъ* начинаетъ мало-по-малу приходить въ движеніе; глупая улыбка появляется на устахъ его; кожаный мѣшокъ развязывается иногда цѣлыя полчаса; и наконецъ—множество различныхъ монетъ: старыхъ талеровъ, флориновъ и часто нашихъ полновѣсныхъ Павловскихъ грошей и копѣекъ, сыплется передъ вами на столъ

вмѣстѣ съ драгоцѣнными медалями Греціи. Въ эту минуту вся физіогномія нумисмата оживляется быстротою перемѣною: жажда корысти становится главнымъ ея выраженіемъ; глаза, дотолѣ почти неподвижные, начинаютъ разбѣгаться во всѣ стороны, какъ будто спрашась согласія съ движеніями и словами честнаго спекулатора. Благодѣтельная нить Аріадны необходима въ лабиринтѣ слѣдующихъ за симъ поисковъ. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о достоинствѣ своего товара, купецъ подсматриваетъ всѣ ваши движенія, и если замѣтитъ, что вниманіе ваше обращено въ особенности на какую-либо монету, то вы можете быть увѣрены, что грозное: 800 или 1000 *левовъ*, подобно внезапному электрическому удару отпрянетъ васъ отъ оной. Разгадавъ наконецъ сію важную тайну, я рѣшился посвящать всѣ наружные знаки моего восторга и удивленія старымъ грошамъ и копѣйкамъ. Такимъ только образомъ удалось мнѣ купить до сихъ поръ нѣсколько древнихъ монетъ и медалей, изъ коихъ нѣкоторыя кажутся мнѣ драгоцѣнными; но пора обратиться къ главному предмету моего путешествія и сказать вамъ нѣсколько словъ о сдѣланныхъ мною по сіе время открытіяхъ.

Генералъ Р., главнопачальствующій въ здѣшней крѣпости, подивердилъ мнѣ объясненныя генераломъ Г. трудности обогатиться какими-либо открытіями въ Варнѣ. О Кюсенджи и о Мангаліи онъ говорилъ также, какъ о мѣстахъ опустошенныхъ и, сверхъ того, оставленныхъ бѣдными ихъ жителями. По его мнѣнію мнѣ должно было немедленно ѣхать за Балканы, чтобы въ покоренномъ недавно Сизополѣ заспать предполагаемые слѣды древней Аполлоніи, пока армейскія гарпіи не успѣли еще поглотить послѣднихъ остатковъ ея; но Варна была главною цѣлію моихъ изысканій; желаніе доказать тожество сей крѣпости съ древней Одессою, лежало у меня пуще всего на сердцѣ: и я, кажется, не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ; но за то—сколько забот, сколько хлопотъ—смѣшныхъ, досадныхъ, иногда почти совсѣмъ нестерпимыхъ!

За недостаткомъ пособій болѣе существенныхъ, я надѣялся руководствоваться въ моихъ изысканіяхъ по крайней мѣрѣ изустными преданіями жителей — темными, разногласными, но живыми отголосками вѣковъ, завѣщавшихъ столь мало скрижалямъ бытописанія; но я сказалъ уже, что коренные туземцы разсѣяны, а пришельцы, водворившіеся въ русской Варнѣ, не могли ни въ какомъ отно-

шеніи, отвѣчаешь удовлетворительно на мои распросы. За всѣмъ тѣмъ, время и непоколебимая воля—какихъ чудесъ не творятъ они! Но прежде, нежели обращу ваше вниманіе на сдѣланныя мною открытія, да позволено будетъ робкому *неофиту* коснуться слегка, мимоходомъ, и какъ необходимаго только приложенія къ смиреннымъ его изысканіямъ, этой сумрачной, двадцати-вѣковой завѣсы, изъподъ коей нынѣшніе антикваріи выводятъ свои тусклыя ипотезы о существованіи древней Одессы. Въ семъ случаѣ я вмѣняю себѣ между прочимъ въ обязанность объявить, что ученое руководство Г. Бларамберга, почтеннаго моего вожатая въ дедалѣ Археологіи, есть главный источникъ предлагаемой компиляціи.

Милезейскіе переселенцы, одушевившіе берега Эвксина около средины VII вѣка до нашей эры своими богатыми поселеніями, были по словамъ Схимна Хіосскаго и безыменнаго автора Перипла по Черному Морю, основателями древней Одессы (*ΟΔΗΣΣΟΣ*). Созданіе сего города относится, по сказанію означенныхъ писателей, ко временамъ мидійскаго царя Астіага, дѣда Кирова, т. е. къ эпохѣ, протекшей между 594 и 559 годами до Р. Х.. Названіе Одессы не требуетъ, кажется, дальнихъ этимологическихъ изысканій: оно безъ со-

мнѣнія происходитъ отъ имени Одиссевса (Улисса) и такимъ образомъ служитъ доказательствомъ того уваженія, которое жители береговъ Эвксина сохранили къ памяти велнкаго царя-мореплавателя.

Пять городовъ, процвѣтавшихъ, какъ я сказалъ уже, на западномъ берегу Чернаго Моря, составили между собою торговый союзъ, представляющій нѣчто подобное коммерческой федераціи новѣйшей Ганзы. По мнѣнію Г. Б. это древнее пятисоюзіе было составлено слѣдующимъ образомъ: Томисъ, Каллатія, Одиссосъ, Месемврія и Аполлонія; или даже изъ городовъ менѣе отдаленныхъ отъ Одессы, предполагаемаго средоточія союза, какъ то: Крины или Діонисополь, Навлохосъ и проч.

«Во всѣхъ мѣстахъ,» говоритъ одинъ изъ «нашихъ антикваріевъ, «куда проникли неуто- «мимые переселенцы милезійскіе, торговля «и промышленность укоренились въ продолже- «ніи весьма немногихъ лѣтъ. Одесса и Томисъ «въ Мизіи; Истрополисъ, Анхіало и многіе «другіе города и порты во Ѳракіи начали «производить выгодный торгъ, не только «съ кореннымъ своимъ отечествомъ, Миле- «томъ, славнымъ городомъ въ Іоніи, но даже «со многими приморскими колоніями Таври- «ческаго Херсониса.»

Древнія медали Пятисоюзія (médailles autonomes) показываютъ, что города, составлявшіе оное, имѣли сначала собственное народное правленіе; по завоеваніи же Мизіи и Ѳракіи Римлянами, *автономія* сихъ городовъ подчинилась, по видимому, вліянію Императорскихъ Намѣстниковъ, и съ тѣхъ поръ медали Пятисоюзія представляютъ изображенія Кесарей. Императорскія медали Одессы показываютъ, что колонія сія находилась еще въ цвѣтущемъ состояніи при Императорѣ Гордіанѣ Піѣ, т. е., около половины III вѣка; послѣ же царствованія Филиппа Аравитянина (около 250 года) ни одинъ изъ извѣстныхъ нумисматическихъ кабинетовъ не представляетъ намъ, по словамъ Г. Б., медалей греческихъ поселеній, процвѣтавшихъ между Аполліоніею и Ольвіею на берегахъ Чернаго Моря.

Римское владычество, изгладивъ всю эту роскошь ума, вкуса и промышленности, коими Греція, общая мать просвѣщеннаго человѣчества, озарила міръ европейскій, было равнымъ образомъ неблагопріятно и ея Черноморскимъ поселеніямъ. Правда, что въ царствованіе Антониновъ, Мизія и Ѳракія поражаютъ еще яркимъ отблескомъ прежняго своего благоденствія, но Императоръ Домиціанъ былъ уже, какъ извѣстно, данникомъ

Децебала, царя Дакійскаго. Одно мѣсто въ Діонѣ Риторѣ, писавшемъ въ царствованіе Траяна, свидѣтельствуетъ, какъ замѣчаетъ Г. Б., что за 150 лѣтъ передъ тѣмъ, всѣ Греческія колоніи, существовавшія на берегахъ Эвксина, отъ Ольвіи до Аполлоніи во Оракіи, были опустошены Гетами, и что съ этой эпохи бо̀льшая часть оныхъ упрапила невозвратно прежнее свое благосостояніе; что разсѣянные обитатели покинули частію навсегда свои жилища; но что выгодное мѣстоположеніе Одессы, Томиса, Каллатіи и проч. предохранило ихъ по-видимому отъ сего конечнаго бѣдствія, и если не возвратило сіи колоніи къ прежнему, цвѣтущему ихъ состоянію, то по крайней мѣрѣ доставило имъ средства возобновить обороны выгодной промышленности.

При Императорѣ Филиппѣ Аравитянинѣ въ 249 году, и Требоніи Галлѣ въ 252, Готѳы, переходившіе уже нѣсколько разъ Дунай, опустошили снова Мизію и Оракію. Тогда вѣроятно во второй и послѣдній разъ была разрушена Одесса, вмѣстѣ съ другими греческими колоніями, процвѣтавшими на берегахъ Эвксинскаго Понта. Правда, что Амміанъ Марцеллинъ и другіе позднѣйшіе писатели упоминаютъ о нѣкоторыхъ изъ сихъ

поселеній; по нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Г. Б., что въ то время они были уже опустошены, или по крайней мѣрѣ оставлены ихъ обитателями.

Совершенное опустошеніе Мизіи и Ѳракіи начинается конечно съ наслѣдниковъ великаго Константина. Мирный договоръ, купленный Ѳеодосіемъ II, прозваннымъ младшимъ, у Аттиллы, *бича Божія*, былъ подписанъ въ 442 году въ самой Варнѣ. Съ этихъ поръ нищета и разрушеніе воцарились въ сихъ прекрасныхъ странахъ. Гражданскія междоусобія и свирѣпство Варваровъ: Гунновъ, Алановъ, Гепидовъ и множества другихъ кочевыхъ парсдовъ, хлынувшихъ изъ Верхней Азіи на нашу часть свѣта, наводнили кровію и покрыли развалинами очаровательныя долины Мизіи и Ѳракіи. Съ сего времени слава забыла этотъ благословенный край, прекрасную отчизну чудесъ и героевъ; съ сего времени одно минувшее сіяетъ во мракѣ его ничтожныхъ лѣтописей, и только неистощимое сокровище воспоминаній волнуетъ душу на священныхъ могилахъ Мизіи и классической Ѳракіи.

Событія, слѣдовавшія за паденіемъ Восточной Имперіи; торжество Луны оттоманской; побѣды Амурата I-го, покорившаго сіи богатыя страны въ 1365 году и окончательное

завоеваніе оныхъ его наслѣдниками, суть обстоятельства, чуждыя моему предмету: а потому, я пройду въ молчаніи надъ этимъ вѣковымъ потокомъ слезъ и крови. Не стану даже искать царственной урны злополучнаго Владислава: она разбита временемъ; она исчезла, вмѣстѣ съ безчисленными обломками урнъ неизвѣстныхъ!... — Спѣшу бросить послѣдній взглядъ на мѣстность Варны, чтобы сдѣланными мною открытіями подкрѣпить мнѣніе о тожествѣ сей крѣпости съ древней Одессою.

Кедринъ, византійскій писатель, въ своей исторіи Болгаръ говоритъ: что во время перваго своего нашествія на Ѳракію въ 678 году, варвары сіи пристали къ Варнѣ *близъ* Одиссоса, и нашли это мѣсто весьма хорошо укрѣпленнымъ. Лѣво, повѣствуя о семъ же событіи, равнымъ образомъ замѣчаетъ, что по отступленіи арміи Императора Праклія, Болгары овладѣли Варною *близъ* Одиссоса и проч.

« Перевороты, которые испытала недавно « бо́льшая часть земли, занимаемой нынѣ Вар- « ною,» говоритъ Г. Б: « не открыли никакихъ « остатковъ древности. Это обстоятельство, « вмѣстѣ съ словами приведеннаго нами пи- « сателя (Кедрина), помѣщающаго Варну близъ

«Одессы, а не на самомъ мѣстѣ, гдѣ нахо-
«дился сей городъ, не позволяютъ сказать
«ничего вѣрнаго о положеніи онаго. Предметъ
«сей могутъ объяснить одни только новѣй-
«шія открытія, плоды изслѣдованій или даръ
«случая. До тѣхъ же поръ все, относящееся
«къ оному будетъ гадательнымъ.»

Тщательное обозрѣніе Варны и ближайшихъ ея окрестностей не открыло мнѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ другаго города; но 7 кусковъ древняго мрамора, найденныхъ мною внутри самой Варны, разоблачаютъ, кажется, вполнѣ предметъ, коего объясненіе предоставлялъ Г. Б. дару случая или усиліямъ новѣйшихъ изслѣдованій. Пять изъ сихъ памятниковъ древности суть, по моему мнѣнію, надгробные мраморы. Два изъ нихъ украшены барельефами, три другихъ барельефами и греческими надписями; о послѣднихъ же двухъ—я не смѣю и заикнуться до желаемаго подтвержденія моихъ догадокъ изъ Одессы. Скажу только, что на этихъ двухъ обломкахъ основываются всѣ мои надежды. Оба они представляютъ по нѣскольку строкъ греческихъ надписей, весьма хорошо сохранившихся. Одинъ изъ сихъ мраморовъ кажется мнѣ остаткомъ великолѣпнаго пьедесталя. Огромная величина онаго заставляетъ думать.... но еще разъ—до разрѣшенія мо-

ихъ высокопарныхъ предположеній, я не смѣю сказать болѣе ни слова о семъ предметѣ.

Не взирая на всѣ мои усилія въ отношеніи къ открытіямъ нумисматическимъ, я не могъ собрать здѣсь по сіе время болѣе 13-ти монетъ и медалей; но если качество можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть предпочтено количеству, то я ни мало не колеблюсь обратить ваше вниманіе на археологическое достоинство моего пріобрѣтенія. Изъ числа купленныхъ мною монетъ, древнія медали (médailles autonomes) Анхіала, Томиса, Каллатіи и Одессы, кажутся мнѣ въ особенности достойными взгляда и разбора почтенныхъ *адептовъ* Археологіи; что же касается до меня, то смиренный *профанъ* можетъ только пожелать симъ господамъ счастливыхъ успѣховъ въ ихъ ученыхъ трудахъ надъ сдѣланными имъ открытіями.

Говоря о здѣшнихъ строеніяхъ, я не сказалъ до сихъ поръ ничего о цитадели, возвышающейся близъ сѣверныхъ воротъ Варны, потому, что не хотѣлъ отдѣлять отъ общаго очерка открытыхъ и замѣченныхъ мною памятниковъ древности, того изъ остатковъ оной, который болѣе всѣхъ другихъ пощаженъ рукою неумолимаго времени и еще возвышается, какъ единственный мавзолей надъ моги-

лою древней Одессы. Въ самомъ дѣлѣ, прохаживаясь по этой ветхой цитадели, взирая на странную наружность, на стиль массивнаго ея построенія, вы невольно переноситесь мыслями въ тѣ далекія времена, когда могучіе Киклопы созидали города изъ отторгнутыхъ ими утесовъ. Отдѣленная отъ пристани одними только стѣнами нынѣшней крѣпости, эта цитадель была конечно до основанія оныхъ единственнымъ оплотомъ греческаго города, Акрополисомъ древней Одессы. Стѣны сей крѣпостцы испещрены обломками мраморныхъ карнизовъ, великолѣпныхъ капителей и разныхъ другихъ украшеній изящнаго греческаго зодчества. Желая имѣть образчикъ онаго, я приказалъ вынуть для себя одинъ изъ таковыхъ обломковъ. Пускай нынѣшній рѣзецъ потрудится надъ изображеніемъ этихъ лавровыхъ листьевъ, которые только что не колышутся на древнемъ мраморѣ. Находящійся въ другой части города провалъ, почитается жителями входомъ въ древнія Варпскія Катакомбы; нынѣ наружное отверстіе онаго обращено въ жертвенникъ богини Клоацины, а потому мнѣ было невозможно удостовѣриться въ истинѣ сего преданія.

Вотъ вамъ подробный дневникъ странника— длинный, скучный, несносный, если хотя-

ше; но—scusate, Signore! — болтливость моя происходитъ единственно отъ желанія подѣлиться съ вами избыткомъ этихъ живыхъ впечатлѣній, коими новость чувствъ, новость мыслей и яркая разнообразность предметовъ освѣжили мою душу. Сравнивая мирную однообразность вашей жизни въ столицѣ съ пестротою здѣшняго моего существованія, вы конечно воскликнете: «Homme errant! когда чужое небо, чужая земля и летучій прахъ этихъ глиняныхъ половъ, который встрѣчаетъ тебя въ убогихъ лачужкахъ Турціи, — когда всѣ тревоги этой бездомной жизни вырвутъ изъ твоего сердца хотя невольный вздохъ о золотомъ спокойствіи родины?» — Постойте! знаете ли, почему этотъ бродячій бытъ дороже мнѣ всѣхъ вашихъ.... но оставимъ это. Скажу только: что съ досчатаго крыльца моего я вижу съ одной стороны роскошную пелену моря, усѣяннаго судами; съ другой — любуюсь разноцвѣтною панорамою Варны. Посреди моего двора цвѣтетъ юное миртовое дерево, у забора пестрѣетъ огородъ и небольшой цвѣтникъ, а за воротами шумитъ фонтанъ подъ склономъ огромной *плакучей* ивы. Здѣсь въ каждомъ домѣ воспитываютъ по нѣскольку паръ лѣсныхъ горлицъ. Ихъ безпрерывное воркованье такъ похоже

на мечтательное сѣтованіе *любви безнадежной*, что сливаясь съ говоромъ фонтана, съ трепетаніемъ моей мирты, и словомъ, со всѣми окружающими меня предметами, оно ежеминутно переноситъ душу на могилу юной Зюлейки, туда,

Гдѣ такъ отрадно слезы льются,
Часы такъ сладостно несутся,
И такъ не тягостна печаль . . . .

Но живѣйшее подобіе очаровательной подруги Селимовой, есть конечно романтическая Деспина, моя четырнадцати-лѣтняя хозяйка.—Сначала она только украдкою смотрѣла на пріѣзжаго европейца, потомъ мы познакомились. Однажды я спросилъ Деспину: страшно ли ей было, когда Рускіе спрѣляли въ Варну?—«*Хаиръ!*» отвѣчала она—«*пекъ ешидьі: бомъ! бомъ! бомъ!—пекъ ешидьі!*» (иѣпъ! это прекрасно: бомъ! бомъ! бомъ! прекрасно, прекрасно!). Этотъ азіятскій нарядъ, эта пламенная красота Востока, эта юная, безпечная жизнь наконецъ, которая такъ радостно кипитъ и выражается въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи прекрасной Гречанки—все это такъ ново, такъ обворожительно для чело-

вѣка, коего душа хранитъ громкій отголосокъ для извѣстнаго Лафонтенева стиха:

Il me faut du nouveau, n'en fut-il plus au monde.

Сердце обмираетъ при взглядѣ на эту необъятную эпистолу; но дѣло сдѣлано: пеняйте сами на себя, если увлеченный яркою смѣсью *всякой всячины*, я переступилъ за черту вашего желанія видѣть каждый мой шагъ въ Турціи. Поклонъ странника вамъ и всѣмъ вашимъ.— Прощайте.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ

Ему же.

Варна, 14 Апрѣля.

«Неутомимый путешественникъ!» — воскликнете вы безъ сомнѣнія, развернувъ письмо сіе: — « Вотъ уже болѣе двадцати дней, какъ неодолимый сплинъ примчалъ его въ Турцію — и можно ли представить себѣ, что онъ до сихъ поръ все еще нѣжится на одномъ мѣстѣ! Ужь не думаетъ ли онъ поселить своихъ боговъ-Пенатовъ въ Варнѣ, въ хижинѣ молодой черноокой Деспины; не думаетъ ли сдѣлаться для ней мамошнимъ Туркомъ, Грекомъ, Болгаромъ, жить единственно для своей восточной прелестни — и съ нею, и для ней одной забыть все на свѣтѣ? — Ба! вотъ это, напримѣръ, было бы ужь изъ рукъ вонъ.» — Конечно; но какое мнѣ дѣло до вашего *ба*! — Де-

спина способна не шутя возбудить на минуту подобныя *фанаберіи:* она такъ свѣжа, такъ нова, такъ ласкова; жалобы горлицъ ея такъ очаровательны; трепетаніе ея мирты такъ заманчиво, говоръ здѣшнихъ фонтановъ такъ привѣтливъ и усладителенъ; но за всѣмъ тѣмъ—я ли виноватъ, что даже красота Деспины, этой юной, восточной лиліи, разсѣяла на одинъ только мигъ мою вѣчную зѣвоту?—Теперь опять скучно; опять хочется чего нибудь новенькаго: слѣдовательно — вы видите, что совсѣмъ не то чувство, которое называютъ *нѣжною сердечною томностію*, удерживаетъ меня до сихъ поръ въ Варнѣ.

Задигъ былъ, какъ говорятъ, одаренъ рѣдкою способностію выводить изъ самыхъ темныхъ и по видимому вовсе ничтожныхъ признаковъ—заключенія чрезвычайно важныя: сомнѣваюсь, между тѣмъ, чтобы эта чудесная способность могла быть всегда полезна ему на стезѣ археологическихъ изысканій въ такомъ мѣстѣ, гдѣ слабыя черты минувшаго на каждомъ шагу прерваны, иногда совсѣмъ изглажены, или сокрыты отъ глазъ изыскателя туземнымъ невѣжествомъ, корыстолюбіемъ, всего же чаще—стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ особаго рода. . . . Къ этому надобно прибавить вѣчную коварг-

ность надежды: вы знаете, какъ увлекательны ея обѣщанія; какъ раздражительны эти обманы, которые подобно причудамъ жеманной любовницы, не говорятъ: ни *да*, ни *нѣтъ*, и обманувъ сегодня, открываютъ сердцу перспективу завтрашняго благополучія. Такъ точно кокетничала со мною до сихъ поръ моя милая Археологія: манила, обѣщала — и почти ничѣмъ не увѣнчала моего долготерпѣнія, со времени отсылки къ вамъ послѣдняго моего письма изъ Варны.

Умалчивая о вещахъ, недостойныхъ всего вашего вниманія, я долженъ, между тѣмъ, сказать нѣсколько словъ еще о двухъ кускахъ древняго мрамора, открытыхъ мною на дняхъ въ здѣшнемъ городѣ. Одинъ изъ нихъ есть, кажется, приношеніе, сдѣланное богу врачеванія по обѣту за изцѣленіе отъ болѣзни, ибо барельефъ представляетъ Эскулапа и Гигею, богиню здравія съ *ритономъ* въ рукѣ, а за нею младенца и двухъ женщинъ. Сіе предположеніе, кажется мнѣ, тѣмъ правдоподобнѣе, что надпись, находящаяся внизу барельефа, заключаютъ въ себѣ имена двухъ супруговъ и слова: *ΧΑΙΡΕΤΕ* (радуйтесь)! Этотъ памятникъ древности отысканъ въ погребѣ одного Грека, между старыми бочками и бутылками, я нашелъ его покрытымъ запекшеюся кровію:

какое именно животное было тутъ зарѣзано—мнѣ неизвѣстно; но зная дешевизну человѣческихъ головъ въ Турціи, я бы ни мало не удивился, если бъ узналъ, что эта кровь принадлежала какому нибудь потомку Резуса или великаго Замолксиса. Другой кусокъ мрамора есть разбитый барельефъ, сохранившій только верхнюю часть фигуры одного изъ Діоскуровъ. Голова Тиндарида покрыта *пилеусомъ*; онъ держитъ за поводъ лошадь, коей также уцѣлѣла одна только голова и часть шеи.

Надобно замѣтить, что здѣшніе жители скрываютъ часто не изъ одного корыстолюбія извѣстные и въ особенности принадлежащіе имъ остатки древности. Вѣра въ таинственное могущество талисмановъ возвышаетъ нерѣдко въ ихъ понятіи самый ничтожный обломокъ мрамора надъ всѣми сокровищами великаго Паши-Шаха; нужно только, чтобы этотъ обломокъ имѣлъ честь называться *старымъ*, *писанымъ* камнемъ—(*παλαιὰ πέτρα*, *πέτρα γραμμαίνη*). Такъ точно цѣнилъ свою драгоцѣнность практикъ, обладатель одного изъ сихъ мраморовъ. Мнѣ потребно было все мое краснорѣчіе для увѣренія этой высокой души въ томъ, что отсутствіе *писаного* камня не только не похититъ, но даже

усугубитъ и утвердитъ милость Божію въ спѣшахъ его гостепріимной харчевни. Такимъ же образомъ другой добрякъ объявилъ мнѣ, что въ спѣшахъ здѣшней цитадели заложенъ какой-то диковинный *писаный* мраморъ, и что онъ конечно указалъ бы мнѣ отъ всей души это сокровище, если бы не былъ увѣренъ въ неминуемомъ разрушеніи цитадели въ ту самую минуту, когда *писаный* камень будетъ вынутъ изъ спѣшъ ея. Такъ самъ митрополитъ наконецъ — соглашался благословить меня какимъ-то ничтожнымъ барельефомъ не иначе, какъ за 500 піастровъ, утверждая, что сила сего металлическаго талисмана, была одна въ состояніи замѣнить спасительное вліяніе мраморнаго.

Всѣ эти фарсы, сами по себѣ ничего не-значащіе, проливаютъ, между тѣмъ, если не ошибаюсь, нѣкоторый свѣтъ на настоящій характеръ народа, обезображенный до такой степени алчностію къ корысти и малодушнымъ суевѣріемъ — неизбѣжными послѣдствіями столь долгаго оцѣпенѣнія духа, омраченнаго отсутствіемъ нравственной жизни, изнемогшаго подъ бременемъ вѣковой неволи. Переносясь мыслями въ счастливыя времена древняго Милета и обращая ихъ попѣмъ на здѣшнихъ переселенцевъ благословенной Іоніи, вы

невольно восклицаешь: и это-то соплеменники Ѳалесовъ и Анаксимандровъ, наслѣдники просвѣщенія, вкуса и роскоши Аѳинъ іонійскихъ! Пускай философы толкуютъ послѣ сего о высшемъ, таинственномъ предназначеніи человѣка въ здѣшнемъ мірѣ: «*время сдѣлало одинъ шагъ*»— и глухое варварство возсѣло на обломкахъ человѣческой образованности!

Исторгаясь по временамъ изъ холодныхъ объятій Археологіи, я нахожу неизъяснимое удовольствіе скитаться безъ всякой цѣли по темнымъ и перепутаннымъ улицамъ Варны; всего же болѣе люблю бродить по здѣшней пристани — глубокой, обширной, способной для помѣщенія не только купеческихъ, но даже большихъ военныхъ судовъ. Напомнивъ вамъ о подвигахъ нашей Черноморской эскадры во время послѣдней осады Варны, я полагаю, что превосходство ея пристани не требуетъ доказательствъ болѣе убѣдительныхъ. Кромѣ множества различныхъ выгодъ, доставленныхъ намъ покореніемъ сей знаменитой крѣпости, обладаніе оною кажется мнѣ важнѣе всего потому, что находясь въ средоточіи нынѣшняго театра войны, она служитъ самымъ естественнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ вообще съѣстныхъ и военныхъ потребностей, привозимыхъ изъ Одессы для глав-

ной дѣйствующей арміи. — Какъ жива эта безконечная дѣятельность, которая кипитъ при выгрузкѣ судовъ, отягченныхъ дарами Россіи, заботливой о благосостояніи ея воиновъ! Какъ разнообразны этѣ толпы азіятскія и европейскія, которыя съ дѣломъ или безъ дѣла пестрѣютъ здѣсь почти въ каждое время дня, курятъ табакъ, пьютъ свой восточный кофе, или изгибаются подъ тяжестію полновѣсныхъ кулей съ русскими сухарями! Многіе путешественники весьма справедливо замѣчаютъ, что нынѣшніе Греки, утративъ великія качества предковъ своихъ, сохранили вполнѣ эту аѳинскую болтливость и легковѣріе, которыя хитрый Филиппъ умѣлъ сколько разъ обращать въ свою пользу. Къ сему наслѣдію должно также прибавить эту страшную любовь къ чудесному, которая отражается въ поэтической Миѳологіи древнихъ Эллиновъ, съ тою только разницею, что радужный колоритъ сихъ блестящихъ вымысловъ не существуетъ болѣе для ихъ очерствѣлыхъ потомковъ. Повѣрите ли, что всѣ магнетическія бредни Гоффмана, черная комната г-жи Радклифъ и *чудесныя чудеса чудесъ* включительно, суть ничто въ сравненіи съ этими уродливыми преданіями, которыя существуютъ здѣсь о нѣкоторыхъ изъ окре-

спныхъ монастырей и развалинъ? Внимая нелѣпостямъ сей словесной фантасмагоріи, я каждый разъ воображалъ себѣ, что едва ли болтливый геній Шехеразады былъ бы въ состояніи предохранить голову этой *умной, ученой* дѣвушки отъ сабли ревниваго Шахріара, если бы ему было извѣстно существованіе здѣшней пристани и шалапнъ скитающихся по ней сказочниковъ. Я, съ своей стороны извлекъ изъ онаго только то, что бо́льшая часть здѣшнихъ окрестностей достойна въ самомъ дѣлѣ немедленнаго обозрѣнія. Подобное предпріятіе требовало бы конечно постепеннаго, или, какъ говорится, методическаго исполненія, но узнавъ, что бродячія толпы турецкихъ мародёровъ и шайки болгарскихъ разбойниковъ не имѣютъ ровно никакого уваженія къ нашему *методизму*, я рѣшился пуститься съ самаго начала въ монастырь Св. Константина, лежащій на Бальчикской дорогѣ, верстахъ въ 10-ти отъ Варны.

Генералъ Г. снабдилъ меня для сей поѣздки двумя конвойными казаками и собственнымъ своимъ переводчикомъ. Вмѣстѣ съ этимъ народомъ привязался ко мнѣ одинъ изъ сихъ безчисленныхъ вампировъ, которые съ самаго вступленія нашихъ войскъ въ Турцію, объявили себя армейскими антикваріями и па-

кимъ образомъ выеосали послѣднюю кровь изъ жилъ древней Мизіи, въ надеждѣ продавать ее цѣною золота по возвращеніи во глубину своихъ родимыхъ губерній.

7го сего мѣсяца я зарядилъ картечью свои турецкіе пистолеты, подпоясалъ свой сипарый дагестанскій кинжалъ, и вскочивъ на приготовленную для меня казачью лошадь поскакалъ большимъ галопомъ къ сѣвернымъ воротамъ Варны. До сихъ поръ все для меня шло довольно благополучно; но едва успѣлъ я оставить за собою послѣдній ровъ крѣпости, какъ вдругъ мой доморощенный антикварій, преобразившійся изъ смиреннаго пѣхотинца, въ лихаго, краснаго всадника à la Sancho Panca, началъ голосомъ провинціяльнаго актера неоканчаемую повѣсть о послѣдней осадѣ Варны, сопровождая эту прошлогодшою хронику ежеминутнымъ указаніемъ мѣстъ, прославленныхъ подвигами нашихъ воиновъ. — «Вотъ здѣсь, надъ этимъ рвомъ,» воскликнулъ онъ, «была устроена наша брешь-батарея; подъ прикрытіемъ оной, храбрые наши сапёры проводили мину для взорванія крѣпостнаго вала. — Работы сіи производились подъ безпрестаннымъ огнемъ непріятельской артиллеріи.—Позади этой брешь-батареи тянулись траншеи, изъ коихъ храбрые 13-й и 14-й егер-

скіе полки ударили 25-го Сентября на крѣпость и первые овладѣли приморскимъ бастіономъ, который и получилъ послѣ сего названіе *царскаго*.—Вотъ на этой равнинѣ,» продолжала моя живая реляція, «были расположены наши главныя силы, и съ этой стороны напискъ русскихъ штыковъ былъ убійственнѣе; громъ осадныхъ орудій ужаснѣе и разрушительнѣе.»—Словесная мельница!—думалъ я:—громъ пушекъ, напискъ штыковъ и всѣ повѣствуемые тобою ужасы, суть конечно ничто въ сравненіи съ неугомонностію этаго болтливаго демона, который играетъ языкомъ твоимъ. М. Г!—сказалъ я потомъ, обращясь къ моему повѣствователю: безъ сомнѣнія ничто не можетъ быть любопытнѣе всѣхъ сихъ подробностей; но согласишься, что бо́льшая часть оныхъ должна быть извѣстна еще изъ прошлогоднихъ газетъ всѣмъ и каждому въ крещеной и некрещеной Европѣ.—«Разумѣется!» возразилъ онъ, и въ тотъ же мигъ погрузился снова въ пучину сихъ жестокихъ подробностей. Дѣлать было нечего: я пришпорилъ донскаго бѣгуна своего, и черезъ минуту очутился одинъ, на лонѣ новой, доселѣ мнѣ незнакомой природы. Узкая дорожка тянулась передо мною то серебряной, то золотою лентою между высокихъ холмовъ, разбросанныхъ въ дикомъ,

по плѣнительномъ безпорядкѣ по лѣвому берегу моря, и уже одѣтыхъ яркою пеленою травы и кустарника, уже увѣнчанныхъ зелеными букетами мирповъ, терновника и разныхъ другихъ растеній. Мѣстами, семьи распустившихся черешень, дикихъ яблонь, грушевыхъ и персиковыхъ деревьевъ растворяли воздухъ своимъ ароматическимъ запахомъ и неожиданно прерывали однообразную перспективу зелени, качая бѣлые и розовые цвѣты свои вокругъ сихъ огромныхъ холмовъ, первыхъ ступеней древняго Гемуса. Иногда уединенный фонтанъ выглядывалъ изъ-подъ навѣса огромнаго *грецкаго* орѣшника, и сверкая, подобно растопленному серебру, въ промежуткахъ темнозеленыхъ листьевъ его, сливалъ медленное свое журчаніе съ ихъ томнымъ, усыпительнымъ говоромъ. Я останавливался передъ каждымъ изъ сихъ фонтановъ и съ любопытствомъ разсматривалъ испещряющія ихъ восточныя надписи, жалѣя и досадуя, что не могъ постигать тайнаго, вѣроятно поэтическаго ихъ смысла. Какъ знать: можетъ быть какой нибудь новый Саади завѣщалъ сему безошибочному мрамору задумчивые звуки своего упоительнаго вдохновенія? можетъ быть...— Стихи Ширазскаго Трубадура отозвались въ эпотъ мигъ подобно голосу давноминувшей

печали во глубинѣ моего взволнованнаго сердца: « Такъ! » воскликнулъ я: « *многіе подобно мнѣ видѣли сей фонтанъ; но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече!* » Въ самомъ дѣлѣ, ничто разительнѣе сихъ словъ не могло относиться къ предметамъ, окружавшимъ меня въ эту минуту. Озирая окрестность, я повсюду встрѣчалъ свѣжія могильныя насыпи, и каждый шагъ коня моего отпечатывался на рыхлой землѣ ихъ. « Этотъ курганъ » — думалъ я, подъѣзжая къ нѣкоторымъ изъ нихъ — « онъ возвышается надъ могилою Русскаго, обагрившаго своею кровію сію чуждую землю! » Простой деревянный крестъ, полусокрытый густою зеленью и окруженный осколками огромныхъ турецкихъ бомбъ и ядеръ—вотъ единственный мавзолей, указующій мѣсто послѣдняго успокоенія нашихъ воиновъ. Признаться ли вамъ, что оглядываясь на прошлые дни свои, я отъ души завидовалъ участи храбрыхъ, достигшихъ здѣсь вѣрнѣйшаго изъ своихъ назначеній; я думалъ: что въ жизни, коей минувшее есть ничто иное, какъ глухая степь, поросшая плевеломъ и колючимъ терновникомъ; настоящее—тяжелое страданіе безъ всякой видимой цѣли и мучительная борьба съ собственнымъ своимъ сердцемъ; а будущее. . . « Ваше благородіе!

Ваше благородіе!» воскликнулъ въ эту минуту позади меня грубый, *стенторскій* голосъ; я оглянулся, и увидѣлъ одного изъ конвойныхъ казаковъ своихъ: «помилуйте, В. Б.» продолжалъ онъ—«да вы, Богъ знаетъ куда заѣхали! неужели вамъ неизвѣстно, съ какими огромными ушами выѣхалъ изъ Бальчика нашъ казакъ Ефремовъ, и какимъ безухимъ явился онъ въ Варну? *Они*, *проклятые* (т. е. Турки) повсюду разсыпаны; и *имъ*, *варварамъ*, много только и надобно, чтобы вдесятеромъ напасть на одного нашего!» Почувствовавъ всю силу замѣчанія столь убѣдительнаго, я поспѣшилъ возвратиться на свою настоящую дорогу, отъ коей въ самомъ дѣлѣ слишкомъ далеко уклонился влѣво, во время своихъ поэтико-философическихъ размышленій.

Спутники ожидали меня близъ небольшаго хлѣбнаго поля, огороженнаго низкимъ плетнемъ и покрытаго блѣдно-зеленымъ ковромъ тощаго, какъ будто изнемогающаго посѣва. Безпорядочная смѣсь холмовъ и деревьевъ, густаго кустарника и гремучихъ горныхъ ключей образовала богатую раму вокругъ сей скудной картины. Нѣсколько паръ буйволовъ бродило близъ обвалившагося плетня и спокойно жевало сочную траву, которая какъ будто для того только цвѣла вокругъ сей бѣд-

ной нивы, чтобы опитѣнить красотою своей богатой растительности нѣжную, истинно-материнскую любовь природы къ безсловеснымъ чадамъ ея, отъ этой суровой холодности, которую она обнаруживаетъ здѣсь къ человѣку. Такъ! одинъ только онъ можетъ назвать эту божественную природу своей непріязненной мачихой; но кто же виноватъ въ томъ?—Цвѣтущія долины Мизіи служатъ съ незапамятныхъ временъ большою дорогою и обширнымъ поприщемъ его кровожадности. Не проникая въ темную глубину вѣковъ баснословныхъ, не говоря о безпрестанныхъ побоищахъ племенъ ѳракійскихъ, кельтскихъ и разныхъ другихъ изверженій таинственной древности, взглянемъ на сокрушительные потоки Варваровъ, коими неизмѣримыя степи Азіи наводнили почву нашей Европы. — «Тамъ,» говоритъ Мальтѣ—Брюнъ,« плосколицый Сарматъ вился на легкомъ конѣ своемъ вокругъ тяжелыхъ легіоновъ римскихъ; такъ безобразный Гунъ преслѣдовалъ разсѣянные остатки Готѳовъ; тамъ Печенѣги, Авары, Кумане и множество другихъ народовъ истребляли другъ друга и попеременно основывали свое кратковременное владычество.»—Плодоносныя долины Мизіи были вѣчнымъ, и какъ будто условленнымъ театромъ, на которомъ разыгрывались

сіи кровавыя драмы. Не нужно слѣдовать за ними по порядку; не нужно доходить систематически до войнъ современныхъ; стóитъ заглянуть въ лѣтописи Восточной Имперіи; стóитъ только представить себѣ вѣковую борьбу Болгаръ съ наслѣдниками Великаго Константина, чтобы привести умъ свой въ несосгояніе разрѣшить: какимъ образомъ это любимое урочище смерти не превращено до сихъ поръ въ одну безжизненную степь столь долгою чредою истребленія, столь постояннымъ упорствомъ человѣческаго неистовства!... Но обратимся къ моимъ буйволамъ, или лучше сказать, познакомимся съ несравненнымъ пастухомъ ихъ. Онъ беззаботно лежалъ у плетня и напѣвалъ дикимъ, суровымъ, но не совсѣмъ непріятнымъ голосомъ какую-то странную — то веселую, то заунывную пѣсню. Чуткій стражъ небольшаго стада его встрѣтилъ насъ издалека своимъ пронзительнымъ лаемъ; но пріѣздъ нашъ, по видимому, ни сколько не потревожилъ *автомата*. Онъ продолжалъ лежать и тянуть свою пѣсню, какъ будто не замѣчая, или не желая замѣтить, друзья или недруги окружили его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти каждый мигъ грозитъ неосторожному вѣрною, и часто мучительною смертію. «*Банабагъ! банабагъ!*»

запричалъ мой переводчикъ—и лѣнивый пастухъ, какъ будто пробудясь отъ глубокаго сна, началъ мало-по-малу приходить въ движеніе, привсталъ — и медленно сдвинулъ съ глазъ свою кудрявую шапку. Апплетическія черты лица его, неозаренныя ни одной искрою внутренней жизни и, такъ сказать, опуманенныя хаосомъ какого-то грубаго безстрастія; темнобронзовый цвѣтъ его обнаженной груди, толстая сѣрая курпика, выложенная по краямъ голубой письмой и спурками—все сіе, въ совокупности съ бараньей ярмолкой, представило мнѣ одну изъ этѣхъ массивныхъ болгарскихъ фигуръ, которыя напоминаютъ гораздо менѣе о прекрасномъ пастырѣ дарданійскомъ, нежели о какомъ нибудь горцомъ пастухѣ, столь живописномъ съ бродячимъ стадомъ его, посреди дикихъ утесовъ альпійскихъ, или на скалахъ сумрачной Каледоніи. « Сколько часовъ до Константиновскаго монастыря? » спросилъ у буколическаго Болгара мой черезъ чуръ драматическій переводчикъ. — « Полпора, » — отвѣчалъ пастухъ, и въ ту же минуту угрюмый лобъ его сокрылся по прежнему во глубину неизповѣдимой ярмолки. « Сколько? » повторилъ переводчикъ. — « Полпора, » — пробормоталъ Болгаръ, и лѣнивая голова его упала снова

на землю. « Быть не можетъ; » продолжалъ неугомонный *драгоманъ*! « мы уже такъ давно ѣдемъ! » Паспухъ затянулъ свою прерванную пѣсню; неудовлетворенная болтливость переводчика разразилась надъ нимъ громовыми проклятіями; а я поскакалъ впередъ, убѣдясь въ совершенной невозможности добиться какого нибудь толку, касательно выбора лучшей, или ближайшей дороги.

Тѣ же холмы, тѣ же фонтаны, тѣ же кусты и деревья мелькали передо мною, съ тою только разницею, что иногда лѣсная чаща раздвигалась внезапно на лѣвой сторонѣ дороги и представляла глазамъ моимъ далекія высоты, усѣянныя однообразными, и какъ будто обдѣланными каменьями. Огромныя груды ихъ были кромѣ сего разсыпаны такимъ образомъ, что возбуждали невольную мысль о развалинахъ какого нибудь старинаго зданія. Знаю, что подобныя догадки могутъ быть сочтены грезами воображенія, слишкомъ горячо занятаго своимъ предметомъ; но съ другой стороны, не должно, кажется, забывать и того, что я говорю о странѣ вѣковыхъ развалинъ.—Слѣды ея древняго населенія еще не совсѣмъ изглажены, и сколько остатковъ онаго сокрыто еще отъ *скалпеля* нашей европейской Археологіи! — Вскорѣ дорога круто

поворотила на право; деревья сдѣлались рѣже—и монастырь Св. Константина открылся передо мною во глубинѣ зеленой лощины, примыкающей къ скаламъ утесистаго морскаго берега.

Что сказать вамъ объ этой бѣдной обители? — И на ея убогихъ стѣнахъ печать вѣковаго разрушенія поражаетъ прежде всего взоръ вашъ. Ея низкая, почернѣлая отъ времени и во многихъ мѣстахъ обрушенная ограда, сложена подобно заборамъ варяжскихъ церквей изъ безчисленныхъ каменныхъ обломковъ. Взирая на пеструю разнородность ихъ, какой нибудь натуралистъ могъ бы конечно указать вамъ всѣ признаки постепеннаго образованія минераловъ. Посѣдная монашеская фигура встрѣтила меня со всѣмъ подобострастіемъ восточнаго невольника у воротъ монастырскихъ, и поклонясь до земли, бросилась предупредить казака, подошедшаго взять мою лошадь. Крыльцо гостепріимнаго брата было уже обставлено подушками; бѣдныя рогожки покрывали полъ онаго. Мы сѣли. Добрый монахъ исчезъ, и чрезъ минуту возвратился, опягченный *каймакомъ*, пирогомъ и сметаною. За нимъ слѣдовалъ маленькій Болгарь, неся также нѣсколько блюдъ съ оливами, сельдереемъ и съ новымъ запасомъ многоразличной сметаны; деревянная баклаж-

ка вина заключила эти гастрономическія приготовленія.—«Садитесь, садитесь, отецъ мой!» повторялъ я безпрестанно своему раболѣпному Амфитріону; но онъ кланялся до земли съ приложенными ко лбу руками; потомъ складывалъ ихъ крестомъ на желудкѣ, и потупивъ глаза въ землю, оставался неподвиженъ, подобно мраморному изваянію Гарпократа. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль о какомъ нибудь маленькомъ турецкомъ тиранѣ владѣла въ это время всѣми умственными способностями одеревенѣлаго инока. Онъ остался единственнымъ монашескимъ существомъ въ здѣшней обители: вся прочая братія разбѣжалась во время варнской осады. Проглотивъ изъ любопытства чашку турецкаго кофе, т. е. кофейной гущи безъ сахару, я отправился въ сопровожденіи анахорета взглянуть на монастырскія достопримѣчательности. Храмъ Св. Константина Великаго точно также убогъ, сумраченъ, тѣсенъ, какъ и всѣ варнскія церкви. Неугасаемая лампада теплится день и ночь передъ образомъ перваго Христіанскаго Императора. Я поклонился ему и зажегъ свѣчу, толщиною въ цѣлый рубль, передъ его святою иконою. Эта набожная *торопливость* подѣйствовала столь сильно на моего инока, что выходя изъ церкви, онъ не только

получилъ употребленіе языка, но указалъ мнѣ даже брошенный въ углу кусокъ мрамора съ барельефомъ и греческою надписью, говоря, что въ ихъ монастырѣ находилось недавно еще три или четыре такихъ обломка. Этотъ уцѣлѣвшій остатокъ совершенно подобенъ надгробнымъ мраморамъ, найденнымъ мною въ Варнѣ. Какимъ образомъ всѣ сіи памятники древности зашли въ монастырь Св. Константина, тогда какъ все въ немъ являетъ недавность существованія — объяснятъ, можетъ быть, тѣ, кои болѣе моего посвящены въ таинства Археологіи; я же послѣдовалъ въ эту минуту безъ всякихъ ученыхъ предположеній за своимъ безцѣннымъ отшельникомъ, предложившимъ мнѣ посмотрѣть другой *писаный* мраморъ, брошенный близъ сосѣднихъ развалинъ монастыря Св. Іоанна.

Напрасно сталъ бы я искать красокъ для изображенія этой волшебной природы, которая очаровывала меня на каждомъ шагу, во время сей восхитительной прогулки. Разбросанные по берегу обломки каменныхъ громадъ — явные слѣды спарившаго землетрясенія; фантастическая дикость приморскихъ скалъ; шумные порывы волнъ, бѣгущихъ издалека на исполинскія стѣны ихъ, и оплета-

ющихъ клубами серебряной пыли отъ ихъ гранитныхъ панцырей; свѣжая горная вѣтка, трепещущая надъ неукротимой стихіею; говорливый фонтанъ, орошающій крупными слезами ея изумрудные листья; пестрая пелена земли; ясная лазурь восточнаго неба; живописныя группы холмовъ и деревьевъ... Не пріударить-ли по струнамъ своей забытой гитары? — Впрочемъ, вамъ извѣстно, какъ вялы цвѣты прозной описательной поэзіи въ глазахъ нашего премудраго вѣка.

Отъ пышнаго убора сей несравненной природы вниманіе ваше отвлекается нерѣдко и здѣсь грудами поэтическихъ развалинъ. Тамъ — обнаженный квадратъ повалившихся каменныхъ стѣнъ; тамъ — длинный параллелограммъ другаго, сокрушеннаго временемъ зданія... Въ нихъ сердце человѣческое не пожалѣло бы, можетъ быть, вдохнуть часть собственной жизни своей для сравненія временъ протекшихъ съ настоящими; но какой археологъ можетъ опредѣлительно сказать: кому или чему принадлежали нѣкогда сіи разсѣянные остатки давноминувшаго? — Сколько городовъ, процвѣтавшихъ по словамъ Страбона, на сихъ самыхъ мѣстахъ, исчезло даже до сего знаменитаго географа! Приливъ и отливъ разноплеменнаго человѣчества; рука времени, су-

дорожныя измѣненія міра физическаго. . . Такъ напримѣръ—«бо́льшая часть Визоны» говоритъ Страбонъ — «поглощена землетрясеніемъ.» Не знаю, *этотъ* ли самый городъ, процвѣтавшій, по сказанію греческаго географа между Аполлоніею и Каллатіею, названъ въ древнихъ картахъ Д'Анвилля Byzium и поставленъ насупротивъ самаго Діонисополя; но если сіе гадательное предположеніе заключаетъ въ себѣ хотя искру правдоподобія, то какъ знать, не остатки ли древней Визоны представлялись мнѣ въ хаосѣ сихъ безобразныхъ развалинъ: ибо древній Діонисополь или Кринны существовалъ по мнѣнію Г. г. Лапоринъ-дю-Тайля и Корая, французскихъ переводчиковъ Страбона, на мѣстѣ нынѣшняго Бальчика, и слѣдовательно не далѣе, какъ въ 20-ти верстахъ отъ Константиновской обители. Кстати о Криныхъ. Историки повѣствуютъ, что море, выступившее въ 544-мъ году изъ береговъ своихъ, поглотило сей городъ и разлилось по окрестностямъ до самаго Одессуса. По собраннымъ мною на мѣстѣ свѣдѣніямъ оказалось, что, не доѣзжая до Бальчика, нѣсколько лѣвѣе сего города, существуетъ деревня, которая извѣстна здѣсь подъ именемъ *Экрене*. Мнѣ кажется, что сіе послѣднее названіе звучитъ довольно явствен-

но древними Кринами; сверхъ того, Г. Будищевъ, означивъ на морской картѣ своей одни только источники сего мѣста, называетъ оное *Криницею*; я же, съ своей стороны, узналъ, что *Экрене* есть довольно большая деревня, которая до нынѣшней войны была обитаема Турками, а теперь заселена Болгарами. Впрочемъ, какъ бы то ни было—Бальчикъ и Экрене находятся въ столь близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что ученые Г. г. Лапортъ дю-Тайль и Кораї не сдѣлали почти никакого промаха, предположивъ существованіе древняго Діонисополя на мѣстѣ нынѣшняго Бальчика, тогда какъ всѣ означенные доводы заставляютъ, кажется, не безъ нѣкоторой основательности думать о тожествѣ турецкаго селенія *Экрене* съ древними *Кринами*.

Монастырь Св. Іоанна есть не иное что, какъ небольшая груда каменьевъ, закрытыхъ густою древесною чащею, а *писаный* мраморъ, обѣщанный мнѣ достопочтеннымъ инокомъ—какъ бы думали, какимъ открытіемъ обогатилъ онъ меня?—Чудесный камень сей можетъ конечно украсить всякую мозаповую, но едвали годится для какого бы то ни было Музея. На вопросъ мой: почему премудрый анахоретъ почитаетъ его старинымъ, рѣд-

ким, диковинным, он отвечал, что без сомнения дорогой камень сей принадлежит временам глубочайшей древности: ибо, поступив тому назад более 25-ти лет в монастырь Св. Константина, он с тех самых пор помнит это сокровище все на одном и том же месте.

На дальнейшие разспросы мои об окрестностях, отшельник указал пальцем на синеющийся вдалеке лес, и объявил, что не более 5-ти верст от морскаго берега, и не далее 9-ти от монастыря Константиновскаго, существуют огромныя развалины старой греческой обители. Болгары называют ее *Гачукою*; Грекам же и Туркам она вообще известна подь именем *Аладжи* — (пестраго) *Монастыря*. Там, по словам честнаго анахорета, — не только целые Музеи драгоценных *антиков* и редкостей, но даже богатства более существенныя: все чудеса мечтательнаго Эльдорадо ожидают предпріимчиваго, который бы решился на перекор всеобщей трусости, порыться в семь ужасном месте. «Какая же опасность? какія же сокровища?» воскликнул я, взволнованный любопытством.—«Старые люди говорят,» продолжал монах, «что эта чудесная обитель основана на развалинах *Элинскаго Фи-*

липпополя; что слухъ о старинныхъ богатствахъ, сокрытыхъ въ его непроницаемыхъ подземельяхъ, разгорячилъ однажды воображеніе какого-то инока до того, что онъ рѣшился непремѣнно удостовѣриться собственными своими глазами въ истинѣ преданія; что на сей конецъ безстрашный монахъ спустился ночью одинъ съ потаеннымъ фонаремъ во глубину подземелья, и прошедъ лабиринтъ онаго, увидѣлъ... »Но какъ изобразить вамъ всю неопредѣленность сего фантасмагорическаго видѣнія?—Изуродуйте, если хотите, нѣсколько сценъ изъ того, что Томасъ Муръ повѣствуетъ о таинствахъ древнихъ Египтянъ, прибавьте къ сему нѣсколько чудесъ изъ очарованной пещеры Аладиновой и обставьте всю эту смѣсь нѣсколькими дюжинами древнихъ Ларвъ и восточныхъ Гулей:—вотъ чертовскій хаосъ, который окружилъ любопытнаго инока, при входѣ въ сокровенную глубину языческаго подземелья.—Подобныя бредни составляютъ конечно поэтическое достояніе всякаго младенчествующаго или состарѣвшаго вѣковымъ варварствомъ народа; но развязка этой любопытной экспедиціи кажется мнѣ вовсе оригинальною: вотъ она. Послѣ долгихъ поисковъ, товарищи сего новаго Агамеда нашли его безъ чувствъ у отверстія *проклятой* пещеры.

Выраженіе блѣднаго лица его представляло самую страшную смѣсь ужаснаго съ уморительнымъ; борода страдальца, разобранная на безконечное множество плетешковъ, скрученныхъ на подобіе тонкой сахарной бичевки, была всунута въ ноздри злополучнаго искателя приключеній; но за то въ глубокихъ карманахъ его найденъ цѣлой четверикъ золотыхъ и серебряныхъ *антиковъ*, а въ стиснутыхъ кулакахъ нѣсколько дорогихъ талисмановъ. Пришедъ въ себя, онъ повѣдалъ удивленной братіи свои неслыханныя похожденія и проч.

« Трудно въ самомъ дѣлѣ представить себѣ происшествіе, столь странное и вмѣстѣ столь удивительное; » сказалъ я моему разсказчику: «но почему же вы полагаете основаніе *Аладжи—Монастыря* на развалинахъ *Эллинскаго Филиппополя?* »— «Такъ толкуютъ старые люди,»— отвѣчалъ онъ. Противъ подобнаго авторитета говорить безъ сомнѣнія нечего; но мнѣ кажется, что едва ли преданіе дѣдовъ яснѣе безмолвія внуковъ о семъ любопытномъ предметѣ. Вамъ конечно извѣстно затрудненіе Виргиліевыхъ истолкователей объяснить слѣдующихъ два стиха изъ 1-ой книги Георгикъ:

Ergo inter sese paribus concurrere telis
Romanos acies iterum vidêre Philippi.

Монахъ Ларю испощаетъ для сего весь ученый запасъ свой; но его длинные коммеитаріи кажутся темными и вовсе неестественными неутомимому аббату Делилю; — спрашивается: ясиѣе ли его собственные доводы? — Не знаю; но будучи вовсе не намѣренъ сличать ученыхъ мнѣній о разномѣстномъ существованіи двухъ древнихъ городовъ Филипповъ (Philippes), и еще менѣе разсуждать о томъ изъ нихъ, близъ коего Юлій Кесарь рѣшилъ судьбу тогдашняго міра, я позволяю себѣ замѣтить только то, что судя по границамъ, опредѣляемымъ Делилемъ Македоніи, во время Римскаго владычества, т. е. по протяженію оной къ востоку до береговъ Нестуса (нынѣшняго Кара-су, или Место), должно конечно полагать существованіе ѳракійскаго Филиппа — города сколь знаменитаго кровавымъ торжествомъ Тріумвировъ — на рубежѣ сихъ двухъ областей, и слѣдовательно, на мѣстѣ нынѣшней турецкой деревни *Филибе*, находящейся въ 35-ти верстахъ отъ Ямболи. Изъ всѣхъ сихъ предположеній явствуетъ, что преданія здѣшнихъ старцевъ о существованіи *Эллинскаго Филиппополя* на мѣстѣ ихъ дивнаго

Аладжи—Монастыря не заслуживаетъ никакого дѣльнаго опроверженія; но такъ какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины, то не сходство ли названія древнихъ Кринъ (Діонисополя) съ *Кренидами*, т. е. градомъ источниковъ, первоначальнымъ именемъ древняго ѳракійскаго Филиппа, смѣшало въ ихъ понятіи сей славный городъ съ мѣстомъ, находящимся, какъ я сказалъ уже, въ столь близкомъ разстояніи отъ нынѣшней деревни ихъ *Экрене*. Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что вы простите мнѣ это неумѣстное отступленіе. Увлекшись преждевременными разсужденіями о мѣстѣ, увѣковѣченномъ пораженіемъ Брута и Кассія, я при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нисколько не отчаяваюсь въ возможности проскакать по равнинѣ, на коей за осмнадцать вѣковъ передъ симъ погибли *послѣдніе Римляне*.

Часы мои показывали уже 7, когда, возвратясь въ монастырь Св. Константина, мы сѣли на лошадей и пустились обратно въ Варну. Картина окрестностей представилась мнѣ на этотъ разъ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Густыя облака тянулись огромными темноголубыми массами по безпредѣльности вечерѣвшаго неба. Колоссальные клубы ихъ спускались то стройными, то разсѣянными слоя-

ми къ землѣ, драпировали лѣсистыя вершины холмовъ, набросанныхъ въ безпорядкѣ другъ на друга и придавали имъ видъ волкановъ, дымящихся предъ сокрушительнымъ изверженіемъ. Вся эта смѣсь возбудила невольную мысль о первобытномъ хаосѣ; но декорація перемѣнилась, когда пестрая Варна представилась глазамъ моимъ. Западавшее солнце мелькнуло у подножія отдаленныхъ горъ, за противоположнымъ берегомъ залива. Темная туча висѣла надъ нимъ подобно необъятному покрывалу; одинъ только лучь пянулся необозримымъ краснымъ путемъ по морскому пространству. Корабельныя мачты, окруженныя его пурпуровымъ полусвѣтомъ, казались исполинскими факелами, догорающими въ торжественномъ сумракѣ сей великолѣпной картины.

Вы можетъ быть спросите: какое новое зло или благополучіе удерживало меня до сихъ поръ здѣсь, по возвращеніи изъ Константиновской обители.—Ѣду, my dear; на этой же недѣлѣ пускаюсь въ дальнѣйшій путь... Проклятая надежда вымолить необходимое военное прикрытіе для обозрѣнія — чего бы вы думали? . . . *Страшнаго Аладжи—Монастыря* съ его заколдованными пещерами, приковывала меня до сихъ поръ къ несносной, варварской,

отвратительной Варнѣ—и безъ сомнѣнія г. г. черти подѣлились бы со мною своими подземными сокровищами, если бы прибывшій вчера по бальчикской дорогѣ транспортъ, не привезъ сюда десятерыхъ піонеровъ, коихъ носы и уши показались слишкомъ длинными повспрѣчавшимъ ихъ рабамъ великаго Падишаха. Будучи совершенно доволенъ настоящею пропорціею сихъ двухъ членовъ своихъ, я разсудилъ за благо сберегать ихъ до самой послѣдней крайности. Правду сказать, трудно поручиться за число и вѣжливость ухорѣзовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ направленіямъ предстоящихъ мнѣ путешествій; но — «*advienne que pourra*» — говаривалъ *маленькій Капралъ*, нашъ общій пріятель.

Окончивъ это несвязное посланіе, я долго думалъ о средствахъ выбросить весь лишній вздоръ, который за грѣхи мои разсыпанъ полными пригоршнями по его безполковымъ страницамъ; но это новая Египетская работа; а вамъ извѣстно, какъ крута неодолимая лѣнь моя. И такъ — уничтожьте, сожгите, если угодно, не распечатывая эту огромную эписполу. Впрочемъ, въ слѣдующемъ письмѣ я употреблю всѣ силы заключить свою праздную словоохотливость въ предѣлахъ одного только почтоваго листика; постараюсь

предпачертать себѣ планъ болѣе правильный и вооружусь дѣльною спирогостію къ своему непокорному слогу. Вѣрьте сему; надѣйтесь и — прощайте.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Г. А. Римскому-Корсакову.

Гебеджи, 22го Апрѣля.

Васъ ли, поклонника этой необъятной могилы, надъ которою тѣни Сципіоновъ и Павловъ Эмиліевъ, носясь въ туманѣ вѣковъ, говорятъ сердцу о древней столицѣ міра; сѣтуютъ о ея погибшемъ величіи, или утѣшаются всеобщимъ, неизбѣжнымъ жребіемъ царствъ и народовъ, начертаннымъ на ея краснорѣчивыхъ развалинахъ; васъ ли, говорю я, могъ бы занять однообразный разсказъ объ этихъ скудныхъ мраморахъ съ ихъ полуизглаженными надписями и барельефами, объ этѣхъ медаляхъ, покрытыхъ священною для антикваріевъ зеленью и безцѣнныхъ только въ глазахъ сихъ достопочтенныхъ собирателей вѣковыхъ грибовъ и полушекъ? — Нѣтъ! лучи Генія, горящіе въ черпахъ оживотвореннаго

мрамора; невыразимыя муки Лаокооновы и цѣлый міръ изящнаго еще не умерли въ памяти вашего сердца. — Вы видѣли Пантеонъ; вы посѣщали мастерскую Кановы и. . . . . Боже мой! можно ли сомнѣваться, что послѣ всего этого ваше воображеніе было бы не слишкомъ очаровано безцвѣтнымъ описаніемъ дикови-нокъ, обрѣтенныхъ мною посреди азіятской Варны. — Но если я до сихъ поръ не рѣшался возмущать ими вашихъ италіянскихъ воспоминаній, то теперь не спрашусь ни мало перенести мечты ваши изъ-подъ лавра, осѣняющаго могилу Мантуанскаго Лебедя, на очарованныя долины древняго Гемуса.

Давнымъ-давно мнѣ было уже тѣсно въ стѣнахъ полуразбитой Варны; давнымъ-давно душа моя

. . . . . рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей;

но сначала—коварная прелестница Археологія удерживала меня крѣпко-на-крѣпко въ своихъ пыльныхъ объятіяхъ; потомъ — наступленіе страстной недѣли внушило моей совѣсти благую мысль очистить покаяніемъ душу, чтобы въ случаѣ встрѣчи и неравнаго бою съ *невѣрными*, умереть по крайней мѣрѣ пря-

мымъ Христіанномъ подъ остріемъ *проклятаго* ятагана; но въ сторону балагурство! Походная церковь, воздвигнутая генераломъ Г. на одной изъ площадей Варнскихъ, есть въ самомъ дѣлѣ, прогательный символъ кроткаго христіанскаго благочестія. Ея убогій жестяный крестъ льетъ равнымъ образомъ свѣтлые лучи свои на могилы Рускихъ и Оттомановъ, примиренныхъ смертію и пріятельски перемѣшанныхъ другъ съ другомъ за симъ послѣднимъ рубежемъ всякаго человѣческаго разногласія. Я по истинѣ не знаю, съ чѣмъ сравнить эту набожную стремительность, съ коею наши воины толпились передо мной вокругъ священнаго алтаря, алкая небесной пищи и отраднаго облегченія отъ тайныхъ тягостей жизни. — Вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, какими красками божественный пѣвецъ Іерусалима изобразилъ высокую смѣсь гордаго военнаго мужества съ этимъ благочестивымъ смиреніемъ, которое наполняло душу Крестоносцевъ, попиравшихъ обнаженными стопами землю, орошенную кровію Искупителя. Не знаю, справедливо ли сравненіе; но смѣю увѣрить васъ, что предстоявшая мнѣ картина сливалась поминутно въ моемъ воображеніи съ этой разительной сценою. — Ежечасная близость смерти, отдаленность отъ родины,

воспоминаніе о милыхъ сердцу, покинутыхъ можетъ быть навѣки — воспоминаніе, столь естественное въ эту священную минуту — согласишесь, что едвали трогательная простота подобнаго зрѣлища уступитъ всему блеску вашихъ великолѣпныхъ столичныхъ процессій.—Бьюсь также объ закладъ, что благовѣстъ къ заутрени Св. Пасхи засталъ насъ совсѣмъ въ различныхъ занятіяхъ:— я въ это время читалъ *Фауста,* и какъ нарочно попалъ на то мѣсто, гдѣ безпокойный Докторъ, умиленный подобными звуками, роняетъ изъ рукъ чашу съ роковою отравою. Слѣдующіе за симъ стихи усугубили страшную тревогу души моей:

Was sucht ihr, mächtig und gelind,
Ihr Himmelstöne mich am Staube? и проч.

Остатокъ сего дивнаго монолога довершилъ ея неизъяснимое волненіе, проникнувъ, подобно голосу собственныхъ чувствъ, въ сокровенные изгибы моего сердца. Я громко прочелъ:

Sonst stürzte sich der Himmelsliebe Kuss
Auf mich herab, in ernstem Sabbathstille;
Da klang so ahndungsvoll des Glockentones Fülle,

Und ein Gebeth war brünstiger Genuss. . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Diess Lied verkündete der Jugend muntre Spiele,

Der Frühlingsfeyer freyes Glück... и проч. и проч.

Голова моя пылала; я бросилъ съ досадою книгу и пошелъ къ заутрнѣ. . . . . Вы безъ сомнѣнія имѣете полное право назвать неумѣстнымъ этотъ странный поворотъ разсказа, Богъ знаетъ куда и зачѣмъ, съ прямаго пути его; но согласитесь, что для васъ, домосѣдовъ, даже самыя обыкновенныя мысли и приключенія странника бываютъ рѣдко не занимательны. Причина тому—ихъ совершенное несходство со всѣмъ тѣмъ, что порождается однообразіемъ вашего едва текущаго существованія. Такъ, напримѣръ, въ то время какъ вы, встрѣтивъ *свѣтлый праздникъ* въ кругу своихъ домашнихъ Пенатовъ, готовились, вѣроятно, на оффиціяльную прогулку подъ качели—я наслаждался бурнымъ ожиданіемъ непріятеля, замыслившаго, какъ пронесся слухъ, воспользоваться мнимой безпечностью нашихъ въ первый день Пасхи. Генералъ Г., больной на-

капунѣ, расхаживалъ уже по компаніѣ, когда я посѣтилъ его послѣ заупрени, и на вопросъ мой: въ самомъ ли дѣлѣ будутъ къ намъ незваные гости?—отвѣчалъ: «Милости просимъ! мы готовы принять ихъ.» Между тѣмъ, отправленный для рекогносцировки адъютантъ донесъ, что Турки дѣйствительно перешли въ это утро Камчикъ, схватили съ передовыхъ нашихъ постовъ одного казака, отрѣзали ему голову, и похитивъ десятокъ найденныхъ при немъ *серебряниковъ*, возвратились на противоположную сторону.—Передъ вечеромъ генералъ Г. пригласилъ меня прогуляться съ собою въ лагерь, расположенный на южной сторонѣ крѣпости. Вы, знакомые съ весною благословенной Авзоніи, вы конечно не отвергнете этой таинственной симпаніи, которая существуетъ между природою и внутреннею жизнію человѣка: а потому, я смѣло позволяю себѣ назвать непзъяснимымъ это волшебное наслажденіе, которое наполняло мою душу при видѣ Варны и ея живописныхъ окрестностей, столь обворожительныхъ въ настоящее время года, столь разноцвѣтныхъ въ соединеніи съ этой восточной пестротою, которая мелькаетъ теперь новымъ блескомъ на разнообразныхъ толпахъ народа, страстнаго охотника до всякихъ праздничныхъ игрищъ

и удовольствій. Громъ военной музыки и голосъ родимыхъ пѣсенъ оторвали мое воображеніе отъ картинъ радужнаго Востока, когда русскіе шатры представились глазамъ моимъ, подобно бѣлому стаду, разсѣянному по ковру муравчитой нажити. Не стану говорить вамъ о впечатлѣніяхъ, почерпнутыхъ моимъ сердцемъ въ шумномъ воинскомъ станѣ, гдѣ все — и «*не одна во полѣ дороженька*», и «*ты нашь сельскій пѣтухъ*» переносили мою душу — то подъ соломенную кровлю уединенной русской хижины, то на гладкую *интерскую* дорогу, по коей нѣкогда, въ ясную морозную ночь, залетная тройка мчала вихремъ мои лубочные пошевни, и гдѣ однозвучный гулъ валдайскаго колокольчика или заунывная мелодія ямской пѣсни, говорили моему сердцу о священной старинѣ нашего отечества. Черезъ нѣсколько дней, совсѣмъ другія воспоминанія волновали мечты мои: очарованный взоръ мой любовался уже картинами древней, *холмистой* Мизіи.

21-го текущаго мѣсяца я возложилъ на себя вновь свои бранные доспѣхи и около 3-хъ часовъ послѣ обѣда потянулся на тощей казачей клячѣ къ западнымъ воротамъ Варны. — «Въ Римѣ живи по-римски» — говоритъ пословица; а потому мудрено ли, что и я находясь въ Турціи, рѣшился на этотъ разъ обезьянить

благоразумный фатализмъ оттоманскій. Не взирая на многочисленныя непріятельскія партіи, мелькающія по временамъ въ промежуткахъ нашей операціонной линіи отъ Проводъ до Варны, два только казака и мой неустрашимый *La Fleur*, живой арсеналъ, съ огромной венгерской саблею у бедра, съ предлиннымъ арнаутскимъ ружьемъ и короткимъ карабиномъ за плечами, съ черкесскимъ кинжаломъ, турецкимъ ятаганомъ и нѣсколькими парами тульскихъ пистолетовъ у пояса — составили всю мою свиту. Встрѣченныя нами у воротъ крѣпости похороны, показались моимъ спутникамъ знакомъ гибельнаго предзнаменованія; а дикіе надгробные мраморы, расположенные стоймя на могилахъ стараго *чумнаго кладбища*, наполнили и мое воображеніе самыми черными думами, мелькнувъ на правой сторонѣ дороги, подобно мшистымъ пнямъ вырубленнаго встарину лѣса. Синяя пелена моря осталась позади меня; я ѣхалъ берегомъ его Лимана, называемаго здѣсь — то Варнскимъ, то Девнинскимъ. Сначала ровная, гладкая какъ растянутое полотно дорога — привела мнѣ на мысли нашъ звонкій петербургскій шоссе; но вскорѣ, свѣжесть и живописная красота болгарской природы, изгладили его изъ моей памяти. Душа весны встрѣтила

меня на сихъ роскошныхъ долинахъ и какъ будто поздравила съ отраднымъ избавленіемъ отъ стѣнъ Варны, душной, нечистой, обширной могилы столькихъ тысячь воиновъ. Мало-по-малу все мое существованіе слилось съ этой волшебной природою; и только тяжелый скрипъ артиллерійскихъ обозовъ, свѣтлая мѣдь пушекъ, русскіе мундиры и тому подобные эпизоды прерывали на минуту *созерцательное* состояніе души моей, мелькая вдалекѣ изъ-за кудрявой зелени кустарника, цвѣтущаго по обѣимъ сторонамъ дороги. Малые Балканы, начиная отсюда подыматься выше и выше къ Юго-Западу, кажутся издали обтянутыми пышнымъ яркозеленымъ бархатомъ. Огромныя фруктовыя деревья образуютъ и здѣсь—то густыя аллеи, то темныя бесѣдки, или рѣдкими свѣтлозелеными рощами тянутся по горному скату. И здѣсь, почти черезъ каждыя три версты, говорливый фонтанъ приглашаетъ васъ освѣжиться своей студеною влагою.—Вамъ конечно знакомо сочиненіе генерала Андреосси о водоемахъ или *бендахъ* константинопольскихъ. Это сочиненіе и еще болѣе подробности извѣстнаго оріенталиста Г. Гаммера, почерпнутыя изъ описаній турецкаго автора Челеби-Заде, могутъ удовлетворить вполнѣ вашему любо-

пытству о семъ предметѣ.—Страсть Турокъ воздвигать повсюду подобныя водохранилища, есть, по словамъ жителей, дѣло истиннаго благочестія—дѣло, столь же священное, какъ эти религіозныя приношенія, коими наши праотцы обогащали церкви и монастыри, прославленные чудотворствомъ. Холмистая почва Болгаріи, и слѣдовательно изобиліе горныхъ ключей способствуютъ наиболѣе сему благому обычаю. — Черезъ нѣсколько минутъ казаки поворотили вправо съ дороги — и я увидѣлъ передъ собою довольно огромное каменное строеніе, съ небольшими круглыми башнями по угламъ и съ разными другими украшеніями феодальной Европы. Таковая архитектура побудила меня мимоходомъ замѣтить, что мысль о прототипѣ готическаго зодчества, занятаго Крестоносцами на Востокѣ, есть ипотеза не вовсе неосновательная. « Это бывшая турецкая гостинница (ханъ), а теперь нашъ казачій притинъ » — сказалъ мнѣ одинъ изъ Донцовъ, прибавя, что въ этомъ мѣстѣ мнѣ должно непремѣнно смѣнить ихъ. На дворѣ строенія нашелъ я десятка два казачьихъ лошадей, изъ коихъ нѣкоторыя были привязаны къ воткнутымъ въ землю пикамъ, осѣдланы, взнузданы и словомъ — ежеминутно готовы въ походъ и

на биваку. Черезъ четверть часа свѣжіе кони пянули уже весь мой вьюкъ живой и бездушный, вмѣстѣ съ собственной моей особою, далѣе.

Чѣмъ больше подвигался я впередъ, тѣмъ живѣе и привлекательнѣе становилась природа, тѣмъ ярче и роскошнѣе казалась мнѣ эта необыкновенная растительность, столь богатая красотою формъ и удивительнымъ разнообразіемъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Нѣжная апрѣльская лазурь восточнаго неба; синія волны Лимана, сверкающія сквозь пышный кустарникъ своего извилистаго берега; живописныя группы холмовъ, увѣнчанныхъ вѣковыми деревьями; муравчатые ковры долинъ, лежащихъ въ глубокомъ безмолвіи посреди румяной ограды скалъ. . . — но какъ изобразить вамъ эту легкую, нечувствительную постепенность красокъ, посредствомъ коей всѣ сіи разнородныя части сливаются въ одно восхитительное цѣлое! Повѣрите ли, что самые слѣды войны—каменные осыпки турецкихъ деревень, разбросанные по сторонамъ дороги, не только не разногласятъ, но составляютъ даже единственную гармонію съ задумчивой красотою природы, говоря сердцу о своемъ столь еще не давнемъ существованіи. Иногда — узкая пропасть, оцѣпляясь прямымъ

угломъ отъ дороги, тянется излучистой чертою къ развалинамъ, бѣлѣющейся вдалекѣ хижины; иногда — узорчатая пелена луговъ, освобождаясь отъ висящихъ надъ нею утесовъ, принимаетъ видъ зеленаго ристалища; пестрые, опоясывающіе ее косогоры, кажутся издали террасами великолѣпнаго англійскаго парка: дивные образцы представляются на каждомъ шагу подражанію самаго прихотливаго искуства.

Верстахъ въ трехъ отъ Гебеджи пересѣкается Лиманъ, соединяемый съ Чернымъ Моремъ почти у самыхъ стѣнъ Варны небольшой рѣчкою, называемой именемъ сей крѣпости. Въ этомъ мѣстѣ устроена пристань для сгруженія запасовъ, привозимыхъ изъ Варны для войскъ, расположенныхъ отъ Гебеджи до Проводъ, т. е. до конца нашей операціонной линіи въ этой части Болгаріи. Отсюда дорога круто поворачиваетъ на право, и извиваясь у подошвы сѣверныхъ горъ, тянется небольшой поляною къ закрытому кустами Гебеджинскому редуту. Надгробный, вѣроятно русскій крестъ, желтѣющійся посреди оной, поразилъ меня въ особенности какимъ-то отраднымъ сліяніемъ смерти съ тихой, меланхолической красотой сего мѣста. — Какой странникъ не положилъ бы

здѣсь своего посоха, какой скипидарецъ не позавидовалъ бы счастливцу, коего пріютъ долженъ быть сполъ безмятеженъ въ нѣдрахъ сей живописной могилы! — Но между нѣмъ, донской Буцефалъ мой не споялъ на мѣстѣ, и черезъ нѣсколько минутъ передовая стража остановила уже меня у воротъ грознаго Гебеджинскаго укрѣпленія.

Съ перваго взгляда этотъ редутъ показался бы вамъ какимъ нибудь мирнымъ селеніемъ, разбросаннымъ во глубинѣ зеленой лощины, у подошвы разнообразной цѣпи горъ, подымающихся необозримымъ амфитеатромъ къ Востоку и Западу. Синее Левашинское озеро, сверкающее во глубинѣ сей буколической картины, выполняетъ послѣднее требованіе самаго взыскательнаго пейзажиста. Другой взглядъ на Гебеджинское укрѣпленіе представляетъ вамъ эту нѣжную, Клодъ-Лореневскую природу въ яркомъ сліяніи съ живой лагерной пестротою Горація Вернета. Низкія, устроенныя въ четыре ряда землянки — прошлогодніе квартиры зимовавшаго здѣсь полка—принимаютъ видъ деревни, одушевленной шумнымъ волненіемъ войска; а хлопотливая суета вокругъ маркитантскихъ обозовъ проливаетъ на эту деревню *базарный* блескъ какого-нибудь великороссійскаго праздника. Та-

ковое сходство поражаетъ ваше вниманіе до нѣхъ поръ, пока ворота редута не затворились за вами. Тамъ — грозныя челюсти пушекъ, направленныхъ на окрестность изо всѣхъ угловъ укрѣпленія, ряды блѣдно-зеленыхъ артиллерійскихъ ящиковъ, свѣтлыя пирамиды ружій, цѣлыя *системы* желѣзныхъ звѣздъ, образуемыхъ грудами штыковъ, сколь яркихъ при блескѣ заходящаго солнца — и этотъ глухой барабанный грохотъ, и это рѣзкое, пронзительное завываніе трескучей трубы, и всѣ сіи подстрекательныя орудія смерти, наполняютъ ваше сердце кипящимъ упоеніемъ этой огромной страсти, которую человѣкъ называетъ сраженіемъ.

Полковникъ Л., начальникъ редута, узнавъ о предметѣ моего путешествія, показалъ мнѣ пять бронзовыхъ медалей, найденныхъ солдатами въ землѣ, при укрѣпленіи сосѣдней деревни Девно. Двѣ изъ нихъ греческія: одна принадлежитъ древней Одессѣ, другая Ольвіи; остальныя три — римскія. Въ Гебеджи не найдено, по увѣренію полковника Л. ничего подобнаго; но за то—предметы гораздо болѣе любопытные ожидали меня, по его словамъ, въ окрестностяхъ здѣшняго редута. Наступленіе ночи заставило насъ, къ сожалѣнію, отложить до слѣдующаго дня обозрѣніе ихъ.

Послѣ веселаго военнаго ужина я, безъ сомнѣнія, не былъ нисколько расположенъ любоваться красотою окрестностей, осребренныхъ вовсе не сѣверною луною. Занятый новостію своего лагернаго почлега, древнею Мизіею, войною, меня окружавшею, я съ несказаннымъ удовольствіемъ водворился на эту ночь въ палаткѣ полковника Л. и поспѣшилъ бросить на бумагу все, что до сихъ поръ находится въ этомъ посланіи. Вскорѣ пошли — война, Мизія, археологія, смѣшались мало-помалу въ умѣ моемъ: одолѣваемый сномъ и усталостію, я завернулся въ свою косматую бурку—и только грохотъ заревой пушки прервалъ на другой день мое желѣзное усыпленіе.

Если бы я не былъ увѣренъ, что поэзія въ прозѣ есть тоже самое, что великанъ въ дѣтскомъ нарядѣ, то конечно призналъ бы себя въ совершенной невозможности воздержаться отъ безконечнаго описанія утра, вспыхнувшаго яркимъ золотымъ пожаромъ надъ пеленою этихъ серебристыхъ тумановъ, которые драпировали горизонтъ окрестныхъ горъ и мало-по-малу открыли глазамъ моимъ всю роскошь ихъ разноцвѣтнаго одѣянія. Едва ощутительный вѣтеръ выпаралъ изъ глубины рощей, напоенный ихъ бальзамическимъ запахомъ; трава блистала крупной ро-

сою; окрестность красовалась этой мощной, первобытной юностью, которую мы воображаемъ на землѣ, освѣженной водами всемірнаго потопа. Около 7-ми часовъ мы сѣли на лошадей и пустились въ походъ подъ прикрытіемъ довольно значительнаго пѣшаго и казачьяго конвоя. Два — три офицера, присоединившіе къ полковнику Л. увеличили собою число нашихъ спутниковъ. Черезъ нѣсколько минутъ я очутился вновь на вчерашнемъ пути своемъ изъ Варны. Проѣхавъ версты три по сему направленію, мы достигли почти той самой присыпи, о которой я упомянулъ въ началѣ письма сего. Насупротивъ оной — глухая, сжатая кустами тропинка, взбѣгая съ холма на холмъ, свернула вдругъ передъ нами въ густоту непроницаемой древесной чащи. По ней углубились мы въ этотъ зеленый лабиринтъ, и принужденные подвигаться по одиначкѣ впередъ, были почти на каждомъ шагу останавливаемы обломками дикихъ каменныхъ утесовъ, загромождавшихъ нашу мучительную дорогу. Эта дорога, сперва покрытая высокой травою, начала вскорѣ освобождаться отъ зеленой пелены своей и мало-помалу превратилась въ стезю совершенно голую и песчаную. Въ иныхъ только мѣстахъ она разширялась между опушающимъ объ ея споро-

ны кустарникомъ, и казалась вымощенною огромными каменными плитами, довольно вѣроятными признаками древней дороги римской. Проѣхавъ версты двѣ—три такимъ образомъ, я вдругъ увидѣлъ передъ собою небольшую песчаную площадку и на ней — шесть сѣрованыхъ каменныхъ колонъ, возвышающихся симетрически на прямой чертѣ другъ подлѣ друга. Громкое восклицаніе было при семъ видѣ первымъ знакомъ моего невольнаго удивленія; но полковникъ Л. не далъ мнѣ времени довершить изліяніе онаго. Проѣхавъ съ равнодушнымъ молчаніемъ мимо сего любопытнаго мѣста, онъ опять углубился въ лѣсную чащу. Я безмолвно подвинулся за нимъ еще саженъ на двѣсти впередъ, и вдругъ останановилъ вновь свою лошадь. Обширная перспектива колонъ, подобныхъ шѣмъ, кои остались позади насъ, удесятерила мое прежнее удивленіе. Мелькая изъ-за пышной занавѣсы кустарника, начавшаго примѣтнымъ образомъ рѣдѣть въ этомъ мѣстѣ, огромныя массы сихъ необыкновенныхъ колонъ предстали глазамъ моимъ въ полномъ блескѣ самыхъ великолѣпныхъ древнихъ развалинъ.

Трудно передать вамъ въ одну минуту цѣлый рой мыслей, догадокъ, впечатлѣній, возбуждаемыхъ въ сердцѣ сими колоссальными

осшаткамн давно минувшаго; но начиная говорить о *Гебеджинскихъ развалинахъ*, я прежде всего изъявлю свое глубокое сожалѣніе, что не Кювье, не Гумбольдтъ, не Блуменбахъ, или который нибудь изъ сихъ краснорѣчивыхъ оракуловъ природы находился передъ ними на моемъ мѣстѣ: они были бы конечно въ состояніи обогатить сокровищницу Физики или Археологіи какимъ нибудь новымъ чудомъ древняго историческаго или естественнаго міра. — Я же, оглашенный въ таинствахъ той и другой науки, что могу представить на судъ ихъ, кромѣ общихъ, поверхностныхъ и вовсе неточныхъ свѣдѣній о предметѣ, достойномъ, по моему мнѣнію, полнаго участія просвѣщенной Европы!

Обширная площадь развертывается передъ вами при выѣздѣ изъ глубины окружающаго ее со всѣхъ сторонъ лѣса. На этой площади, пересѣкаемой въ нѣсколькихъ мѣстахъ высокимъ кустарникомъ, громады сихъ исполинскихъ колоннъ тянутся, или лучше сказать, разсыпаны по пространству болѣе трехъ верстъ. Я говорю разсыпаны, ибо въ расположеніи оныхъ не замѣтно ни порядка, ни обыкновенной архитектурной послѣдовательности. Цѣлыя тысячи сихъ чудесныхъ колоннъ поражаютъ васъ самыми странными формами.

Въ иныхъ мѣстахъ—онѣ возвышаются совершенно правильными цилиндрами; въ другихъ—представляютъ видъ башни, обрушенной пирамиды, усѣченнаго конуса; иныя дѣлаются къ низу толще и кажутся опоясанными широкими карнизами. Есть возвышенія, на коихъ нѣсколько подобныхъ столбовъ такъ густо составлено, что заставляютъ невольнымъ образомъ думать объ остаткѣ древняго портика. Внутренность нѣкоторыхъ изъ нихъ пуста и наполнена сѣрою песчаною массою. Я положилъ въ карманъ небольшой кусокъ сей массы; но будучи не въ состояніи обогатиться однимъ изъ сихъ огромныхъ обломковъ, кои находились въ составѣ самыхъ колонъ, предоставляю нашимъ Бронньярамъ опредѣлить, если возможно, по моимъ очеркамъ, родъ дикаго поздневшаго камня, образующаго оныя. На этотъ конецъ, я между прочимъ, замѣчу имъ, что камень сей показался мнѣ ни сколько не мягче самаго твердаго мрамора: онъ съ трудомъ уступаетъ ударамъ молотка, нѣсколько разъ повторенныхъ. Полковникъ Л. приказалъ по моей просьбѣ отрыть одну изъ цилиндрическихъ колонъ меньшаго размѣра. Часть нашихъ конвойныхъ солдатъ и въ томъ числѣ нѣсколько пионеровъ съ заступами и лопатами принялись за работу. Гром-

кія восклицанія: «найдемъ кладъ! найдемъ урну съ золотыми медалями!» — раздавались ежеминутно вокругъ откапываемой колонны. Черезъ нѣсколько времени она была открыта слишкомъ на сажень; но углубляясь столь же правильнымъ цилиндромъ въ землю, заставила насъ по всѣмъ признакамъ заключить, что до подземнаго ея основанія было еще слишкомъ далеко. На этотъ разъ не возможно было сдѣлать ничего больше; п. Л. далъ мнѣ слово продолжать въ слѣдующіе дни откапываніе колонны и обѣщалъ сообщить на возвратномъ пути моемъ въ Парму слѣдствіе сей любопытной работы.

Вотъ къ сожалѣнію все, что я могу сказать о сихъ необыкновенныхъ развалинахъ. Совершенное опустѣніе капителей, правильныхъ карнизовъ и разныхъ другихъ украшеній зодчества уничтожаетъ, по крайней мѣрѣ для меня, всякую возможность разсуждать объ архитектурномъ орденѣ, по коему бы можно было загадывать о началѣ сихъ исполинскихъ развалинъ. Я называю ихъ исполинскими, ибо діаметръ самой тонкой изъ вымѣренныхъ мною колоннъ, заключаетъ въ себѣ около $4\frac{1}{2}$ футовъ. — Какіе люди должествовали быть создателями сихъ колоссальныхъ остатковъ! Огромный размѣръ ихъ приводитъ вамъ не-

вольнымъ образомъ на память эпѣ геогностическія гипотезы, въ коихъ толкуется о допотопномъ мірѣ и о гигантахъ, населявшихъ его первобытную поверхность. Если бы ученые труды Кювье, Палласовъ, Блуменбаховъ не опровергли мечтаній блаженнаго Августина, Кирхера и всѣхъ сихъ панпуралистовъ, коимъ представлялись великаны, рожденные сынами боговъ отъ дочерей человѣческихъ; если бы опытъ, говорю я, не уничтожилъ этѣхъ баснословныхъ легендъ, кои раздались впрочемъ изъ колыбели всего человѣчества — то, вспоминая объ Омировыхъ соплеменникахъ Полифема, я бы нисколько не поколебался видѣть въ *Гебеджинскихъ развалинахъ* осуществленіе древнихъ миѳовъ объ изобрѣтенномъ Киклопами зодчествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, взирая на массивную огромность сихъ великолѣпныхъ развалинъ, вы бы невольнымъ образомъ подумали, что стѣны старинныхъ городовъ Тиринѳа и Микены, созданныя, по словамъ Павзанія, изъ взгроможденныхъ другъ на друга утесовъ; древніе памятники Арголиды; остатки строеній, замѣченные Г. Каселлапомъ близъ Наполи-ди-Мальвазіи и всѣ сіи зданія, кои Эврипидъ, Страбонъ, Павзаній и другіе писатели древности приписываютъ одноглазымъ работникамъ Вулкана—принад-

лежатъ къ одному разряду съ великолѣпными колоннами Гебеджинскими.—Но, говоря объ ихъ искусственномъ происхожденіи, я между тѣмъ долженъ признаться, что все сіе далеко недостаточно для объясненія *человѣческой* цѣли сихъ несмѣтныхъ колоннъ, столько же симметрическихъ, сколько необыкновенныхъ, почти вездѣ однообразныхъ, но разсѣянныхъ по пространству, превосходящему всякій размѣръ зданій человѣческихъ. Неужели сіи великолѣпныя громады суть не что иное, какъ массы простыхъ *базальтическихъ* обломковъ?—Неужели эта разительная правильность формъ и пропорцій есть одна только прихоть природы, обманывающей человѣка столь совершеннымъ подражаніемъ искусству, въ странѣ, населенной памятниками древности, и роями славныхъ историческихъ воспоминаній? Въ семъ послѣднемъ случаѣ, ученые исполкователи природы, прилагаютъ конечно къ подобнымъ феноменамъ свою любопытную гипотезу о существованіи *нѣмыхъ свидѣтелей* сихъ неизвѣстныхъ, огромныхъ переворотовъ, предъ коими исчезаютъ всѣ измѣненія нашего шара, произведенныя людьми, ураганами, волканическими изверженіями, морскими разливами и тому подобными судорогами органическаго міра. Я не знаю, что такое *эти базаль*

тическія колонны, кои служатъ основаніемъ старинному замку Штольпену, находящемуся верстахъ въ 20-ти къ Востоку отъ Дрездена; не имѣю равнымъ образомъ никакого понятія о цѣпи сихъ *Металлическихъ* и *Среднихъ* горъ (*Ertz - und Mittel-Gebirge*), кои отдѣляютъ Сѣверо-Западную Богемію отъ Саксонскихъ владѣній. Вершины оныхъ увѣнчаны, по словамъ путешественниковъ, рядами безчисленныхъ *пиковъ*, гдѣ *базальтъ* въ видѣ огромныхъ призматическихъ колоннъ свидѣтельствуетъ объ упомянутыхъ мною переворотахъ.—«Повсюду печальные скелеты горъ»—говоритъ Малыпё-Брюнъ—«подкрѣпляютъ вполнѣ таковое предположеніе.» Стоунгенгъ въ Англіи; Грейффенштейнъ въ Саксоніи; утесы Свинъ-Фоенейскіе въ Китаѣ; множество огромныхъ обломковъ посреди перуанскихъ Кордильеровъ и наконецъ—эти знаменитые *камни Карнакскіе*, кои столь долго почитались однимъ изъ таинственныхъ Друидическихъ капищъ—суть конечно самые любопытные памятники сихъ необъятныхъ физическихъ измѣненій; но признаюсь, что изо всѣхъ подобныхъ обломковъ я бы наиболѣе желалъ видѣть лабиринтъ этѣхъ чудесныхъ скалъ, кои возвышаются въ Сѣверо-Восточной Богеміи, между передовыми отраслями *Судетовъ* или *Горъ Исполин-*

скихъ (Riesengebirge).—Вы безъ сомнѣнія отгадаете, что я говорю о дедалѣ сихъ живописныхъ утесовъ, кои близъ Адлерсбаха представляютъ, по увѣренію очевидцевъ, дивное зрѣлище великолѣпныхъ естественныхъ развалинъ. Личный, сравнительный взглядъ на оныя утвердилъ бы можетъ быть шаткость моего мнѣнія о *Гебеджинскихъ* остаткахъ. Судя по описаніямъ—та и другая картина представляетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ сходство довольно разительное. — Несравненно бо́льшимъ единствомъ формъ и правильностью пропорцій отличаются колонны *Гебеджинскія*, но точно на такомъ же пространствѣ разсѣяны естественныя *Адлерсбахскія* пирамиды. Таже физіогномія окрестной природы, тѣ же кусты и деревья, смѣшивающіе густую зелень свою съ массами сихъ пепловидныхъ развалинъ; тотъ же ручей, журчащій по ихъ повалившимся обломкамъ; одинаковое сосѣдство горъ, отличающихся впрочемъ другъ отъ друга тѣмъ, что близъ *Адлерсбаха*, лабиринтъ дикихъ, утесистыхъ скалъ составляетъ, если вѣришь путешественникамъ, часть самыхъ развалинъ, между тѣмъ, какъ *колонны Гебеджинскія* не имѣютъ, по видимому, никакого сродства съ перспективою этихъ лѣсистыхъ холмовъ, кои окружаютъ равнину, занимаемую

ихъ массами. Мальпё-Брюнъ утверждаетъ, что *Адлербахскіе* обломки суть очевидные осыпки горы, коей части менѣе твердыя обрушились и унесены потоками: сомнѣваюсь, чтобы подобное предположеніе могло быть приложено къ чудеснымъ *Гебеджинскимъ* развалинамъ. — Но пора кончить эту премудрую диссертацію; чувствую, что я слишкомъ долго толковалъ вовсе не о своемъ предметѣ; не сомнѣваюсь также, чтобы какой нибудь изъ сихъ избранныхъ наперсниковъ природы не очеркнулъ его въ нѣсколькихъ словахъ гораздо удовлетворительнѣе. Я высказалъ все, что лежало на сердцѣ; обнаружилъ множество предположеній справныхъ и вѣроятно ошибочныхъ; но отъ сего-то самаго многословія и зависитъ можетъ быть вѣрный приговоръ феномену — въ археологическомъ, въ естественномъ, или въ какомъ бы—то ни было отношеніи — истинно замѣчательному.—И такъ, предоставляя предметъ сей суду и оцѣнкѣ записныхъ ученыхъ, спѣшу показать вамъ его въ другомъ, менѣе пускломъ для меня зеркалѣ.

Muoiono le città, muoiono i regni,
Copre i fasti e le pompe arena ed erba;
E l'uom d'esser mortal par che si sdegni?

Вотъ стихи, которые были не одну сотню разъ чувствованы, повторены, декламированы: сомнѣваюсь, между тѣмъ, чтобы ихъ досадная истина не пробуждалась въ какомъ бы-то ни было сердцѣ, при каждой новой картинѣ ничтожества, попирающаго осталки бѣднаго человѣческаго могущества. На возвратномъ пути своемъ въ Варну, я поспараюсь ввѣрить карандашу какого-нибудь военнаго Тайлора окончательный абрисъ колоннъ Гебеджинскихъ, то есть: прибѣгну къ единственному средству для яснаго изображенія этихъ необыкновенныхъ формъ, цвѣтовъ и оттѣнковъ, коихъ разнообразіе неуловимо для самой высокой живописи языка человѣческаго. — До тѣхъ же поръ, попробую представить вамъ краткій *итогъ* впечатлѣній, врѣзавшихся въ мою душу, при видѣ сихъ исполинскихъ столбовъ, разсѣянныхъ подобно чудеснымъ мечтамъ Байрона въ печальномъ; но очаровательномъ безпорядкѣ. Одни едва мелькаютъ сквозь чащу густаго кустарника, другіе возвышаются во всей пагонѣ своего пасмурнаго величія и поражаютъ взоръ вашъ этимъ мертвымъ, поблекшимъ *цвѣтомъ вѣковъ*, который долженъ безъ сомнѣнія занимать, главное мѣсто на палитрѣ краснорѣчивой исторической живописи. Тамъ — повалившаяся

колонна лежитъ, какъ спящій Сатуръ, на коврѣ юной зелени: ласковый плющъ обвиваетъ ее; сѣдой мохъ трепещетъ на язвахъ, коими рука вѣковъ покрыла сей памятникъ давно-минувшаго, между тѣмъ, какъ выглядывающій изъ подъ земли осипокъ его служитъ огромною вазою мирповымъ и терновымъ вѣткамъ, множеству дикихъ цвѣтовъ и растеній. Благословенная природа, какъ бы желая замѣнить своей собственной роскошью чудеса изглаженнаго можетъ быть временемъ искусства, водворилась повсюду посреди сихъ безмолвныхъ черепоговъ праха и разрушенія. Вездѣ, съ заботливостію нѣжной матери, она разнообразитъ свои невинныя украшенія: въ одномъ мѣстѣ протягиваетъ свѣжую гирлянду между двумя склонившимися къ паденью колоннами; въ другомъ — ставитъ стройные тополи на мѣсто столбовъ, опрокинутыхъ временемъ. Тамъ — юная виноградная лоза вьется извилистою змѣею до самаго возглавія уцѣлѣвшей болѣе другихъ громады; здѣсь — дикая акація пресмыкается у ея обширнаго подножія и покрывая его своими апласными листьями, рисуется, подобно драгоцѣнной мозаической работѣ, на сумрачной бѣлизнѣ разметанныхъ повсюду развалинъ. Мирное запустѣніе воцарилось на сихъ безобразныхъ

обломкахъ: ни малѣйшій звукъ, ни малѣйшій шорохъ не прерываетъ ихъ угрюмаго молчанія; или нѣтъ! рѣзвая изумрудная ящерица, теперь единственный обитатель мѣста, гдѣ можетъ быть нѣкогда кипѣла жизнь и шумная человѣческая дѣятельность, выглянувъ на минуту изъ глубокихъ разсѣлинъ бѣжитъ отъ любопытнаго странника, и шумя въ высокой травѣ, прячется между грудою новыхъ обломковъ.

Всѣ ощущенія сердца, всѣ оттѣнки впечатлѣній были уже столь хорошо высказаны, раздроблены, анатомированы; душа человѣческая сорвавъ мало-по-малу эту плотную занавѣсу, которая покрывала ея тайныя муки и радости, отразилась въ зеркалѣ столь опредѣленномъ; но всего болѣе—мишура и румяна нашихъ піитическихъ разносчиковъ, продаваемыя цѣлыми пудами за неподдѣльныя розы и золото, освоили насъ до такой степени съ шарлатанствомъ этихъ микроскопическихъ Рене, Чайльдъ-Гарольдовъ, Фаустовъ, что теперь порывы самаго чистаго энтузіасма, изліяніе самой *законной* печали, едва ли не кажутся намъ чѣмъ-то подобнымъ сему каррикатурному вооруженію, подъ коимъ герой Ламанчскій сокрылъ бриліантовый блескъ древняго рыцарства. Я не имѣю нужды хвалиться идеаль-

нымъ разочарованіемъ: вы знаете, какъ легко мое минувшее; какъ цвѣтисто настоящее; какъ свѣтла и просторна моя бѣдная будущность. . . . — а потому, вамъ ли буду я говорить объ электрическомъ сочувствіи души своей съ этими дивными обломками чего-то огромнаго, прекраснаго, поэтическаго!—Я машинально слѣдовалъ за прихотливымъ бѣгомъ ручья, лепечущаго посреди развалинъ. Становясь съ каждымъ шагомъ уже и извилистѣе, онъ мало-по-малу принялъ видъ тонкой жемчужной нитки, и наконецъ совершенно пропалъ въ пестрой густотѣ кустарника, завладѣвшаго полуизсякшимъ русломъ его. Красивые листья пуховника, душистаго дрока и мѣлкаго лиловаго цѣломудренника выставляли оттуда свои разноцвѣтныя маковки, и подражая излучинамъ потерявшагося между ними ручья, рисовались на землѣ, подобно другому, созданному изъ цвѣтовъ потоку. Слабый ропотъ струи, переливающейся во мракѣ сихъ разнообразныхъ кустарниковъ, напоминалъ одинъ о ничтожномъ осташкѣ воды, неуловимой для жажды, пожиравшей меня въ эту минуту. Лучи полдневнаго солнца, пылая вертикально надъ моей головою, возбуждали въ изсохшемъ горлѣ моемъ смертельную зависть къ баснословной способности этихъ привиле-

гированныхъ смертныхъ, коихъ нервное потрясеніе угадываетъ шумъ и прохладу подземныхъ источниковъ; представьте же себѣ мое удовольствіе, когда оглянувшись назадъ, я увидѣлъ за собою всѣхъ своихъ спутниковъ и получилъ приглашеніе напиться у текущаго не вдалекѣ фонтана. Мы оставили развалины позади себя и опять углубились въ лабиринтъ древесной чащи. Черезъ нѣсколько минутъ гармоническое журчанье воды послышалось передъ нами въ густотѣ лѣса. Подвинувшись еще на нѣсколько шаговъ впередъ, я увидѣлъ..... но повѣрите ли, что картина подобная садамъ Дамасской очаровательницы или даже Мильтонову изображенію эдема затмила въ этотъ мигъ передо мною всѣ красоты живописной природы, кои до сихъ поръ были когда нибудь предметомъ моего удивленія.

Амфитеатръ живой, непроницаемой зелени, сросшейся на подобіе обрушенной сверху арки, со всѣхъ сторонъ окружилъ меня. Во глубинѣ этой зелени, цвѣты распустившихся яблонь, душистыхъ грушъ, черешень, персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ, горятъ повсюду яркими рубиновыми и алмазными искрами. Непроницаемыя бесѣдки изъ кудрявато виноградника; букеты юныхъ миртовъ, и ди-

кія, заглохшія аллеи изъ колоссальныхъ орѣшниковъ, мохнатыхъ буковъ, шелковичныхъ и разныхъ другихъ деревьевъ, пересѣкаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшой муравчатый лугъ, кинутый роскошнымъ ковромъ посреди сего натуральнаго китайскаго сада. Съ одной стороны два фонтана, поставленные у скалы зеленыхъ горъ параллельно другъ противъ друга, журчатъ подъ тѣнью *плакучихъ* ивъ и пирамидальныхъ тополей; два мраморные резервуара льютъ на размеханные вокругъ каменья ихъ *холодныя слезы*, которыя—то пропадаютъ, то вновь показываются, тянутся по травѣ драгоцѣнной брилліантовой нитью и наконецъ—исчезаютъ въ густотѣ лѣса. Древніе сады Алкиноевы были, по сказанію Омира, украшены двумя точно такими же фонтанами. Насупротивъ сего романтическаго мѣста горизонтъ болѣе свободный открывается вдругъ передъ вами; лѣсистый амфитеатръ горъ: скала надъ скалою, зелень надъ зеленью ограничиваютъ со всѣхъ сторонъ очарованный взоръ вашъ. Если-бы можно было предполагать, что природа, современная созданію сосѣднихъ колонистъ, не измѣнила еще до сихъ поръ своего образа, то рощи окружающія фонтаны, могли бы безъ сомнѣнія быть почтены великолѣпными садами, принадлежавши-

ми древнимъ храмамъ, или обширному городу, коего колонны сіи суть развалины.

«Не пора ли подумать объ обѣдѣ?» сказалъ одинъ изъ офицеровъ, прогуливаясь вокругъ своей лошади. — Ни мало! — отвѣчалъ я; но между нѣмъ бо̀льшая часть пріѣхавшихъ со мною желудковъ очень умильно поглядывала на солнце, коего огненный шаръ перекатился уже давнымъ-давно за-полдень. Красные лучи его проникали облически въ прохладную темноту рощей, и опраженные ихъ изумрудною зеленью, преломлялись тонкими золотыми стрѣлами на живомъ кристалѣ фонтановъ, окруженныхъ всѣми радужными цвѣтами *призмы*. Какая-то неопредѣленная гармонія вылетала изъ глубины лѣса. Полные чудныхъ миѳологическихъ воспоминаній, вы бы подумали, что хороводъ незримыхъ Дріадъ, по прежнему пляшетъ, и сливаетъ звучные голоса свои съ трепетомъ посвященныхъ имъ сѣней. Если мечты, наполняющія душу передъ хаосомъ сосѣднихъ развалинъ, сполъ же унылы, смутны и колоссальны, какъ груды этихъ величавыхъ обломковъ, то *философическое* спокойствіе здѣшней природы — поэзія одной изъ сихъ *виргиліевскихъ* долинъ — объясняютъ вамъ въ полной мѣрѣ скуку придворныхъ благъ, и послѣднее желаніе *почившаго* на минуту пѣвца Георгикъ:

.....O qui mi gelidis in vallibus Hœmi
Sistat, et ingenti ramorum protegat umbrâ!

Я разсѣянно блуждалъ между деревьями, и кто знаетъ, куда бы забрелъ наконецъ, если бы полковникъ Л. не закричалъ мнѣ, что какая нибудь турецкая пуля, вырвавшись вдругъ изъ-за куста, можетъ въ одну минуту и весьма невѣжливо прервать мечты мои. Шумящій не вдалекѣ отъ фонтановъ орѣшникъ обратилъ на себя особенное мое вниманіе: онъ возвышается отдѣльно отъ другихъ деревьевъ, и можетъ по всей справедливости назваться патріархальнымъ царемъ ихъ. Какой-нибудь архіепископъ изъ досопославнаго *Rocher de Cancale* угостилъ бы, кажется, подъ его навѣсомъ дюжины три записныхъ Эпикурейцевъ всѣми сокровищами французской кухни своей.—Я не могъ разспаться съ симъ обворожительнымъ мѣстомъ; тѣ, кои съ Гётевымъ рыбакомъ бывали очарованы разсказами Наяды о благотворной прохладѣ водъ во время зноя полуденнаго, поймутъ можетъ быть это тайное могущество, которое приковывало меня къ фонтанамъ, возбуждая безпрестанное желаніе умываться и глотать безъ всякой жажды холодную струю ихъ. Всѣ сіи *проволоки* выводили изъ терпѣнія моихъ спут-

никовъ. Дѣлать было нечего: я рѣшился ѣхать съ ними обѣдать; но, покидая долину, въ которой желалъ бы остаться на всю жизнь свою, упорствовалъ въ исполненіи этихъ мѣлочныхъ обрядовъ, кои Шатобріанъ вмѣняетъ въ обязанность всякому благочестивому путешественнику. Въ семъ намѣреніи я извлекъ персидскій кинжалъ свой и начертилъ острымъ концемъ онаго свое имя на мраморномъ возглавіи одного изъ фонтановъ; потомъ наполнилъ шляпу его животворною влагою и совершилъ въ честь Генія сего мѣста, *Genio loci*, свое скудное, но усердное возліяніе. Благословенная Дріада, подарившая мнѣ на память нѣсколько листковъ съ широкошумнаго своего орѣшника, получила послѣдняя прощальный поклонъ мой. Проѣзжая мимо развалинъ, я былъ бы не утѣшенъ, если бы не имѣлъ надежды увидѣть ихъ снова въ непродолжительномъ времени. Мы возвратились въ редутъ къ довольно поздней трапезѣ; но и та, какъ на зло моимъ гастрономамъ, была еще вовсе не приготовлена. Пользуясь этимъ промежуткомъ, я прислонился къ одному изъ пушечныхъ лафетовъ, и продолжалъ на ономъ письмо сіе. Послѣ обѣда оно было уже совсѣмъ дописано, и около пяти часовъ я простился съ полковникомъ Л., получивъ подтвержденіе

его обѣта: продолжить начатое откапываніе колонны. Одинъ только казакъ, взятый болѣе для указанія дороги, нежели для вооруженнаго прикрытія, поѣхалъ со мною въ Девно.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Брату Ал. Гр. Теплякову.

Девно, 24-го Апрѣля.

Какъ жаль, что вы не принадлежите къ числу этихъ благосклонныхъ друзей-читателей, кои отъ души довольствуются одной любопытной исторіей обѣдовъ, ужиновъ, ночлеговъ и тому подобныхъ приключеній словоохотнаго странника! Зачѣмъ, *corpo di Bacco!* зачѣмъ придерживаться строгаго мнѣнія тѣхъ, кои настоятельно требуютъ, чтобы путешествія относились къ Географіи, къ Этнографіи, къ Статистикѣ, точно въ такой же силѣ, какъ очерки какихъ нибудь частныхъ записокъ къ Исторіи времени, о коемъ идетъ дѣло?—Мнѣ противъ этого говорить безъ сомнѣнія нечего; прошу только замѣтить, что между тѣмъ, какъ Гг. астрономы толкуютъ о явномъ различіи между двумя Сатурновыми

кольцами и опъ души снабжаютъ насъ самыми вѣрными *итинерарии* для прогулки по странамъ звѣзднымъ и солнечнымъ — почти вся внутренность древней Ѳракіи, земли безсмертныхъ дѣлъ и дивныхъ, неистощимыхъ воспоминаній, есть до сихъ еще поръ *terra incognita* для нашей просвѣщенной Европы. Кромѣ того, путешествіе по странѣ, вымятенной въ настоящее время ураганомъ огромной эмиграціи, озаренной единымъ свѣтильникомъ русскихъ и турецкихъ *топи*, имѣетъ, кажется, ужъ по одной этой причинѣ нѣкоторое право на участіе и снисходительность разсудительнаго читателя.

Отъ Гебеджинскаго до Девнинскаго редута считается около 40-ти верстъ. Поздно послѣ обѣда выѣхалъ я изъ перваго, и не взирая на то, знойный болгарскій вечеръ палилъ меня пуще великороссійскаго полдня. Спутниками моими были на этотъ разъ одинъ только путеводитель—Донецъ, да *живой арсеналъ*, слуга мой. Мы проѣхали по тому самому мѣсту, гдѣ за годъ передъ симъ цвѣло живописное Гебеджинское селеніе, теперь *разобранное*, по выраженію одного изъ нашихъ странствующихъ витязей. Большая часть дороги, ведущей въ Девно, можетъ по справедливости назваться продолженіемъ пути отъ

Варны до Гебеджи, но вскорѣ амфитеатръ колоссовъ балканскихъ начинаетъ подыматься выше и выше по направленію къ Праводамъ. Лазурное Девинское озеро развертывается у подошвы горъ, почти при самомъ выѣздѣ изъ Гебеджинскаго редута. Издали—оно сверкаетъ подобно яркой, вороненой спали въ изумрудной оправѣ береговъ своихъ. Еще далѣе—тысяча сер бристыхъ излучинъ разбѣгается по ковру зеленой долины и подобно алмазной цѣпи обвиваетъ ее у подножія лиловыхъ скалъ, на краю подернутаго радужной дымкою небосклона. Узкій путь тянется надъ сей лазурною скатертью по карнизу лѣсистыхъ горъ, разрисованныхъ яркими узорами весны, увѣнчанныхъ исполинскими фруктовыми деревьями и тысячью этихъ пестрыхъ цвѣтовъ и кустарниковъ, кои сколь живописно сочетаваютъ свою темную, свѣтлую, золотистую растительность съ рубинами ягодъ, благоухающихъ надъ зеркальной поверхностью озера. И здѣсь *немно гіе* фонтаны, выбѣгая изъ глубины кудрявыхъ рощъ, льются по скату горъ, подобно крупнымъ слезамъ, по заключеннымъ въ яркозеленый бархатъ персямъ красавицы. Верстъ 6 — 7 проѣхалъ я такимъ образомъ; милая прелесть природы, какъ будто перешла въ мою душу; въ это время ей было

такъ легко, такъ весело: она ровно ни о чемъ не думала! вскорѣ поиомъ дорога опдѣлилась отъ озера почти на версту вправо; въ этомъ мѣстѣ игривая рѣчка Девно, прибѣжавъ изъ нѣдръ Сѣверо-Западныхъ горъ, бросается въ объятія голубаго Лимана — и обширная песчаная равнина развертывается вдругъ передъ вами. Какая печальная противоположность между сей желтой, безжизненной пустыней и ея роскошною рамою! Стая огромныхъ орловъ, завидя насъ издалека, тяжело поднялась на воздухъ, и останки опустошительнаго праздника — разметанныя повсюду кости людей и животныхъ — предстали вдругъ нашимъ взорамъ. Сердце мое содрогнулось: равнина сиарой битвы была, по всему видимому, въ очахъ моихъ. Подобно доброму князю Руслану, я остановилъ передъ нею коня своего; грустныя думы пѣснили грудь мою; вмѣстѣ съ храбрымъ кіевскихъ витязей, душа моя невольно воскликнула:

О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы,
Кто на тебѣ со славой палъ,
Чьи небо слышало молитвы,

Почто-же, поле, смолкло ты,
И поросло травой забвенья?...
Потомъ, comme de raison,
Временъ отъ вѣчной темноты
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!...

Полный этой несносной истины, я не шутя утопалъ нѣсколько минутъ въ океанѣ пошлыхъ думъ о славѣ и ничтожествѣ человѣческомъ. Къ счастію вслѣдъ за симъ шраги-комическій стихъ дѣда—Сумарокова очень кстати облеснулъ мечты мои:

«Когда умру—засну; засну—и буду спать.»

Громкій смѣхъ, акомпанеманъ сей утѣшительной апофѳегмы, вырвался изъ груди моей, и преполновѣсный ударъ плетью прибодрилъ вмигъ моего злапогриваго Рабикина, который, повѣся свою скопскую голову, какъ будто обезьянилъ мои философическія размышленія о суетахъ міра сего. «Вотъ Девичинскій лагерь!„ — воскликнулъ, галопируя подлѣ меня мой Донецъ путеводный. Новый, подобный первому силлогизмъ раздался по ребрамъ моего четвероногаго философа, и черезъ нѣсколько минутъ шапиры четырехъ

пѣхотныхъ полковъ, огражденные со стороны Праводъ двумя сильными редутами, были уже въ глазахъ моихъ.

Мы остановились у палатки полковника Е., который въ продолженіе всей прошлогодней зимы занимался съ командуемымъ имъ полкомъ укрѣпленіемъ сего мѣста. Еще въ Варнѣ, слухъ о множествѣ медалей, найденныхъ во время сихъ инженерныхъ работъ, возбудилъ во мнѣ непреодолимую симпатію къ доблестному 38-му егерскому полку и въ особенности къ его археологическому предводителю. Этотъ храбрый вождь вспрѣвнилъ меня изъявленіемъ искренней готовности *участвовать* въ моихъ розыскахъ, и смѣясь изо всей мочи, озарялъ ежеминутно посулы свои фосфоромъ этѣхъ милыхъ остротъ, кои, какъ вамъ извѣстно, сполъ очаровательны въ устахъ нашихъ армейскихъ каламбуристовъ. Показывая оставшіяся у него медали, онъ безпрестанно подшучивалъ надъ цѣлью моего прибытія въ Девно, восклицая, что я слишкомъ поздно къ нему *явился*. «Изъ числа найденныхъ мною *антиковъ*» — сказалъ онъ — «большая часть представлена при *рапортѣ* бригадному командиру, множество роздано офицерамъ; множество послано женѣ въ * * * * скую губернію.» — Вскорѣ потомъ, доспокоивши-

ный антикварій сей оставилъ меня одного, надъ кучею разныхъ монетъ и медалей. Черезъ минуту я уже слышалъ его *стенторскій* голосъ, уже видѣлъ воинственное тѣло и душу его на конѣ, предъ марширующимъ за нимъ *легіономъ*.

Разсматривая брошенные передо мною *антики*, я, посреди цѣлой груды оныхъ, замѣтилъ только 3—4 медали греческихъ. Все остальное принадлежитъ императорскому Риму съ примѣсомъ ничтожныхъ монетъ Византійской Имперіи и Государствъ Среднихъ Временъ Европы. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, о коихъ я вскорѣ буду говорить вамъ, проливаетъ, кажется, довольно яркій цвѣтъ правдоподобія на ученое мнѣніе Г. Бларамберга, касательно существованія древняго Маркіанополя на семъ самомъ мѣстѣ.

Вечеромъ, цѣлый *Пандемоніумъ* полковой знати собрался въ палаткѣ полковника Е.. Громкіе крики, полубезсмертныя воспоминанія, забавныя пророчества, бурныя пренія о многоразличныхъ тайныхъ полковаго ученья, выправки солдатъ *et cætera*, раздавались ежеминутно вокругъ меня, вмѣстѣ съ яркими звуками пушечныхъ спаканокъ, безпрерывнымъ хохотомъ и лаемъ борзыхъ собакъ, на-

слаждавшихся, по видимому, въ кругу сей веселой толпы, равною съ двуногими непринужденностью. Вамъ извѣстно, что—подобно доброму Бугенвиллеву священнику—«монахъ во Франціи, я дикарь въ Отаити.»—Посреди стремнинъ кавказскихъ я, напримѣръ, стрѣлялъ и скакался съ удалыми своими *кунаками* точно такъ же, какъ нѣкогда стрѣлялъ и скакался съ графомъ С. и англоманомъ К.. Съ Шамхаломъ Тарковскимъ тянулъ его поганый *чихирь* столь же безотчетно, сколько встарину анализировалъ каждую румяную слезинку du *dive* Oeil de Perdrix съ Паппагрюэлемъ К—мъ. Передъ *фонтаномъ слезъ*—опьяняющій Крымскій *шишлыкъ* соблазнялъ меня пуще всѣхъ чудесъ Да—ой гастрономіи. Передъ Болгаркой Деспиной мое: «*северемъ гюзель кызъ*—пылало несравненно жарче всѣхъ Дорановскихъ мадригаловъ, разсыпаемыхъ бывало передъ какой нибудь чопорной полу-Француженкой. Словомъ, въ раззолоченной петербургской гостиной, я бывалъ гостемъ, столь же несноснымъ, какъ и всякой другой, и признаться ли вамъ, что передъ яркимъ бивачнымъ огнемъ, подъ занавѣсой открытаго неба, на жесткомъ казачьемъ сѣдлѣ подъ головою, или даже одинъ, въ своихъ огромныхъ съ загнутой спинкою креслахъ (разумѣется

не здѣсь, а въ Одессѣ), я чувствую себя тысячу и одинъ разъ умнѣе и довольнѣе цѣлымъ свѣтомъ, нежели въ толпѣ блистательныхъ *лун* (вы конечно помните послѣднее Гуливерово странствіе), предсѣдателей его и моихъ глупостей. Что въ самомъ дѣлѣ мнѣ, странному изъ племени *простосердечныхъ*, подобно Гурону Вольтеровскаго краснобая, — что мнѣ, говорю я, до вашихъ князей А. Б. В., до графовъ Г. Д. Е., до генераловъ Ж. З. И.! Изо всего *этого* вы, слѣдовательно, можете заключить, что и на сей разъ я бы конечно не посѣщался превратиться доупора въ какого нибудь удальца 38-го егерскаго полка, если бы жестокая головная боль не нахмурила прошивъ воли чела моего. Я вышелъ изъ пиршественной палатки и нѣсколько минутъ любовался мерцаніемъ болгарскаго мѣсяца. Томно и вмѣстѣ торжественно разсыпалъ онъ перловые лучи свои надъ городомъ бѣлыхъ шатровъ, надъ свѣтлою мѣдью пушекъ, надъ пирамидами ружей, коихъ штыки казались вылитыми изъ чистаго полированаго серебра съ узорчатою насѣчкою. Хотѣлось бы мнѣ, ради себя самого и ради своей искренней филантропіи, прогуляться вмѣстѣ съ царевичемъ Астольфомъ въ чудотворную лунную лабораторію; но гдѣ же бы-

ло взять иппогрифа? и потому, возвратясь къ своей разгульной толпѣ, я въ ту же минуту раздѣлся и легъ въ постель. Повременные звуки, оглушительные крики, не переставали вырываться изъ густыхъ облаковъ табачнаго дыму, и довольно долго и довольно мучительно преслѣдовали послѣднія минуты моего бдѣнія; но за всѣмъ тѣмъ, благодатный сонъ восторжествовалъ надъ всѣми стихіями сей пропивоборствовавшей сумятицы.

На другой день все мое утро протекло въ безполезныхъ сборахъ для обозрѣнія здѣшнихъ окрестностей. Каждую минуту мой задушевный хозяинъ приказывалъ сѣдлать лошадей, и каждую минуту находилъ какой нибудь новый предлогъ для отсрочки нашей поѣздки. Видя совершенную невозможность извлечь изъ него, по крайней мѣрѣ въ это утро, что нибудь путное, я рѣшился воспользоваться симъ тяжкимъ бездѣйствіемъ для посѣщенія генерала Р., прибывшаго ночью изъ Праводъ въ Девно. Трудно изобразить вамъ участіе, коимъ сей привѣтливый Генералъ почтилъ цѣль моего путешествія. Получивъ отъ него приглашеніе къ обѣду и вмѣстѣ съ онымъ *открытый ордеръ*, для оказанія моимъ розыскамъ нужныхъ пособій въ расположеніи войскъ 4-го и 5-го пѣхотныхъ кор-

пусовъ, я поспѣшилъ возвратиться къ своему полковнику, съ твердымъ намѣреніемъ склонить его наконецъ, во чтобы-то ни стало, къ совмѣстному обозрѣнію здѣшнихъ рѣдкостей. На этотъ разъ мнѣ къ счастію удалось кое-какъ посадить его на лошадь.

Прежде всего пустились мы взглянуть на древнюю мраморную *плиту*, брошенную, по словамъ полковника Е., позади здѣшняго лагеря. Галопируя въ этомъ намѣреніи, переѣхали мы быструю рѣчку Девно по каменному, довольно красивому мосту, ведущему на дорогу въ Праводы, и проскакавъ сажень 200 прямо по сему направленію, свернули попо́мъ нѣсколько вправо. Черезъ минуту небольшой полузсякшій фонтанъ предсталился вдругъ моимъ взорамъ. Довольно огромный четвероугольный камень валялся въ самомъ дѣлѣ, поверженный у его подножія. Множество дикихъ расщелій вилось по сему историческому мрамору и почти совсѣмъ покрывало его своей разноцвѣтной завѣсою. Я нетерпѣливо сорвалъ эту *паутину годовъ* и съ несказаннымъ удовольствіемъ прочелъ латинскую, какъ нельзя лучше сохранившуюся надпись съ греческимъ подъ оною переводомъ. Имѣя, какъ вы увидите, довольно достаточныя причины поручить вашему особенному вниманію открытіе столь

неожиданное, я вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность снять для васъ означенную надпись съ нѣкоторыми легкими дополненіями для удобнѣйшаго объясненія оной.

D (iis) M (anibus)
C (aius) VAL (erius) ALEXANDER VI
VVS SIBIFECIT SEPULCRUM
ET HIC SITUS EST.

Γ. ΟΥΑΛΕΡΙΟΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ ΖΩΝ
ΤΟ ΜΝΗΜΕΙΟΝ ΕΑΥΤΩ ΚΑΤΕΣΚΕΥΑΣΕΝ.

БОГАМЪ ТѢНЕЙ
КАЙ ВАЛЕРІЙ АЛЕКСАНДРЪ
СООРУДИЛЪ ВО ВРЕМЯ СВОЕЙ ЖИЗНИ
СІЮ ГРОБНИЦУ,
ВЪ КОТОРОЙ ОНЪ И ПОКОИТСЯ.

Вотъ надгробный памятникъ Римлянина, который вмѣстѣ съ множествомъ Императорскихъ и Консульскихъ медалей, открытыхъ, какъ я уже сказалъ вамъ, въ сихъ самыхъ мѣстахъ, можетъ, кажется, служить новымъ и довольно основательнымъ подкрѣпленіемъ догадокъ о тожествѣ древняго Маркіанополя съ нынѣшнимъ Девно.

Допуская возможность сего предположенія, какія чувства не пробуждаются въ сердцѣ при воспоминаніи о семъ знаменитомъ городѣ! — Римляне, Греки, Болгары, безконечность разноплеменныхъ варваровъ, и наконецъ нашъ орелъ-Свяпославъ, развиваютъ здѣсь передъ вами длинный свитокъ своей славы и доблестей, своихъ торжествъ и униженія!

Не взирая на недостатокъ историческихъ свѣденій о безсмертномъ походѣ Траяновомъ противъ Децебала, царя Дакійскаго — свѣденій, почерпнутыхъ бо́льшею частію изъ сокращеній историка Діона и встрѣчаемыхъ, между прочимъ, въ старинномъ путешествіи графа де Марсильи — вамъ безъ сомнѣнія извѣстны по крайней мѣрѣ главныя черты блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ Траяномъ надъ грозою предшественника его Домиціана. Послѣ второй и послѣдней войны, стоившей жизни неукротимому Децебалу, Траянъ украсилъ Мизію и Оракію устроеніемъ дорогъ и мостовъ, созданіемъ и возобновленіемъ городовъ, изъ числа коихъ историки въ особенности упоминаютъ о Никополисѣ или градѣ побѣды, о Плотинополѣ и наконецъ — о *Маркіанополѣ*. Два послѣднихъ названы такимъ образомъ въ честь Плотины и Маркіаны, супруги и сестры Траяно-

выхъ. Вскорѣ послѣ того Маркіанополь сдѣлался митрополіей Нижней Мизіи. Во времена Восточной Имперіи городъ сей былъ, по видимому, довольно хорошо укрѣпленъ и весьма значителенъ въ тогдашнемъ военномъ отношеніи; даже легіонамъ Римскимъ служилъ онъ надежнымъ оплотомъ и лучшимъ сборнымъ мѣстомъ въ продолженіе ихъ безконечныхъ браней съ варварами. Такъ напримѣръ, въ 377-мъ году, Императоръ Валенсъ отступивъ послѣ кровавой битвы съ Готѳами, затворился съ войскомъ своимъ въ Маркіанополѣ, за оградою коего потоки сихъ варваровъ не осмѣлились больше, по словамъ историковъ, тревожить его. Въ 679-мъ году, по окончательномъ завоеваніи Мизіи, Болгары учредили столицу основанной ими державы въ древнемъ Маркіанополѣ, и съ тѣхъ поръ городъ сей сталъ называться въ византійскихъ лѣтописяхъ великимъ Переяславомъ или Перѳлавомъ *ἡ μεγαλη Περθλαβα.* Въ 976-мъ году наконецъ, мужественный Святославъ, вооруженный Императоромъ Никифоромъ противъ Болгаръ, сроднилъ насъ, Русскихъ, съ Траяновымъ Маркіанополемъ. «Удовлетворивъ мести Грековъ» — говоритъ Карамзинъ — «богатый добычей, гордый славою, Князь россійскій началъ властвовать въ

древней Мизіи..... и жилъ весело въ Болгарскомъ Переяславцѣ. » — Пошомокъ Адамовъ, и слѣдовательно — не Жидъ, не Татаринъ, а просто-на-просто смиренный членъ всего человѣческаго семейства, я между тѣмъ самъ не понимаю, отъ чего душа моя такъ радостно вспоминала, что и русская сталь отпечаталась въ сихъ самыхъ мѣстахъ на груди Византіи, наслѣдницы громкаго, державнаго Рима, что и Кіевскіе Варвары дѣлили сокровища Кесарей на пиру народовъ, за упокой древней вселенской Монархіи.

Надъ симъ саркофагомъ стараго и колыбелью новаго міра, какъ невольны думы о неисповѣдимой цѣли Провидѣнія, смѣняющаго народъ народомъ, нравы нравами; созидающаго новыя царства на мѣстѣ тѣхъ, кои въ свое время были столько богаты гордостію, добромъ, зломъ, славою, уничиженіемъ! Къ чему всѣ эти перевороты? Къ чему, взамѣнъ ослѣпительнаго Рима, жалкая Византійская Имперія? Къ чему, напослѣдокъ, этотъ грозный, опустошительный ураганъ Варваровъ?

Хотитель знать, зачѣмъ, куда,
И изъ какой глуши далекой
Неслась ихъ бурная чреда,

Какъ лавы огненной потоки? —
Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
Къ богатымъ нивамъ и лугамъ
По вѣтру саванъ свой летучій
Мчатъ саранчи голодной тучи! —
Спросите молнію, куда она летитъ,
Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,
Зачѣмъ кочуетъ валъ ревучій! —
Такъ точно, Промысла не вѣдая путей,
Несясь полки Судьбы къ ея предназначенью:
И вотъ — изъ груди царствъ, отъ стали ихъ мечей
Воспрянулъ новый огнь — и чадъ глухихъ степей
Приблизилъ къ цѣли Провидѣнья!
Пускай ихъ тысячи о брегъ сѣдыхъ временъ,
Какъ волны шумныя разбились: —
Остатки дикихъ сихъ племенъ
Преобразили міръ, и съ нимъ преобразились!
Но что же въ томъ?..... (*)

Что въ томъ! я право не знаю, да и кто жъ это вѣдаетъ! — «Вотще» — говоритъ Г.

(*) Стихи одной изъ Оранійскихъ Элегій. *Прим. Издат.*

Кине, краснорѣчивый переводчикъ Гердера — «вотще личность Римская втянула въ себя «все, чтобы все поглотить; — посреди без- «молвія Имперіи, не обольстительной ли «мечтой, не лучемъ ли поэтическимъ ка- «жется вамъ этотъ шумъ, выходящій изъ «лѣсовъ Сѣвера, и не похожій ни на трепе- «таніе листьевъ, ни на крикъ орла, ни на «завываніе дикаго звѣря? Такимъ-то обра- «зомъ, заключенное въ предѣлахъ міра, вра- «щается безконечное, чтобы выдти изъ «оныхъ. Человѣчество обрѣтаетъ его, и «будто обезумленное, пускается въ путь, «переходя въ присутствіи нѣмой вселенной «отъ развалинъ къ развалинамъ. Это стран- «никъ торопливый, томимый скукою, да- «лекій отъ родины. Вышедъ изъ Индіи до «разсвѣта, едва отдохнулъ онъ въ сѣняхъ «вавилонскихъ, и вотъ — Вавилонъ уже со- «крушенъ имъ. Оставшись безъ пристани- «ща, онъ убѣгаетъ къ Персамъ, къ Мидя- «намъ, въ землю Египетскую. Одинъ вѣкъ, «одинъ часъ — и Пальмира, Экбатана, Мемфисъ «не существуютъ болѣе. Разрушая всегда огра- «ду его пріютившую, онъ покидаетъ Ли- «дянъ для Эллиновъ, Эллиновъ для Этрусковъ, «Этрусковъ для Римлянъ, Римлянъ для Ге- «товъ, Готовъ.... но какъ знать, что за симъ

«послѣдуетъ! Какая слѣпая поспѣшность! «Кто торопитъ его? Какъ не спрашится «онъ изнемочь до прибытія? О! если въ «древней эпопеѣ мы сопровождаемъ по мо- «рямъ бродячую судьбу Улисса вплоть до его «милаго острова, кто скажетъ намъ, когда «кончатся приключенія сего мудренаго спра- «шика, когда увидитъ онъ издали дымъ надъ «кровлями своей Итаки?»

«Поѣдемъ же, поѣдемъ дальше» — воскли- цалъ ежеминутно мой немилосердый Полков- никъ, грозя въ противномъ случаѣ выдти изъ терпѣнія и ограничить одной эпой *Латинской плитой* всѣ наши розыски. Успокоенный сколь пагубнымъ предубѣжденіемъ, я поспѣшилъ сѣсть на лошадь и мы возвратились къ пре- красному дугообразному мосту, огибающему, какъ я уже сказалъ вамъ, игривую рѣчку Дев- но. Отсюда видъ окрестностей истинно об- ворожителенъ. Прямо предъ вами на широ- кой равнинѣ бѣлѣются шатры русскаго ла- геря; вдали за ними — густая древесная ча- ща со стороны Варны; вправѣ казачьи би- ваки: блѣдно-зеленыя копны сѣна, спутанныя лошади, блистающія на солнцѣ пики, дикій дымъ надъ кострами военной трапезы; на- супротивъ—желтый редутъ съ грозными по угламъ его пушками; влѣвѣ — зеленый лугъ

и на коврѣ онаго — тысяча рѣчныхъ меандровъ, голубыхъ лентъ, съ перспективою горъ, синѣющихся издали подобно колоссальнымъ головамъ сахару. — Таковая картина можетъ, кажется, достаточно объяснить намѣреніе Святослава — перенести своихъ Скандинавскихъ боговъ въ стѣны Траянова Маркіанополя.

Переѣхавъ мостъ, мы поворотили влѣво и потомъ пустились прямо по берегу къ возвышавшимся передъ нами громадамъ. Каменныя плотины 24-хъ водяныхъ мельницъ (теперь разрушенныхъ); ропотъ и алмазное сверканье воды, перелетавшей черезъ верхи сихъ изувѣченныхъ преградъ, обратили на себя сначала все мое вниманіе. Потомъ, доѣхавъ до послѣдней изъ сихъ плотинъ, я вдругъ увидѣлъ передъ собою на легкой покатости небольшой, но прекрасный водопадъ, бѣгущій посреди пролома двухъ каменныхъ стѣнъ, поросшихъ мхомъ и осѣненныхъ ивами, тополями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Мраморная купальня, устроенная продолговатымъ усѣченнымъ пятіугольникомъ, и довольно живо напоминающая о роскошныхъ купальняхъ римскихъ, служитъ обширнымъ бассейномъ водѣ, прегражденной мельничными плотинами. Съ глухимъ однообразнымъ шумомъ, рвется она изъ переполненнаго резервуара, и пѣнясь

по мраморнымъ уступамъ его, бѣжитъ подобно клокочущему на огнѣ серебру, внизъ къ своему источнику. По увѣренію полковника Е., глубиною этотъ резервуаръ не менѣе сажени, и между тѣмъ, набѣгающая въ него вода столь прозрачна, что вы очень ясно видите мраморное дно бассейна. Увѣряютъ, что вода сія врачевала многіе тяжкіе недуги, дѣйствуя подобно минеральной на больныхъ, ввѣрявшихся ея цѣлительному могуществу. Это сказаніе должно быть не безъ нѣкотораго правдоподобія, судя по теплой температурѣ воды и пузырькамъ, вскакивающимъ на поверхности ключа, который самъ собою бьетъ почти на аршинъ вверхъ посреди одного изъ рукавовъ рѣки, не вдалекѣ отъ сего мѣста. За всѣмъ тѣмъ, въ *химизмѣ* воды, ни вкусъ, ни обоняніе не ощущаютъ частицъ минеральныхъ.

Огромныя темносинія облака потянулись вскорѣ съ вершины горъ и мѣлкій дождь пробивался порою сквозь дымчатый покровъ ихъ. Грустно качались верхи свѣтлозеленыхъ тополей надъ шумнымъ, пѣнистымъ водопадомъ, мелькавшимъ сквозь древесную чащу, подобно тѣни возлюбленной.... Мѣсто сіе какъ нельзя болѣе благопріятно для тихихъ поэтическихъ размышленій. Здѣсь, уничто-

женное жребіемъ сердце невольно стремится къ своимъ несбывшимся упованіямъ, невольно летитъ къ тайной завѣсѣ грядущаго.... Что со мной станется? гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ очутится челнокъ мой? — Странникъ бездомный! какой уголокъ пріютитъ наконецъ бродячую жизнь твою, съ кѣмъ раздѣлишь ты ея муки и радости?....— Чепуха! Еслибъ, напримѣръ, Г. Кандидъ не растерялъ своихъ Эльдорадскихъ барановъ, то ужъ конечно не удалось бы ему лакомиться, копаясь въ саду, Цареградской *халвой* и фисташками; — шакъ точно, если бы и вашъ *umilissimo servo* не гонялся кое-за какими *телятами*, то вѣроятно и онъ не имѣлъ бы удовольствія сбирать въ этой же самой Турціи древнихъ монетъ и медалей.... Кстати, о сихъ послѣднихъ.—Храбрые егеря 38-го полка, провѣдавъ о существованіи человѣка платящаго новые серебряные рубли за старыя мѣдныя полушки, не оставляли меня съ самаго упира въ покоѣ.–При видѣ подобнаго сокровища, какой нибудь Г. Ольдбукъ безъ сомнѣнія бы воскликнулъ: «*nimmi rari, rariores, etiam rarissimi!*»—и немедленно принялся бы писать страницъ по двѣнадцати на каждую уцѣлѣвшую въ медальной надписи букву; я же, не имѣющій ровно никакого любопытства знать даже и о томъ,

дѣйствительно ли Немвродъ былъ лѣвшакъ, Сезострисъ обоерукъ, Аршаксеркъ долгорукъ *et cætera* — я откровенно скажу вамъ, что купленныя мною медали (бо́льшею частію римскія) замѣчательны только въ одномъ отношеніи. — Открытыя, какъ я уже сказалъ вамъ, въ сихъ самыхъ мѣстахъ, онѣ весьма легко могли принадлежать какому нибудь Гарпагону древняго Маркіанополя.

Возвращаясь въ лагерь, мы проѣхали надъ окопами одного изъ редутовъ. Во глубинѣ онаго я замѣтилъ края двухъ или трехъ огромныхъ глиняныхъ котловъ: начало и употребленіе оныхъ осталось для меня загадкою.

Полагая, что вы весьма легко можете обойтись безъ подробностей о добромъ, вкусномъ обѣдѣ, коимъ генералъ Р. угостилъ меня, я спѣшу сказать вамъ: farewell, my dear Sir! Такъ какъ дорога отсюда до Праводъ гораздо менѣе безопасна, нежели весь путь, совершенный мною до здѣшняго мѣста, то ровно 7 Донцовъ приготовилось мнѣ сопутствовать, или находиться при мнѣ *на дежурствѣ*, какъ объявилъ старшій изъ нихъ, выпятившись передо мной подобно тонкой скрипичной квинтѣ. — Увы! я вполнѣ чувствую, вижу и постигаю сколько грѣшное письмо сіе—пестрый сборъ всякой всячины—

есть всего менѣе то, чѣмъ бы ему быть надлежало; ma che fae?—Въ самомъ началѣ онаго я изложилъ причины, препятствующія страннику занимать васъ исключительно прямою цѣлью своего путешествія; касательно же *всякой всячины* — вамъ извѣстно, что мой умъ былъ всегда, подобно Стернову, какимъ-то странствующимъ рыцаремъ, коему плоть моя служила только смиреннымъ оруженосцемъ. «Сія послѣдняя бывала столь сильно изнурена рысканьемъ и вѣтреными мельницами своего повелителя, что весьма часто она желала уволиться отъ службы, восклицая подобно собрату своему Санхѣ: блаженъ кто изобрѣлъ сонъ!» — Мнѣ добрый путь, а вамъ добрый вечеръ — *Vale.*

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Ему же.

Праводы, 30-го Апрѣля.

«Одинаковыя качества» — говоритъ какой-то современный писатель — «не требуются въ равной степени отъ всѣхъ путешественниковъ. Одинъ—неустрашимый плаватель — борется съ волнами, вѣтрами и льдинами полюса; другой, записной ученый, разсматриваетъ природу и человѣка: съ него спрашивается новость мыслей, глубина замѣчаній и проч., и проч. Есть путешественники, коихъ все достоинство заключается въ странности приключеній; другіе обворожаютъ васъ остротою ума; иные пробуждаютъ въ сердцѣ симпатію сладкой чувствительности.» — Какъ вы полагаете, въ которую изъ сихъ категорій попалъ бы напримѣръ, Авторъ настоящаго и пре-

дыдущихъ посланій? Искренній человѣкъ сей готовъ отъ души сознаться въ своей дерзости: угощать васъ всѣмъ, что ему только видится, слышится, мыслится, воображается — и даже безъ всякихъ заботъ о вашей эстетической щекотливости. Впрочемъ, скажите, о чемъ бы вы сами на его мѣстѣ разсказывали? — О нравахъ, обычаяхъ — но они исчезли, вмѣстѣ съ людьми, вмѣстѣ съ волами, ослами и ихъ обителями; о памятникахъ древности — но ихъ такъ мало, что все, достойное какого нибудь вниманія, сообщено вамъ и даже съ презбыткомъ подробностей; Геологія, Ботаника — но кто вмѣстѣ съ разсудительнымъ Левекомъ не сознается въ безуміи толковать о томъ, что не совсѣмъ хорошо постигаешь! Притомъ же, сомнѣваюсь, что бы самыхъ Кювье, Блуменбаховъ, Гумбольдтовъ достало на замѣчанія о *слояхъ земли*, *о географіи произрастеній*, въ странѣ, гдѣ очень часто «*деревья сыплютъ стрѣлы*,» и гдѣ почти каждый оврагъ грозитъ неосторожному мѣткой оттоманскою пулею. Живописная природа — вотъ это другое дѣло! — но, по сходству картинъ, едвали и въ семъ случаѣ можно чѣмъ либо услужить вамъ, кромѣ однообразнаго повторенія очерковъ, рисуемыхъ со времени моего отъ-

ѣзда изъ Варны. За всѣмъ тѣмъ — *proveremo lo, Signore!*

Крупный дождь встрѣтилъ насъ при самомъ выѣздѣ изъ Девно. — «Куда бы хорошо воротиться!» — сказалъ товарищу одинъ изъ моихъ оруженосцевъ. — «Какъ, негодяй! не ужели ты сдѣланъ изъ сахару?» — возразилъ этотъ. Я усмѣхнулся, надѣлъ плащъ и прихлыстнулъ своего Буцефала. — За песчаной равниной, усѣянной шатрами Девинскаго лагеря, развивается вновь живописная смѣсь утесовъ, горныхъ ключей и яркой, цвѣтущей зелени. Двѣ небольшія рѣчки: Девно и Правода сливаются другъ съ другомъ не подалеку отъ Эски-Арнаутлара — узла дорогъ Козлуджинской, Шумлевской, Варнской, Праводской, Базарджикской и слѣдовательно — едва ли не важнѣйшаго военнаго пункта при настоящемъ расположеніи нашей арміи. Эски-Арнаутларское селеніе исчезло подобно всѣмъ, кои существовали нѣкогда на пути моемъ до сего послѣдняго. Мѣсто онаго занято теперь лагеремъ трехъ или четырехъ полковъ русской пѣхоты. Цѣлыя тысячи шатровъ бѣлѣются передъ вами, подобно опрятнымъ малороссійскимъ *мазанкамъ*, въ густотѣ небольшихъ рощей, прекрасныхъ, подобно садамъ Армидинымъ. Крутой и глубокій оврагъ

опоясываетъ сей подвижной городъ со стороны Юго-Запада. На краю онаго разсѣяны ряды маркитантскихъ палатокъ, окруженныхъ пестротой и сумятицей какой-нибудь сельской ярмарки, между тѣмъ, какъ сосѣдніе съ ними казачьи биваки, поражаютъ васъ Вернетовскимъ разнообразіемъ лицъ и предметовъ. Здѣсь должно мнѣ было смѣшить своихъ Девненскихъ казаковъ: а потому, я принужденъ былъ тащиться къ палаткѣ какого-то командира, безъ позволенія коего самыя лошади не осмѣлились бы, по выраженію сихъ *автоматовъ*, дальше везти меня. На сей конецъ мы углубились въ чащу высокаго кустарника и долго ѣхали посреди хаоса безчисленныхъ палатокъ, артиллерійскихъ ящиковъ, барабановъ, пушекъ, ружей съ разставленными симметрически штыками, и пестрой толпы солдатъ, мелькавшихъ подобно героямъ шестой, кажется, пѣсни Энеиды, въ зеленой мглѣ сего новаго Элизія. Вскорѣ потомъ, мѣлкая, полубожеская фигура выступила ко мнѣ на встрѣчу, отыскавшая во глубинѣ одной палатки, близъ коей казаки осипановили вдругъ лошадей своихъ. Сухимъ, диктаторскимъ тономъ, подобно Самуилу, вызванному изъ гроба заклинаніями Аендорской очаровательницы, доспопочтен-

ная фигура сія спросила: чего мнѣ отъ нея хочется? и взглянувъ искоса на поданную ей отъ генерала Р. бумагу, весьма отрывисто промолвила: «А! вы вѣрно какой нибудь отставной офицеръ: извольте *слѣдовать* въ Праводы!» Вопще, опираясь на свою *миссію*, пытался я кое-что развѣдать объ остаткахъ древности, попадавшихся можетъ быть и здѣсь при устроеніи нашихъ редутовъ — роковое: «извольте *слѣдовать* въ Праводы» — было, какъ вы *изволите* видѣть, единымъ и довольно лаконическимъ отвѣтомъ моего оракула. Убѣжденному въ совершенной невозможности добиться тутъ какого-нибудь толку, мнѣ конечно больше ничего не оставалось дѣлать, какъ только прекратить конференцію смиренной мольбой о смѣнѣ моего Девишпскаго конвоя. На оную имѣлъ я честь получить въ отвѣтъ любопытное извѣстіе, что по сосѣдству главныхъ непріятельскихъ силъ, цѣлый баталіонъ съ двумя орудіями провожаетъ военные обозы и тягости отсюда до Праводскихъ укрѣпленій; что баталіонъ сей выступилъ тому назадъ съ полчаса изъ Эски-Арнаутлара, и что слѣдовательно я еще успѣю нагнать его, взявъ между тѣмъ, если хочу, изъ лагеря трехъ или четырехъ казаковъ, которые гоповы сопровождать ме-

ия. Я поклонился, прорицалище мое также, и съ неизбѣжнымъ: «извольте слѣдовать въ Праводы» — скрылось отъ глазъ моихъ. *Свѣжіе* Донцы были уже въ самомъ дѣлѣ готовы; а потому, заключа промежду ногъ также *свѣжаго* Златогрива, я пустился легкой, архіерейской рысцою впередъ, спѣша соединиться съ предсказаннымъ мнѣ конвойнымъ баталіономъ.

Отсюда дорога тянется почно такъ же, какъ отъ Гебеджи до Девно между параллели высокихъ горъ, съ тою только разницею, что по мѣрѣ вашего приближенія къ Праводамъ, стремнины ихъ становятся на каждомъ шагу диче, угрюмѣе и колоссальнѣе. Нѣжныя, свѣтлозеленыя кудри растеній, разсыпанныя по скату громадъ Гебеджинскихъ, принимаютъ на хребтѣ здѣшнихъ темный, величавый колоритъ этой грозной суровости, коей *окаменѣлые Гиганты* кавказскіе поражаютъ взоръ вашъ. Черпота глубокихъ пучинъ, обрывистая крутизна перпендикулярныхъ утесовъ, Оссіановскій шумъ горныхъ источниковъ—все, все, кромѣ совершенной разницы пропорцій, переноситъ мечты ваши туда,

«Гдѣ пасмурный Бешту, властитель пятиглавый»

княжитъ надъ окружающими его колоссами.

Полагая себя здѣсь на крайней вершинѣ громадъ Балканскихъ, завоеванныхъ до сихъ поръ нашимъ оружіемъ, я не считаю за лишнее бросить бѣглый, мимолетный взглядъ на любопытныя замѣчанія геодезовъ о великолѣпныхъ, и къ сожалѣнію, столь еще мало извѣстныхъ горахъ нынѣшней Болгаріи.

Цѣпь древняго Гемуса, турецкаго Балкана, или Эмине-Дага, почти во всемъ ея протяженіи параллельна съ Дунаемъ, протекающимъ отъ оной въ разстояніи около 80-ти нашихъ верстъ. Направляясь изъ верхней Македоніи, средоточнаго узла своего, прямо къ Востоку, главная отрасль сихъ горъ отдѣляетъ Болгарію отъ Румиліи, опоясываетъ Черное море своими крутыми утесами и рядами мѣлкихъ холмовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Спиранджеи, тянется къ Константинополю и къ Дарданелламъ. Мальтё-Брюнъ сознается въ невозможности описать съ надлежащею точностію бо́льшую часть здѣшнихъ колоссовъ. «Древніе»—говоритъ онъ—«сравниваютъ Гемусъ съ Альпами, но подъ симъ названіемъ разумѣли они всѣ цѣпи горъ, кои отдѣляютъ теченіе Дунайскихъ и Адріатическихъ водъ отъ рѣкъ, впадающихъ въ Архипелагъ. Въ такомъ смыслѣ и Птолемей означаетъ направленіе Гемуса отъ Юго-Запада къ Сѣве-

ро-Востоку.» По мнѣнію новѣйшихъ географовъ, Балканы не выше горъ Аппенинскихъ; вершины оныхъ не возносятся до линіи снѣговъ, и слѣдовательно, не превышаютъ 8,000 французскихъ футовъ (около 1,200 нашихъ саженъ). Справонъ упрекаетъ Полибія въ томъ, что сей послѣдній допускаетъ возможность видѣть съ вершины Гемуса берега обоихъ морей, ибо кромѣ значительнаго разстоянія сей цѣпи горъ отъ береговъ Адріатическихъ, множество другихъ препятствій, находящихся въ семъ промежуткѣ, уничтожаютъ вполнѣ таковое предположеніе. Но Полибій писалъ, по словамъ одного изъ безчисленныхъ комментаторовъ Справона, основываясь на общемъ мнѣніи своихъ современниковъ. Извѣстно даже, что Филиппъ II, царь Македонскій, всходилъ на вершину Гемуса нарочно для повѣрки сего народнаго мнѣнія, и возвратясь оттуда, нисколько не опровергнулъ онаго, гораздо меньше по убѣжденію, какъ замѣчаетъ Титъ-Ливій, нежели изъ боязни—видѣть предметомъ посмѣянія свою трудную и безуспѣшную попытку. «*Nihil vulgatæ opinioni, digressi inde detraxerunt; magis credo, ne vanitas itineris ludibrio esset, quàm quod diversa inter se maria..... conspici potuerant.*» (*Tit. Liv., lib. XL, cap.* 22.)

Геологія и Ботаника здѣшнихъ горъ ожидаютъ конечно истолкователей подобныхъ Раймондамъ, Соссюрамъ, Жюссьё, чтобы обогатить сокровищницу естественныхъ наукъ своими важными и столь еще мало извѣстными рѣдкостями. Варварство жителей и другія мѣстныя помѣхи препятствовали до сихъ поръ новѣйшимъ путешественникамъ пролить нѣкоторый свѣтъ на сіи любопытные предметы. Всѣ свѣденія геологовъ о внутренности Гемуса ограничиваются намеками на изобиліе желѣзныхъ рудъ. Тамъ-и-сямъ груды слюдистыхъ, шальковыхъ и гранитныхъ скалъ обозначены также мимоходомъ въ нѣкоторыхъ путешествіяхъ. Мальтъ-Брюнъ увѣряетъ, что металлы драгоцѣнные были нѣкогда находимы въ разныхъ частяхъ сей цѣпи горъ, замѣчая однако, что извлекались оные изъ шпуфа золотоносной и серебоносной мѣди. Увы, caro amico! оглашенный въ тайнахъ Естествознанія, и между тѣмъ, обнимающій *умозрительно* гармоническую совокупность природы, я, подобно пѣвцу Новалису, могъ въ это время проникать только мыслями въ сокровенную глубину нашего шара. Послѣ столь откровеннаго признанія, нужно ли и говорить вамъ, что посреди здѣшней многообразной распинательности мнѣ посчастливилось рас-

познать только знакомыя семьи липъ, дубовъ, вязовъ, исполинскихъ орѣшниковъ и мшистыхъ, косматыхъ буковъ, перемѣшанныхъ съ цвѣтущими яблонями, грушевыми, вишневыми и абрикосовыми деревьями. Говорятъ, что громады балканскія изобилуютъ различными родами звѣрей и дичи. Тамъ, по словамъ оставшихся въ Варнѣ жителей, быстроногая лань скачетъ средь лабиринта крутыхъ утесовъ, свирѣпый вепрь, медвѣдь, толпы лисицъ и рысей блуждаютъ въ густотѣ дремучаго лѣса. Увѣряютъ также, что табуны дикихъ коней бродятъ свободно посреди здѣшнихъ стремнинъ, оглашаемыхъ крикомъ орловъ, коихъ перья служили нѣкогда турецкимъ Амурамъ для окриленія стрѣлъ ихъ и цѣнились туземцами чрезвычайно дорого. Если армія наша не можетъ похвалиться русскими Андреосси, Монжами и Денонами, то будемъ надѣяться, что нынѣшняя брань обогатитъ по крайней мѣрѣ военную географію собраніемъ точныхъ и ясныхъ свѣденій о расположеніи здѣшнихъ горъ, чертимыхъ бо̀льшею частію на обумъ и связываемыхъ цѣпью возвышеній гадательныхъ, кои до сихъ поръ пестрѣли въ нашихъ топографическихъ картахъ. Изъ числа всѣхъ военныхъ опустошеній, я въ это время сердечно тосковалъ объ од-

номъ только отсутствіи мирныхъ жителей, этихъ Добруджійскихъ Татаръ (Ораковъ и Орумбетовъ), столь добрыхъ, столь гостепріимныхъ, по словамъ нѣкоторыхъ изъ моихъ предшественниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, было о чемъ тосковать: густой туманъ катился по темнозеленному скату горъ, небо чернѣло часъ отъ-часу болѣе, проклятый дождь стучалъ и усиливался!

Верстахъ въ трехъ отъ Эски-Аркаутлара нагнали мы обѣтованный баталіонъ и около получаса ѣхали нога за-ногу подъ его прикрытіемъ. Наскучивъ попо̀мъ столь погребальнымъ шествіемъ и еще болѣе порывами разыгравшейся бури, я пустился съ моими казаками впередъ, и черезъ нѣсколько минутъ штыки конвойной пѣхоты скрылись отъ глазъ моихъ. Торжественные раскаты грома повторялись безпрерывно отголосками близкихъ и далекихъ утесовъ. Огромные балканскіе орлы плавали въ хаосѣ клубившихся тучь; змѣистая молнія золотила ежеминутно ихъ широкія крылья, и пробѣгала огненной струею по скату горъ, на вершинѣ коихъ темныя, зыбучія облака громоздились подобно другимъ, сброшеннымъ съ неба утесамъ. Я бы конечно могъ вмѣстѣ съ Байрономъ сравнить порывы этой бури съ пламеннымъ взоромъ

какой нибудь черноокой субретки, или даже графини, ея сладострастной боярыни; но если очеркъ этой грозы покажется вамъ хотя сколько нибудь порядочнымъ, то будьте увѣрены, что подлинникъ былъ мнѣ въ это время вовсе не по сердцу. Ревучій, проливной дождь не оставилъ на мнѣ ни одной сухой нитки, и потому, я всего болѣе восхищался тѣмъ, что порывы здѣшнихъ бурь столь же прекрасны, сколько не продолжительны. Въ самомъ дѣлѣ, менѣе нежели черезъ полчаса, небо совсѣмъ прояснилось; благодатное солнце блеснуло подобно огромному золотому щиту надъ зеленой пеленою долины, надъ гранитомъ обнаженныхъ утесовъ, надъ пѣнистой влагою горныхъ источниковъ. Замѣчу мимоходомъ волшебную игру его надъ изумрудомъ древесныхъ листьевъ, освѣженныхъ дождемъ, отягченныхъ его бриліантовыми каплями. День склонялся уже совсѣмъ къ западу, когда свернувшая нѣсколько вправо дорога, привела насъ къ эллипсису довольно широкой равнины. На краю оной параллель зеленѣющихся горъ снова сжимается, и узкая извилистая тропа тянется каменистой тѣснины къ Праводамъ, загороженнымъ грудами голыхъ, выдавшихся впередъ утесовъ.

Что за диво! моя глубина душевная, какъ

будто прояснилась вмѣстѣ съ погодою; оживленная грудь моя не могла надышаться воздухомъ благодатнаго Юга. Неужели въ эпѣ минуты она въ самомъ дѣлѣ ощущала біенье своего прежняго, простаго, свободнаго, созданнаго для безпредѣльной любви сердца? — Желчь души, ожесточенной людскою несправедливостію, горечь бывшія попраннаго, отвращеннаго отъ цѣли при самомъ его развитіи.... «но небо, земля и море!» кому какое дѣло до нашего душевнаго праура? да и что назовете вы *цѣлью* человѣческаго существованія? Не та ли же самая *цѣль* влекла Александра къ завоеванію міра, которая заключила Діогена во глубину цинической бочки? За Иліадою глупостей слѣдуетъ Іереміада раскаянія. Перспектива бездѣйствія возбуждаетъ конечно всю нашу дѣятельность: и потому, не въ концѣ ли трудовъ, не за гранью ли бывшія, не въ этомъ ли сладкомъ, неоконченомъ бездѣйствіи заключается главная *цѣль* земной жизни? — Укрытый отъ непогодъ, огражденный отъ голода, зачѣмъ, пока еще было время, не столкнулся я съ этой разительной истиной!

Хижина, миромъ хранимая,
Садъ надъ лазурью морской

и—если вѣрить изреченію древней мудрости, что для совершеннаго одиночества, надобно быть богомъ, или скотомъ безсловеснымъ—но ужъ конечно не Margoton, Fanchette et Lison (этѣ по крайней мѣрѣ годятся для *особыхъ* при какомъ нибудь Аристипповомъ дитяткѣ *порученій*); но damn your *blue stockings!* Au diable vos marquises de *Pretintaille*, les *dames* du *Haut-Manoir!* Zum Teufel существа, подобныя Фаустовой Gretchen (dieses schmeckt nach Kartoffeln, Viehhof und Butterbrod). Къ черту наконецъ ваши Гюльнары и Лодоиски! (мой умъ право не поспѣваетъ духовной, выспренней связи *положительнаго* съ *отрицательнымъ*); но, если вѣрить, говорю я, что человѣкъ долженъ непремѣнно соединить свою жизнь съ какой нибудь другой жизнію; что самая мысль его имѣетъ нужду въ сладкомъ союзѣ для принесенія плодовъ драгоцѣнныхъ, то

...cette ame, sœur de mon ame—

вотъ, какъ честный и добросовѣстный дворянинъ, вотъ полюсъ, къ коему всегда бы должествовала спремиться моя магнитная стрѣлка! Общество такъ дорого цѣнитъ свои товары; но еслибы, какъ замѣчаетъ Мапюренъ, мы владѣли способностью хромаго бѣса: сры-

вать крыши домовъ и проникать въ ихъ внутренность..... «Общія мѣста!» — Конечно! — и потому, не угодноли заключить въ скобки все это длинное отступленіе и вѣрить, что отнюдь не забавляясь посреди здѣшнихъ скалъ анализомъ нашей планеты,

Природы сынъ, въ сей мигъ я былъ
Всему созданью нѣжнымъ братомъ. (*)

О! кляпусь вамъ, что въ этотъ мигъ упоенная душа моя больше нежели когда нибудь чувствовала, что безъ всякаго парадоксальнаго обезьянства,

Я радъ пестись глумящими зыбями;
Скитаться радъ въ кибиткѣ кочевой;
Мнѣ душно жить за пышными стѣнами,
Люблю шатеръ, люблю челнокъ простой. (*)

Полный какой-то дикой, кипящей независимости, я поминутно считалъ шпорами ребра

(*) Стихи одной изъ *Оракійскихъ Элегій. Прим. Издат.*

(*) Абидосская невѣста. Переводъ Г. Козлова. *Прим. Издат.*

бѣднаго коня своего и въ порывахъ истинно ребяческой радости запѣялъ — что бы вы думали? — скачку съ однимъ изъ конвойныхъ Донцовъ своихъ. Приготовясь исполнить мое желаніе, онъ между прочимъ замѣтилъ, что лошадь моя — плѣнная турецкая, и что въ слѣдствіе сего, я безъ сомнѣнія оставлю его далеко за собою. Въ самомъ дѣлѣ, едва мой скакунъ почувствовалъ опущенные поводья — и вотъ, удила ихъ уже покрылись бѣлоснѣжною пѣною. Онъ вздрогнулъ — и подобно своему праотцу, неукротимому коню Іова, полетѣлъ, *пожирая пространство*. Топотъ копытъ его какъ будто скандовалъ гармоническіе стихи:

Въ часъ зноя и жажды скакалъ онъ со мной
Ко древу прохлады, къ струѣ ключевой.....
. . . . . .
. . . . . .
Мой вѣрный сорашникъ въ бою и трудахъ,
Онъ бодрый, при первыхъ денницы лучахъ,
Стрѣлою, покоренъ велѣнію длани,
Леталъ на свиданье любови и брани.

Восторгъ, пробуждаемый бѣгомъ коня посреди пустынь аравійскихъ — этотъ невыразимый

восторгъ, о коемъ одинъ молодой Французскій ренегатъ разсказывалъ Шатобріану — воспламенилъ и переполнилъ грудь мою. «Какой вздоръ!» — воскликните безъ сомнѣнія вы, украшеніе образованнаго общества. — Согласенъ, согласенъ, почтенный Аристархъ мой! и между тѣмъ, умоляю васъ быть хотя нѣсколько снисходительнѣе этого милаго Нѣмца, который, если припомните, набрелъ въ одной арабской кассидѣ на восточное изображеніе скакуна бедуинскаго, и по прочтеніи оной, весьма энергически объявилъ: что онъ отъ души предпочитаетъ смиреннаго верблюда Тарафскаго пламенному коню Пегасу. За всѣмъ тѣмъ, Казакъ мой оставался сзади по-крайней мѣрѣ на цѣлую сотню сажень.

Уже со всѣмъ смеркалось, когда мы остановились подъ пушками Праводскихъ укрѣпленій, и потому были не безъ труда впущены въ городъ здѣшними передовыми караулами. Своимъ расположеніемъ Праводы живо напомнили мнѣ романтическій Пятигорскъ: городокъ сей точно такъже разсѣянъ между двухъ высокихъ, *унизанныхъ зеленымъ бисеромъ* горъ. Однимъ изъ первыхъ предметовъ, представившихся глазамъ моимъ, была полуразрушенная мечеть съ обезглавленнымъ минаретомъ, возвышающимся надъ массой бѣ-

лыхъ Турецкихъ домиковъ. Все это смотрится въ широкое зеркало рѣки, коею русскіе инженеры наводнили окрестность для защищенія Сѣверо-Восточной стороны города. Далѣе за симъ разливомъ, еще шесть мечетей, расположенныхъ полукругомъ, возносятся надъ черепичными кровлями строеній, изъ коихъ многіе лежатъ въ развалинахъ. Всѣ сіи предметы представились глазамъ моимъ сквозь полупрозрачную дымку вечера, при тускломъ сіяніи мѣсяца, подобно блѣднымъ очеркомъ картины, подмалеванныхъ первоначальными красками.

Я приказалъ вести себя къ квартирѣ генерала П., начальника расположенной здѣсь дивизіи, и вскорѣ потомъ спрыгнулъ съ коня у воротъ его. Вошедъ въ комнату, вы бы въ первый мигъ, подобно мнѣ, вспомнили о какой нибудь петербургской гостиной. Бѣдная турецкая хатка не представляла конечно ни варяжскихъ Корниѣ, ни гордой столичной пышности; но убійственный вистъ, одно изъ *эстетическихъ* наслажденій Петрополя, развернулся передо мной во всей своей роскоши. Какой немилосердый толчокъ мечтамъ, окрыленнымъ конечно не предчувствіемъ *вис-та*, посреди здѣшнихъ миѳологическихъ стремнинъ и обломковъ! За всѣмъ тѣмъ,

генералъ Н. принялъ меня довольно мило, но до крайности удивилъ вопросомъ: очень ли былъ я напуганъ землетрясеніемъ, коего нѣсколько ударовъ едва совсѣмъ не разстроило около вечера игры ихъ? — Я можетъ быпь въ это время скакалъ, и попюму ничего на пути своемъ не замѣтилъ. Не даромъ же настигшая меня гроза была такъ прекрасна! Генералъ пригласилъ меня остановиться въ его собственной квартирѣ; но путъ одинъ изъ игроковъ объявилъ, что у него мнѣ будетъ гораздо просторнѣе, и въ слѣдствіе того, просилъ сдѣлать въ ту же минуту честь его обители. Этотъ благодѣтельный смертный разогрѣлъ мою душу кипяткомъ такого душистаго чаю, какого я не пивалъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ разстался съ вашими митрополіями; попюмъ, накрытое буркою сѣно — теплая, мягкая постель, приняла утомленную плоть мою и, вмѣстѣ съ деревенской опрятностью комнатки, показалась мнѣ именно тѣмъ, что Эпикурейцы британскіе зовутъ: *comfortable*.

На другой день посѣтилъ я генерала К., столь извѣстнаго своими военными подвигами во время прошлогодней кампаніи. Трудно изобразить вамъ радушный пріемъ и рѣдкое, благородное участіе, коими сей храбрый воинъ

почтилъ цѣль моего путешествія. Такъ какъ генералъ К. начальствовалъ въ Праводахъ почти съ самаго покоренія сего мѣста, то всѣ инженерныя поправки и возобновленія были произведены подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. За всѣмъ тѣмъ, онъ увѣрилъ меня, что кромѣ двухъ монетъ Восточной Имперіи, ничего древняго не было при семъ случаѣ найдено. Взамѣнъ сего онъ предложилъ мнѣ взглянуть на укрѣпленія, вѣнчающія стремнины здѣшнихъ горъ, весьма и весьма любопытныхъ въ геологическомъ отношеніи. На сей конецъ двѣ верховыхъ лошади были въ минуту осѣданы, и мы пустились странствовать.

Выѣхавъ изъ города черезъ Варнскія ворота, мы поскакали къ ближайшей восточной горѣ, отдѣляющей Праводы отъ деревни Дизъ-Даркіои. Вершина сей горы можетъ возвышаться до 700 футовъ; крутизна оной принудила насъ сойти съ лошадей почти на половинѣ дороги. Прямо надъ своей головою увидѣлъ я старое кладбище поросшее мхомъ, усѣянное дикими надгробными камнями. Тамъ-и-сямъ замѣтны еще остатки надписей. Азіятская крючковатость буквъ заставляетъ думать, что памятники сіи покрываютъ тѣла мусульманскія: а потому — Великій Пророкъ да усладитъ не археологическія души ихъ всѣми ла-

скими божественныхъ Гурій! Почти надъ симъ самымъ кладбищемъ, на сѣверной вершинѣ горы устроенъ, для защищенія оной, редутъ, охраняемый сотнею воиновъ и тремя орудіями. Природа въ свою очередь способствовала какъ нельзя болѣе укрѣпленію сего мѣста. Въ разстояніи около 50-ти сажень отъ онаго возвышаются развалины стараго греческаго монастыря, кои переведенный Гаммеромъ Гаджи-Халфа называетъ, Богъ вѣдаетъ почему, развалинами замковъ (*Ruinen eines Schlosses*). Нужно ли говорить, что во времена Византійской Имперіи, бури государственныхъ волненій, распри религіозныя и безпрестанныя грабежи и разбои, были виною сооруженія многихъ монастырей, возникшихъ на гребнѣ высотъ неприступныхъ. Около 24-хъ обителей возвышалось, по словамъ Вильмена, даже въ срединѣ 16 го столѣтія между ущельями горъ и зубцами утесовъ. Впрочемъ, и безъ подобныхъ доводовъ, замокъ Гаджи-Халфы долженъ превратиться въ остатки старой византійской обители именно потому, что часть высокой стѣны, возносящейся огромной аркою надъ грудами здѣшнихъ развалинъ, еще хранитъ явныя черты иконъ, писанныхъ по штукатуркѣ. Не вдалекѣ отъ сего мѣста возвышается другая стѣна

надъ самымъ обрывомъ горы, подъ навѣсомъ дикихъ каменистыхъ утесовъ. Посреди оной находится продолговатое четыреугольное отверстіе, изъ коего перспектива нагихъ, зеленыхъ, остроугольныхъ скалъ, представляется со всѣхъ сторонъ вашимъ взорамъ. Желая полюбоваться окрестностями, мы вскарабкались на самую вершину горы и остановились надъ однимъ изъ угловъ означеннаго отверстія. Здѣсь генералъ К. присѣлъ на груду оторвавшихся отъ скалы каменьевъ и разсказалъ мнѣ о разрушеніи сего монастыря слѣдующее, слышанное имъ отъ самихъ жителей преданіе.

..... Переступивъ за Балканъ, Турки между прочимъ, овладѣли Праводами. Разсѣянные жители скрылись на вершины сосѣднихъ скалъ и укрѣпились въ монастырѣ Дизъ-Даркіойскомъ. Длинный и широкій оврагъ, отдѣляющій сей монастырь отъ остальной части горы, защищенной кромѣ того неприступными утесами, уничтожалъ всѣ покушенія Турокъ овладѣть оною. Огражденные такимъ образомъ, Византійцы долго и мужественно отражали непріятеля; но наконецъ—съѣстные запасы ихъ истощились. Томимые голодомъ, рѣшились они отпрядить скрытно нѣсколько человѣкъ своихъ сограждан въ го-

родъ, для добычи продовольствія. Одинъ изъ сихъ посланныхъ передался врагамъ и объяснилъ имъ крайность и покушенія своихъ соотечественниковъ. Воспользовавшись этой измѣною, Турки поспѣшили наполнить хлѣбныя корзины осажденныхъ своими воинами и навьючивъ оными византійскихъ муловъ, проникли съ помощію переметчиковъ въ монастырь Дизъ-Даркіойскій. Тамъ, съ наступленіемъ ночи, напали они врасплохъ на осажденныхъ и истребили всѣхъ до послѣдняго.

Хотя историки не излагаютъ нигдѣ этихъ подробностей; но не взирая на то, сія трагическая легенда ни сколько не противорѣчитъ лѣтописямъ. Гаджи-Халфа говоритъ, что *замокъ* Праводской покоренъ Ихъябегомъ, сыномъ Тимурташа Паши, одного изъ Эмировъ Амуратовыхъ въ 789 году эгиры, что относится къ 1414-му году нашего лѣтосчисленія. Замѣчу мимоходомъ только то, что хронологія Гаджи-Халфы или его ученаго переводчика не вѣрна по крайней мѣрѣ 10-ю или 15-ю годами: ибо извѣстно, что Амуратъ II-й наслѣдовалъ брату своему Магомету только въ 1422-мъ году по Р. Х. Впрочемъ, какъ бы ни было — вотъ вамъ это же самое преданіе, *поэтизированное* туземными романистами.

Будучи вполнѣ согласны съ хроникою въ томъ, что Византійцы, осажденные Турками въ монастырѣ Дизъ-Даркіойскомъ, отправили своихъ посланныхъ въ городъ для добычи продовольствія, гг. Праводскіе романтики повѣствуютъ, что къ этой депутаціи присоединилась дочь главнаго военачальника осажденныхъ. Пораженная красотой одного изъ невѣрныхъ, она скрыла подъ бранными доспѣхами свои собственныя прелести, и переряженная такимъ образомъ, отправилась въ городъ съ византійскими депутатами. Потомъ проникла она въ станъ оттоманскій, и открывъ своему возлюбленному предпріятіе осажденныхъ, умоляла его воспользоваться случаемъ для побѣга вмѣстѣ съ нею въ монастырь Дизъ-Даркіойскій. Само собой разумѣется, что этотъ второй томъ Байроновой Франчески надѣялся прежде всего окрестить невѣрнаго. Обманувъ ложными клятвами свою легкомысленную любовницу, коварный Турокъ воспользовался ея тайною и возобновилъ сказаніе Омира о деревянномъ конѣ Улиссовомъ. Предшествуемый злополучной красавицей, онъ помѣстилъ своихъ воиновъ въ хлѣбныя корзины Византійцевъ, и съ наступленіемъ ночи со всѣхъ сторонъ ударилъ на осажденныхъ. Овладѣвъ монасты-

ремъ, Турки предали мечу и пламени все, что до тѣхъ поръ имъ попадалось.

«Вотъ» — скажете вы — «знаменитая канва для какой нибудь стихотворной повѣсти!» — Право? — Но кто же въ 1829-мъ году читаетъ эти *сантиментальныя* плоскости! — «Для романтической драмы?» — Еще менѣе. — «Для *оракійской элегіи*, наконецъ?» — Eh! Dio so, caro Signiore, т. е. Богъ знаетъ, что выйдетъ изъ нѣсколькихъ бѣглыхъ узоровъ, кои уже пестрѣются на сей полубогатой канвѣ; за всѣмъ тѣмъ, обѣщаю вамъ, если жаръ метроманіи продолжится, поломать голову надъ этой *патетическою* легендою.

Оставивъ развалины монастыря, мы пустились далѣе по направленію къ Востоку. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ оныхъ, я замѣтилъ на скатѣ горы множество пещеръ, изъ коихъ нѣкоторыя были тогда же мною осмотрѣны. Своды оныхъ составленные, если не ошибаюсь, изъ отвердѣлаго мергеля, сохранили, по видимому, отпечатокъ волнъ, и будучи усѣяны безчисленнымъ множествомъ окаменѣлыхъ раковинъ, приросшихъ, или лучше сказать, слившихся съ ихъ массою, заставляютъ думать обо всемъ этомъ то же самое, что знаменитый Соссюръ думалъ

о пещерахъ, замѣченныхъ имъ посреди Апенпискихъ скалъ, близъ береговъ Генуэзскихъ: т. е., что напоры морскихъ валовъ выкопали пещеры сіи. Эти признаки — а не бредъ о какихъ-то желѣзныхъ кольцахъ, въ коихъ жители думаютъ, по словамъ Гаджи-Халфы, видѣть огромныя прицѣпки кораблей, стоявшихъ нѣкогда въ гавани на вершинѣ здѣшнихъ утесовъ—эти и подобные признаки, говорю я, способны безъ сомнѣнія возбудить и напепическую мысль, что узкое пространство между параллели горъ, посреди коихъ лежатъ Праводы, могло быть нѣкогда проливомъ, подобнымъ Воспорскому. Сколько важныхъ открытій обогатило бы вѣроятно геологію, если бы какой нибудь Соссюръ заглянулъ въ утробу здѣшнихъ утесовъ! Знаменитый Кювье открылъ бы тамъ можетъ быть еще нѣсколько медалей естественной исторіи въ остаткахъ древняго, живаго міра, угаснаго посреди мучительныхъ судорогъ міра неорганическаго! Я, съ своей стороны, былъ принужденъ ограничиться, касательно всѣхъ сихъ предметовъ, мнѣніемъ ученаго Камерарія, а именно: что милліоны этѣхъ раковинъ, изъ коихъ пары при сдѣлались моею добычею, были созданы Всемогущимъ точно въ такомъ положеніи, въ какомъ я нашелъ ихъ, — подобно развалинамъ хра-

мовъ, созидаемыхъ посреди какого-нибудь англійскаго парка, ради удовольствія любопытныхъ. Не дивитесь, любезный другъ, бездонной глубинѣ моего невѣжества. Удостойте сказать постигаете ли вы сами, или кто совершенно хорошо постигаетъ, какимъ образомъ

La mer de l'Amérique a marché vers le Phase;
Les huîtres d'Angleterre ont formé le Caucase?

Продолжая путь свой по вершинѣ горы, я жадно любовался картинными ужасами природы, кои на каждомъ шагу поражали взоръ мой. Дикіе, нагіе, раздробленные утесы, представлялись мнѣ во всей странности фантастическихъ формъ своихъ. Яркая зелень кустарника, прерываемая глубокими рытвинами, рѣзко отдѣлялась отъ пасмурной черноты пучинъ, зіявшихъ со всѣхъ сторонъ предо мною. Часъ обѣда пробилъ гораздо прежде, нежели мы разстались съ этими чудными, Оссіановскими картинами. На обратномъ пути, громады чудовищныхъ скалъ, грозили на каждомъ шагу погребсти насъ подъ своими обрывами. Колоссальные обломки утесовъ преграждали намъ безпрестанно дорогу, возвышаясь надъ зеленью деревьевъ,

раздавленныхъ ихъ тяжкимъ паденіемъ. Генералъ К. указалъ мнѣ на одинъ изъ сихъ обломковъ, примолвя, что онъ служитъ надгробнымъ памятникомъ русскому часовому, разгромленному его оторвавшейся массою. Я взглянулъ на эту гробницу и невольно вспомнилъ забавную досаду Манфреда о томъ, что исполинскій Розенбергъ упалъ не на его голову. По чести, мнѣ смѣшно было думать, что утонченный Байроновъ мизантропъ конечно не позавидовалъ бы въ таковомъ памятникѣ *солдату*, *бѣдному человѣку*, если бы великій творецъ его зналъ до созданія своей драмы о существованіи подобнаго мавзолея.

Въ слѣдующее утро мы возвратились на вчерашній путь свой. Достигнувъ до половины горы, опять сошли съ лошадей и начали взбираться вверхъ по узкой, высѣченной въ скалахъ лѣстницѣ. Чѣмъ дальше подвигались мы впередъ, тѣмъ круче и тѣснѣе становилась дорога, тѣмъ рѣже и суровѣе казалась мнѣ зелень кустарника. Тамъ-и-сямъ мѣлкіе листья шиповника опушали глубокія разсѣлины; колючій волчецъ высовывалъ изъ нѣдръ ихъ свои игловатыя маковки. Далѣе — душистый можжевельникъ пресмыкался у подножія утесовъ, окруженный разноцвѣтнымъ мхомъ и красноватымъ лишайникомъ. Наконецъ всякая

растительность прекратилась; только желтыя и черноватыя полосы тянулись передо мною вверхъ длинными и перепутанными зигзагами. Не подалеку отъ вершины горы, подъ навѣсомъ кругловатыхъ и совершенно перпендикулярныхъ скалъ, устроенъ небольшой наблюдательной *постъ*. Владычествуя съ этой стороны надъ всею окрестностью, онъ служитъ для открытія непріятеля по аидосской дорогѣ — назначеніе довольно важное, но совершенно безполезное въ ночное время. Притинъ сей именованъ *Орлинымъ гнѣздомъ*. Его неимовѣрное мѣстоположеніе оправдываетъ вполнѣ таковое названіе. Тотъ, кто первый замыслилъ взлетѣть на вершину сихъ неприступныхъ стремнинъ и повисnулъ надъ зіяющими вокругъ пропастями съ войной и ея перунами, можетъ дѣйствительно спорить съ царемъ пернатыхъ въ отважности. Съ этого бельведера, очарованный взоръ вашъ объемлетъ окрестность, пестрѣющуюся подобно развернутой географической картѣ почти вплоть до самаго Аидоса. Верхніе Балканы кажутся недвижными темносиними тучами, пронзающими лазурь далекаго небосклона. Надъ вами и вокругъ васъ башни зубчатыхъ, желтыхъ и пепловидныхъ скалъ вздымаются на нѣсколькихъ планахъ посреди паровъ теп-

лой, радужной атмосферы. У ногъ ихъ мелькаютъ Праводы, разсыпанные по ковру зеленой долины, косй злакъ зыблется издали, подобно струямъ живаго изумруднаго источника.

Генералъ К. желалъ непремѣнно показать мнѣ всѣ укрѣпленія, устроенныя подъ его руководствомъ въ Праводахъ: а потому, съѣхавъ съ осмотрѣнныхъ нами высотъ, мы поскакали къ параллельной онымъ западной горѣ чрезъ *андосскія* ворота. На восточномъ скатѣ сей горы устроенъ *Кронверкъ*, назначенный для удержанія Турокъ состороны Шумли. Защищаемый цѣлымъ полкомъ и 9-ю орудіями, оплотъ сей почитается важнѣйшимъ изо всѣхъ праводскихъ укрѣпленій. Огонь его препятствуетъ непріятелю овладѣть горою, откуда онъ весьма удобно могъ бы спуститься въ городъ. Далѣе, на сѣверо-восточномъ склонѣ горы, возвышается *Блокгаузъ*. Его чугунный градъ посыплется на правовѣрныхъ, если, не взирая на тѣсноту вьющейся по горѣ со стороны Шумли тропинки, имъ вздумается сойдти съ противоположныхъ высотъ для приближенія къ крѣпостному валу. Ворота сего укрѣпленія повѣшены между двухъ оспроконечныхъ утесовъ, коихъ исполинскія

массы какъ будто нарочно для того воздвигнуты здѣсь природою.

Укрѣпленныя такимъ образомъ, обѣ горы могутъ довольно долго отражать съ восточной и западной сторонъ натискъ дружинъ мусульманскихъ, между тѣмъ какъ прегражденная крѣпостнымъ валомъ рѣка, наводнивъ окрестность почти на цѣлую версту по направленію къ Варнѣ, служитъ городу неприступнымъ оплотомъ со стороны сѣвера. Нѣсколько открытою показалась мнѣ одна южная позиція, называемая здѣсь *видосскою*; но за то внутренній валъ, окруженный глубокимъ рвомъ, и покровительствуемый картечью четырехъ бастіоновъ объ осми орудіяхъ, защищаетъ Праводы и съ этой стороны довольно благонадежнымъ образомъ.

Какихъ трудовъ должно было стоить созданіе всѣхъ сихъ оплотовъ, истинныхъ побѣдъ, одержанныхъ военнымъ искуствомъ надъ сей противоборственною природою! Отлогіе скаты смѣнили подъ русскимъ заступомъ крутизну перпендикулярныхъ утесовъ; гранитныя лѣстницы образовались посреди лабиринта остроугольныхъ скалъ тамъ, гдѣ доселѣ одинъ только орелъ парилъ на мощныхъ крылахъ своихъ; зубцы каменистыхъ

стремнинъ, ниспровергнутые пороховыми взрывами, замѣщены широкими рвами, окружающими наши нагорные редуты. Земля здѣшней долины вознеслась наконецъ на раменахъ русскихъ аплепіовъ до гребня сихъ неприступныхъ высотъ и образовала укрѣпленія, у подножія коихъ разобьются, безъ сомнѣнія, еще не разъ бурныя валы ордъ оттоманскихъ.

Я не застaлъ здѣсь ни одной души *правовѣрной*, и не взирая на то, Праводы поражаютъ васъ даже въ настоящемъ быту своемъ живописной пестротой и разнообразіемъ городовъ азіятскихъ. Минареты опустѣлыхъ мечетей еще возвышаются надъ разсѣянными вокругъ домиками; жаль только, что набожный гласъ *муэцциновъ* перестaлъ оживлять ихъ своимъ глухимъ и протяжнымъ призваніемъ на молитву. Воздухъ въ самомъ городѣ, сжатомъ двумя горами, тяжелъ и, какъ говорятъ, не совсѣмъ здоровъ; но за то на вершинѣ сихъ горъ, онъ легокъ, свѣжъ, животворенъ. До нынѣшней войны Праводы заключали въ себѣ мызы, или, какъ по-питерски говорится, дачи, (только не кузнецовъ и колбасниковъ, а) роскошныхъ вельможъ и красавицъ адріанопольскихъ. Городокъ сей утопалъ, по словамъ генерала К., въ пѣнии фрук-

товыхъ садовъ, гдѣ не одинъ пестрый кіоскъ возвышался, посреди виноградныхъ кистей, надъ бѣломраморными фонтанами; гдѣ не одинъ азіятскій Лукуллъ засыпалъ подъ лѣнивый говоръ ихъ, среди восточныхъ розъ, на персяхъ своей черноокой невольницы. Теперь—все передъ вами голо, подобно плѣшивой головѣ Сократовой!... Говорятъ, что по причинѣ прошлогоднихъ морозовъ всѣ мусульманскіе сады должны были волею и неволею очутиться въ печахъ и сгорѣть передъ нашимъ христолюбивымъ воинствомъ. Если, между тѣмъ, суровость зимы оправдываетъ подобное истребленіе, то благоволите сами объяснить себѣ, почему во всемъ городѣ не уцѣлѣлъ ни одинъ изъ сихъ прекрасныхъ фонтановъ, кои, по чести, столь благотворны во время жаровъ здѣшняго палящаго лѣта. Я, съ своей стороны, остаюсь въ этомъ случаѣ весьма доволенъ объясненною мнѣ причиною, а именно: что нашимъ солдатамъ понадобился для чего-то свинецъ, составлявшій трубы сихъ злополучныхъ водохранилищъ.

Очистивъ совѣсть подробнымъ и даже черезъ чуръ мѣлочнымъ отчетомъ обо всемъ, что въ здѣшнемъ городѣ обращаетъ на себя вниманіе странника, я и на этотъ разъ по-

вергаюсь вмѣстѣ съ настоящей своей эпистолой въ объятія вашей доброй, дружеской снисходительности. Окруженный бивачной разсѣянностью и готовыми ежеминутно грянуть перунами, могъ-ли я не шутя заботиться о слогѣ и даже о связи сего *разнохарактернаго* посланія! Впрочемъ, на кой чертъ извиненія! Что мнѣ до вашей Литературы и до всѣхъ заявленныхъ спицлистовъ, ея напыщенныхъ *прозагоговъ!..* Желая скорѣе напомнить вамъ о себѣ, я только вчера вечеромъ привелъ въ нѣкоторый порядокъ свои бѣглыя, писанныя карандашемъ и на самыхъ мѣстахъ замѣчанія. Завтра надѣюсь оставить Праводы. Дивныя колонны гебеджинскія не даютъ мнѣ покою: посмотримъ, что-то полковникъ Л., откопалъ посреди сихъ необыкновенныхъ развалинъ! Быть можетъ *чудеса чудесъ* ожидаютъ меня въ его землянкѣ. И такъ — до Варны. — *Addio.*

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Ему же.

Варна, 10-го Мая.

Только три дни тому назадъ, какъ я возвратился изъ Праводъ, и въ продолженіе столь короткаго времени—сколько новыхъ картинъ, новыхъ чувствъ, мыслей и впечатлѣній! 5-го сего мѣсяца судьба вовсе неожиданно привела меня въ первый разъ на кровавый пиръ смерти: раздольцый пиръ! я почти участвовалъ въ грозной гекатомбѣ Эски-Арнаутларской. Издали все это довольно живописно; цвѣтъ оттоманской крови какъ нельзя болѣе красенъ; но, чтобы не навлечь на себя упрека, столь справедливо заслуженнаго болтливымъ барашкомъ Гамильтоновымъ: «Bélier, mon ami, commencez par le commencement!»— спѣшу разсказать вамъ предварительно все,

что для меня предшествовало побоищу, коимъ открылась кампанія текущаго года.

4-го сего мѣсяца обѣдалъ я въ послѣдній разъ у генерала К. въ Праводахъ. Въ это самое время были приведены къ нему два турецкихъ перемѣтчика и въ ту же минуту допрошены. О движеніи непріятельской арміи сообщили они, между прочимъ, слѣдующее: великій визирь, Гуссеинъ и Али-Паша, начальникъ турецкихъ регулярныхъ войскъ, направились къ Силистріи и къ Видднну. Али-Паша расположился лагеремъ на высотахъ Янн-Базара и началъ окапываться въ семъ мѣстѣ. По увѣренію перемѣтчиковъ, всѣ силы сего послѣдняго простираются едва-ли до 7,000 воиновъ. — Жалованье турецкаго иррегулярнаго солдата состоитъ изъ 40-ка піастровъ въ мѣсяцъ (около 16-ти нашихъ рублей) и выдается черезъ каждые три или четыре мѣсяца.

«Согласитесь, что обстоятельства не вовсе благопріятствуютъ вашему возвращенію въ Варну» — сказалъ мнѣ генералъ К., отпустивъ допрошенныхъ Турокъ. — «Непріятель почти на вашей дорогѣ: не лучше-ли погостить у насъ, по крайней мѣрѣ до нѣкъ поръ, пока его замыслы сдѣлаются нѣсколь-

ко поопредѣлительнѣе? Притомъ же» — воскликнулъ онъ съ тонкой, но едва-ли веселой усмѣшкою — «вы ѣдете въ понедѣльникъ: черный, тяжелый день!» — Кто умретъ въ нынѣшнемъ году — гласитъ, кажется, достопочтенный рыцарь Джонъ Фальстаффъ — тотъ въ этомъ случаѣ квитъ съ будущимъ — а потому, отблагодаривъ генерала за его участіе, я между прочимъ замѣтилъ, что весь геній знаменитаго Матвея Лейсберга, означающій столь явственно благопріятные и несчастливые дни, не въ силахъ отвратить меня отъ моего намѣренія. — «Прощайте же!» — сказалъ, обнимая меня мой добрый, почтенный хозяинъ. Я крѣпко сжалъ его руку; темныя думы о войнѣ и о слѣпыхъ, печальныхъ ея случайностяхъ защипывали грудь мою; но къ чему исповѣдываться, какимъ образомъ путникъ вашъ оставилъ человѣка, столь богатаго этой милой, увлекательной вѣжливостью сердца, которая безъ сомнѣнія извѣстна весьма немногимъ изъ вашихъ свѣтскихъ расточителей ласковыхъ словъ и поклоновъ! — Вьюкъ мой былъ уже на конѣ; что бы пуститься въ путь, конвойные Донцы и слуга мой ожидали только моего прибытія. Посреди этой толпы увидѣлъ я двухъ турецкихъ переметчиковъ. Одинъ изъ

нихъ поразилъ меня своимъ колоссальнымъ ростомъ, своей гордой, воинственной поступью; другой — блескомъ женоподобной красоты своей, цвѣтомъ юнаго, почти отроческаго возраста. Оба правовѣрные явились къ нашимъ аванпостамъ и передались, наскучивъ дисциплиною регулярныхъ войскъ, посреди коихъ принуждены были тянуть лямку. Ровно въ 3 часа по полудни я распрощался съ Праводами.

Дорога отъ сего городка до Варны извѣстна вамъ изъ предыдущихъ писемъ моихъ. Пріѣхавъ довольно рано въ Эски — Арнаутларъ, я поспѣшилъ освободиться отъ груза поклоновъ, кои привезъ генералу Р–ну изъ Россіи отъ его семейства. Не стану говорить вамъ о безконечныхъ распросахъ и радости, коими сей злополучный воинъ встрѣтилъ вашего странника — о восторгахъ отца и супруга, для меня (между нами будь сказано) не совсѣмъ хорошо понятныхъ, но тѣмъ болѣе трогательныхъ, что вѣсть полученная имъ объ милыхъ сердцу, была послѣднею: луна 5-го Мая взошла надъ его кровавой могилою....

Уже совсѣмъ смерклось, когда продолжая путь свой, я пріѣхалъ въ Девно и былъ встрѣченъ — кѣмъ бы вы думали? — Полков-

комъ Е., на лицо, передъ его гостепріимной палаткою. Дружелюбно повелъ меня этотъ почтенный археологъ во глубину шатра своего, и опять осудилъ провести ночь посреди удушительныхъ табачныхъ тучь, шума прежнихъ весельчаковъ, лая собакъ и прочаго, и прочаго. — Около 7-ми часовъ утра громкіе крики: *къ ружью, къ ружью!* — прервали сонъ мой. Я поспѣшилъ одѣться, и выскочивъ изъ палатки, узналъ, что генералъ В., получа внезапное приказаніе соединиться съ генераломъ Р., атакованнымъ при Эски-Арнаутларѣ верховнымъ визиремъ, выступилъ уже къ нему на помощь съ двумя егерскими полками. Два казачьихъ полка должны были немедленно слѣдовать за симъ отрядомъ. Можно-ли было не воспользоваться случаемъ, столь благопріятнымъ, для услады сердца манною новыхъ, кровавыхъ впечатлѣній, для пріобрѣтенія, посреди грязи растоптанныхъ тѣлъ, нѣкотораго права хохотать со временемъ, подобно Микромегасу, надъ гордостію пигмей, величающихъ себя полновластными господами — не только земнаго, но даже и неземныхъ міровъ, со всѣмъ, что въ оныхъ находится! — Полный смутныхъ, неизъяснимыхъ для собственной души моей ощущеній, я не понималъ самъ что дѣлалъ, вскакивая

на первую попавшуюся мнѣ лошадь. Машинально примкнулъ я къ казакамъ, и вмѣстѣ съ ними потянулся по Эски-Арнаутларской дорогѣ.

Густой туманъ покрывалъ окрестность; казаки шли на рысяхъ; пропяжный грохотъ ружій, заглушаемый по временамъ пушечными выстрѣлами, становился съ каждымъ шагомъ слышнѣе и явственнѣе; и вотъ — Эски-Арнаутларская долина начала уже передъ нами развертываться посреди густыхъ облаковъ тумана и пыли, клубившихся надъ ея зеленой поверхностью. Пестрыя, дремучія толпы смыкались, развертывались, пролетали подобно молніи, или медленно двигались посреди сей волнистой мглы, усугубляемой дымомъ артиллеріи и безпрестанной пальбою русской пѣхоты. Два—три офицера, не принадлежавшіе къ назначенному въ дѣйствіе отряду и послѣдовавшіе за онымъ, подобно мнѣ, изъ одного любопытства, остановили въ этомъ мѣстѣ коней своихъ. Полчаса похода поусмирили также и въ моей груди бѣшенство этого браннаго урагана, который сначала столь забавно разбушевался въ ней; разсудокъ началъ мало-по-малу одерживать верхъ надъ моими рыцарскими порывами; въ одну минуту себялюбивая апофѳегма Бомарше сверкну-

ла въ немъ электрической искрою: «Je veux savoir, moi, pourquoi je me fache! » — подумалъ я, и подобно моимъ спутникамъ остановилъ свою лошадь. Всѣ мы рѣшились наслаждаться въ перспективѣ высокимъ ужасомъ битвы, развернувшей передъ нами всю роскошь своего дивнаго, неизобразимаго зрѣлища. Реляцію сего сраженія читали, или безъ сомнѣнія прочтете вы во всѣхъ нашихъ газетахъ; но газеты суть, по выраженію оспряка Тристрама Шанди, не что иное, какъ только газеты; — а потому — вотъ, если вамъ угодно, нѣкоторыя блѣдныя черты картины, занимавшей въ этотъ мигъ всѣ чувства, всѣ умственныя способности безпристрастнаго очевидца.

Яркозолотое солнце начало мало-по-малу проникать сквозь опаловую дымку тумана, образовавшаго тысячу фантастическихъ фигуръ, кои медлительно удалялись за зеленую ограду горъ и мимоходомъ накрывали ихъ своей серебристой одеждою. Кромѣ густыхъ конныхъ и пѣшихъ массъ, вращавшихся, какъ я уже сказалъ вамъ, посреди сего дымнаго океана; кромѣ гибельнаго блеска, озарявшаго по временамъ зыбучіе края его; кромѣ глухаго, торжественнаго грохота — я сначала ничего не видалъ и не слыхалъ болѣе. Дни нашего

золотаго *корнетства* — вы конечно не позабыли ихъ! удалые *манёвры* — помните ли, какъ и мы съ вами гарцовали нѣкогда посреди ихъ шумнаго вихря, передъ взводами залетныхъ гусаръ своихъ? — Ну вотъ вамъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ, что въ эту минуту представлялось глазамъ моимъ. Вскорѣ однакожъ декорація перемѣнилась: туманъ совершенно разсѣялся, и великолѣпное солнце заблистало надъ зрѣлищемъ, для изображенія коего едва-ли есть слова на языкѣ поэзіи, краски на палитрѣ живописи, звуки въ гармоніи музыки.

Мѣстоположеніе Эски — Арнаутларскаго лагеря извѣстно вамъ изъ послѣдняго письма моего. Прошу-же привести себѣ на память этотъ крутой и глубокій ровъ, который отдѣляетъ русскіе шатры отъ цѣпи горъ, зеленѣющихся на противоположной сторонѣ оврага. Все было тихо въ немъ и вокругъ него, во время моего проѣзда въ Праводы;— грозныя, необозримыя толпы рвались черезъ него теперь, подобно волнамъ крутимаго бурею океана. Впрочемъ, безъ всякихъ фразъ, представьте себѣ, если можете, волненье пятнпятисячной конной толпы, летѣвшей во весь опоръ на неподвижные русскіе карен; на-

чертайте въ умѣ своемъ яркую пестроту живописнаго турецкаго одѣянія: руки до самыхъ плечъ обнаженныя, чалмы съ размотавшимися и клубимыми вѣтромъ шалями; вообразите ослѣпительный блескъ пяти тысячъ сабель, пикъ, ятагановъ, облитыхъ лучами полдневнаго солнца; внемлите далекому ржанью коней; звѣрскимъ воплямъ, громкимъ, свирѣпымъ угрозамъ и проклятіямъ—и только тогда обратите мысли свои на эту дикую ватагу, которая, подобно алчной саранчѣ, ударила на лѣвый флангъ нашъ. Тогда русскіе штыки засверкали; два или три полка нашей пѣхоты двинулись ей на встрѣчу. Наступательный барабанъ загремѣлъ въ рядахъ ихъ; рѣзкіе, пронзительные рога завыли вмѣстѣ съ его нестройнымъ грохотомъ. Вы помните, что слѣпой отъ рожденія Сандерсонъ, представлялъ себѣ красный цвѣтъ подобнымъ треску военной трубы: не постигаю, почему и въ моемъ умѣ звукъ и цвѣтъ какъ будто слились въ сію мучительную минуту — багряный цвѣтъ крови съ этими раздирающими — трубными и барабанными звуками! Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ непріятельской конницы полки наши остановились, быстро построились въ нѣсколько каре въ — и мѣдныя челюсти пушекъ выслали огненный вихрь свой. Въ то же самое время

батальный огонь русской пѣхоты озарилъ всѣ ея четвероугольники. О, еслибъ душа моя не презирала всякой поэзіи въ прозѣ, такъ точно, какъ презираетъ она несчастный бокалъ шампанскаго, окаспраченный примѣсомъ зельцерской или всякой другой воды, то ужь конечно разсказалъ бы я вамъ со всѣми подробностями, какимъ образомъ оттоманскіе всадники, отраженные нѣсколько разъ нашей пѣхотою, отлетали прочь, подобно пѣнѣ волнъ, разбившихся о гранитъ приморскихъ утесовъ, и какимъ образомъ спремились они вновь и вновь на свою добычу! Твердо и неподвижно, какъ будто врытые въ землю, стояли между тѣмъ наши спальные кареи; но наконецъ, находившаяся при одномъ изъ нихъ артиллерія, была отбита — и вскорѣ самъ онъ исчезъ, окруженный безчисленнымъ непріятелемъ. Тогда, въ продолженіе получаса, я не видалъ ничего, кромѣ сверкавшихъ въ дыму сабель, склонявшихся долу штыковъ, дикаго, бѣшенаго остервенѣнія. Иногда, въ густотѣ сей дремучей толпы, уязвленный конь взвивался на дыбы и повергалъ въ прахъ облитаго кровію всадника; но вообще вся эта сцена была довольно молчаливо разыграна. Когда свѣжій отрядъ нашей пѣхоты, ударившій на фланги

непріятеля, принудилъ его наконецъ къ отступленію, но весь окруженный Турками полкъ, столь богатый за полчаса передъ симъ жизнію и дивной, неодолимой храбростью, покрывалъ уже землю своими изрубленными трупами. Въ жизни и въ смерти заключалась впрочемъ вся разница. Мертвый, онъ еще образовалъ обширный правильный четвероугольникъ. Поникли безспрашныя головы; лѣсъ штыковъ не вздымался надъ черными киверами; но издали вы бы подумали, что внезапный сонъ овладѣлъ зѣницами воиновъ. . . . Ни одного шагу не было уступлено. Всѣ панигирики, расточенные поэтическимъ вепераиамъ Наполеоновымъ, едва ли достаточны для прославленія мужества, столь непоколебимаго. — Чувства мои тускнѣли. Этотъ гибельный шумъ, эти кровавые ужасы, какъ будто перешли въ мою голову: она пылала; мой ослѣпленный взоръ помутился. Какъ будто во мглѣ густаго тумана вихрился передъ нимъ конецъ сраженія: хаосъ бѣжавшихъ и преслѣдовавшихъ, рѣдкое пламя огнеспрѣльныхъ орудій и напослѣдокъ— нестройное отступленіе Турокъ по направленію къ Шумлѣ. Наши удержали за собой мѣсто сраженія.

« *Du sublime au ridicule il n' y a qu' un pas* »—

сказалъ, какъ вамъ извѣстно, одинъ великій практическій Философъ. Дюжины двѣ русскихъ мужиковъ, съ рыжими бородами въ зубахъ, бѣжали въ это время изо всей мочи съ поля сраженія. По ихъ образцовой наружности мы не могли не узнать добрыхъ, миролюбивыхъ маркитантовъ, коихъ палатки, разбитыя, если припомните, на самомъ краю роковаго оврага, были прежде всего сбиты напоромъ непріятеля. На всѣ наши распросы о Туркахъ, о концѣ сраженія и проч., бѣдняки отвѣчали только однимъ, на скоро сотвореннымъ, крестнымъ знаменіемъ. « *O miseri , miseri !* » но что же прикажете дѣлать?

Солнце спустилось уже совсѣмъ къ небосклону, когда все утихло на окровавленной долинѣ Эски-Арнаутларской. Богъ знаетъ для чего вздумалось мнѣ посмотрѣть вблизи на слѣды разыгранной драмы. Я поскакалъ впередъ.... но къ чему изображать зрѣлище довольно пошлое, и весьма рѣдко не унизительное для человѣчества!... Взгляните на эти суровыя лица; посмотрите, какъ ужасна свинцовая блѣдность ихъ, какъ судорожно каждое движеніе мускуловъ, сводимыхъ тяжкимъ, невыразимымъ страданіемъ; посмотрите, какъ страненъ послѣдній лучъ жизни въ очахъ, смыкаемыхъ смертію. — Турки и

Рускіе — взгляните, какъ крѣпко, какъ непробудно спятъ, или засыпаютъ они другъ подлѣ друга, примиренные общей, кровавою участью! Тѣло генерала Р—на (того самаго, у котораго я былъ накануѣ съ поклонами отъ его семейства) было узнано мною только по изрубленнымъ на немъ эполетамъ.... Но оставимъ этотъ кровавый базаръ славы; война не наше дѣло; поспѣшимъ въ Варну; завернемъ мимоѣздомъ въ Гебеджи; посмотримъ, до какой степени полковникъ Л. исполнилъ свое обѣщаніе, касательно продолженія нашихъ розысковъ о сихъ дивныхъ колоннахъ, коихъ изображеніе наполнитъ мое длинное письмо изъ Гебеджи къ москвичу К—ву.

Въ послѣдній разъ объявлю вамъ, что за грѣхи свои я вновь принужденъ былъ ночевать у неизбѣжнаго полковника Е. Во снѣ.... — Вотъ, слава Богу! исторія обѣдовъ, ужиновъ и наконецъ — онъ хочетъ наконецъ разсказывать намъ сны свои! — А почему-бъ не такъ? Но слушайте. Впечатлѣнія сего грознаго дня перешли и подъ крыло Морфея въ смятенной душѣ моей. Таже пальба, тотъ же блескъ оружія, таже кровь, тѣже звѣрскія лица.... Казалось — (вотъ однако небольшая разница между сномъ и существенностью)—казалось,

будто я самъ участвовалъ въ битвѣ: скакалъ, рубилъ, презиралъ живыхъ и неистово скрежеталъ зубами; упивался разнообразіемъ мукъ—и съ дикимъ, чудовищнымъ хохотомъ попиралъ умирающихъ.... Потомъ, окруженный кровавыми призраками, чувствовалъ себя во сто разъ несчастнѣе всякаго Сарданапала, промѣнявшаго, какъ повѣствуетъ Байронъ, своей полжизни на полсмерти подобныхъ собесѣдниковъ; потомъ, терзаемый (ужь не во снѣ) мучительной головной болью, сѣлъ на коня, и какъ снѣгъ на голову явился около 9-ти часовъ утра въ Гебеджи передъ полковникомъ Л.

Сапёры его продолжали рыть и копаться; но никакое удовлетворительное послѣдствіе не увѣнчало, по словамъ полковника Л., трудовъ ихъ. За всѣмъ тѣмъ, сей послѣдній предложилъ мнѣ повезти къ развалинамъ опять свою собственную пару глазъ и на сей конецъ вызвался вновь мнѣ сопутствовать. Около трехъ часовъ по полудни мы сѣли на лошадей и пустились изъ Гебеджи почти въ прежнемъ порядкѣ.

Тишина сей поѣздки прерывалась по временамъ только пистолетными выстрѣлами нашихъ молодыхъ офицеровъ, довольно искусныхъ стрѣлковъ на бѣду попутныхъ

черепахъ, коихъ спины принуждены были тягаться въ крѣпости съ ихъ свинцовыми пулями. На этотъ разъ физіогномія колоннъ показалась мнѣ совсѣмъ инаковой. Ряды колоссальныхъ облаковъ напомнили бы вамъ туманныхъ героевъ Одиновыхъ, скитаясь по темно-волнистому небу. Вдали на горизонтѣ спускались они почти до самой земли, и плавно, и медленно, подобно огромному погребальному шествію, мелькали другъ за другомъ въ промежуткахъ омраченныхъ ими развалинъ. Унылый вѣтеръ волновалъ густую траву, и проникая въ трещины поросшихъ ею обломковъ, извлекалъ изъ нѣдръ ихъ звуки нездѣшняго міра.... Самыя колонны, тѣсными громадами скалъ съ бродившими по вершинамъ ихъ тучами; таинственный шумъ окрестнаго лѣса, и всѣ окружавшіе меня предметы, какъ будто шептали воображенію о мавзолеяхъ гигантовъ, *допотопныхъ* властителей міра. Но что же нашъ полковникъ Л. съ его археологическими работниками? — Обратимся, если прикажете, къ ихъ любопытнымъ трудамъ и розыскамъ.

Они дѣйствительно не были праздны во время моего отсутствія. Колонна, коей откапыванье начато нами вмѣстѣ, была открыта слишкомъ на $2\frac{1}{2}$ сажени. Я спустил-

ся въ эту глубокую яму, и осмотрѣвъ обнаженную часть развалины, замѣтилъ толстую каменную стѣну, которая служитъ ей, по видимому, основою и подземнымъ соединеніемъ съ ближайшей колонною. Тамъ же нашелъ я довольно большой желѣзный гвоздь, который мгновенно переломился въ рукахъ моихъ, подобно хрустальному. Кромѣ того, земля, открытая и еще окружающая остатокъ развалины, не представляла и не представляетъ никакой преграды углубленію заступа. Отважусь мимоходомъ замѣтить, что это послѣднее обстоятельство, соединенное съ означенными открытіями (гвоздемъ и стѣною), едвали совмѣстно съ мыслію о *базальтахъ* и служитъ, напротивъ, сколько мнѣ кажется, новымъ доказательствомъ искусственному происхожденію развалинъ. Но я уже однажды признался, что для моихъ глазъ, непроницаемая ночь царствуетъ во глубинѣ знаменитаго отверзтія Монетюи — и потому—вмѣняю себѣ въ обязанность еще разъ рѣшительно отказаться отъ всякихъ ученыхъ и неученыхъ догадокъ по сему предмету. Повторяю, между тѣмъ, свой вызовъ Г. г. записнымъ ученымъ, касательно объясненія феномена, достойнаго, по моему мнѣнію, всего ихъ участія. Для представленія

понятій болѣе точныхъ о сихъ необыкновенныхъ развалинахъ, я, помнится, обѣщалъ ввѣрить очеркъ ихъ карандашу какого нибудь рисовальщика: талантъ одного изъ моихъ молодыхъ спутниковъ помогъ мнѣ сдержать обѣщаніе. По прилагаемому при семъ снимку вы можете судить, достойны ли колонны *Гебеджинскія* нѣкоторой симпатіи художника, участія геолога и, можетъ быть, даже розысковъ антикварія.

Около вечера западавшее солнце воцарилось подъ синимъ балдахиномъ тучь, надъ хаосомъ сихъ живописныхъ развалинъ. Блескъ боролся съ мракомъ посреди пестрорумяныхъ сполбовъ и наводилъ на громады ихъ тысячу безыменныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Золотой огонь игралъ въ густотѣ зеленѣющейся у ногъ ихъ травы, надъ амфитеатромъ окрестныхъ горъ, надъ вершиной окреснаго лѣса. Молодой художникъ мой принялся за работу, между тѣмъ какъ наши остальные спутники, успрашенные вѣроятно моимъ намѣреніемъ: посѣтить вновь сосѣдніе фонтаны, пустились въ обратный путь, и оставили насъ вдвоемъ подъ эгидомъ одного только донскаго Громвала.

Я вновь прошелся по долинѣ съ гармоническими фонтанами; опять умылся ихъ спу-

деною влагою, опять заслушивался музыки спруй подъ навѣсомъ патріархальныхъ орѣшниковъ. Умиравшее солнце озарило ихъ въ послѣдній разъ всѣмъ богатствомъ лучей своихъ, и наконецъ — совсѣмъ закатилось. Считаю за лишнее говорить, что *супъ изъ незабудокъ* мнѣ отнюдь не по вкусу; но надобно, подобно мнѣ, быть гражданиномъ Божьяго міра, гармонизировать съ какимъ нибудь Шеллингомъ въ созерцаніи души всемірной и за всѣмъ тѣмъ, перенестись на лоно здѣшней природы, чтобы постигнуть мое вѣчное *прости* Генію сего несравненнаго мѣста. Полная луна катилась уже надъ колоссальными развалинами, когда я возвратился къ двумъ ожидавшимъ меня товарищамъ.

Художникъ окончилъ совсѣмъ свою работу; казакъ обнаруживалъ довольно явное нетерпѣніе ѣхать, поправляя ежеминутно наши сѣдла и толкуя что-то сквозь зубы о Туркахъ, о *варварахъ*, о *проклятыхъ* болгарскихъ разбойникахъ. Совсѣмъ не то лежало въ этотъ мигъ у меня на сердцѣ. Таинственныя колонны отбрасывали далеко исполинскую тѣнь свою, и какъ будто приходили въ движеніе при пышномъ, блѣдно-золотомъ сіяніи мѣсяца. Душа моя рвалась за начальную грань бытописанія.

И рядъ людей
Вѣковъ минувшихъ,
И тѣни дней
Давно-мелькнувшихъ —
Изъ-подъ земли,
Вставая мнимстой,
Влились вдали
Чредой сребристой.

Мудрено рѣшить, что прекраснѣе — лунный или солнечный свѣтъ надъ подобной картиною. Я не помню, кто именно такъ хорошо сказалъ, что «умъ нашъ не довольствуется, подобно сказочному Аладину, блескомъ алмазовъ, сіяющихъ повсюду во глубинѣ обворженной пещеры:» — онъ зоветъ Генія древнихъ развалинъ и вмѣстѣ съ нимъ паритъ надъ чудесами прошедшаго. Ночная тишина подобнаго мѣста открываетъ ему событія, ускользнувшія отъ человѣческихъ лѣтописей и озаряетъ ихъ предъ очами души пламенемъ неземнаго свѣтильника.... Вамъ извѣстно, что одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ странниковъ дѣлитъ развалины на два особыхъ разряда. Обломки *естественные* не возбуждаютъ въ самомъ дѣлѣ ни какихъ болѣзненныхъ ощущеній: природа, неутомимая ра-

бошница, изглаживаетъ ежеминутно слѣды всеистребляющаго времени. Развалины зданій человѣческихъ являютъ, напротивъ, неизгладимый образъ ничтожества, попирающаго былое, съ подъятой пятой надъ настоящимъ и будущимъ.... Таинственныя колонны Гебеджинскія представляютъ характеръ древности, перешедшей за черту историческихъ преданій,— и слѣдовательно — соединяютъ въ себѣ отличительныя свойства того и другаго разряда обломковъ. Какъ феноменъ природы, онѣ кажутся мнѣ трогательнѣй меланхолическихъ напѣвовъ Барда, слѣпаго отца Оскарова; — мрачнѣе Жанъ-Полева сна, какъ развалины предполагаемаго искуства. Но аминь, по чести, аминь всякимъ (нестихотворнымъ) толкамъ о сихъ длинныхъ, неокончаемыхъ, озаренныхъ луной или солнцемъ обломкахъ.

Ни свѣтъ, ни заря поднялся я на другой день изъ Гебеджи. Если бы въ сихъ безполковыхъ странницахъ утро и полдень, вечеръ и полночь не такъ часто алѣли, гаснули и чернѣли, то конечно я осмѣлился бы еще однажды доложить вамъ, что лиловая цѣпь горъ, подернутая легкимъ утреннимъ паромъ; постепенное восхожденіе солнца; блескъ озлащенной имъ зелени; румяный пожаръ надъ верхами остроконечныхъ утесовъ *et cætera* —

показались мнѣ и на сей разъ достойными Турнеровой или Калькошиповой кисти. Кромѣ военныхъ обозовъ, сверкавшихъ между кустами шпыковъ и огромныхъ фургоновъ съ изувѣченными героями Эски-Арнаутларскими, я во время этой послѣдней поѣздки не встрѣтилъ ровно ничего достойнаго и не достойнаго вашего вниманія. Въ попутномъ *ханѣ* пересѣлъ по прежнему на свѣжаго донскаго коня и около 10-ти часовъ утра въѣхалъ здравъ и цѣлъ въ облегаемую безпредѣльнымъ Эвксиномъ Варну. Послѣ 15-ти дневнаго скитанья *по долам, по горам*, шумъ ея перепутанныхъ улицъ произвелъ на меня дѣйствіе какой-то столичной пестроты и волненія. Квартиру свою нашелъ я также нѣсколько посвѣтлѣе и поопряпнѣе. Стѣны были вновь выбѣлены, полъ усланъ полостями, множество цвѣтовъ разсыпано вдоль воскреснувшихъ безъ меня диванов. Улучшеніе столь не ожиданное до безконечности удивило меня. Ужъ не Деспина ли?... такова-то сила воображенія!—да и кпоже, кромѣ тебя, моей доброй малюпки, позаботился бы столь *сердолюбно* о чуждомъ, докучливомъ постояльцѣ! О, въ такомъ случаѣ, что передъ тобой всѣ наши свѣтскія ледяныя жеманницы! Такъ думалъ я — и Богъ знаетъ на которомъ этажѣ остановилъ бы постройку своихъ *Ис-*

панскихъ замковъ, если бы въ тоже самое время два черныхъ, зеркальныхъ глаза не блеснуло сквозь прорывы моихъ бумажныхъ оконъ. — «*Сибахъ-хаиръ гюзель кызымъ!*» — сказалъ я, и въ одинъ мигъ, легка, подобно кабалистической Силфидѣ, мила, или во сто разъ милѣе всѣхъ *наивныхъ* головокъ Грёйзовыхъ, впорхнула ко мнѣ Деспина, моя сладкогласая горлица. Ея одѣяніе представляло сполъ же праздничный видъ, какъ и все прочее въ домѣ. Новая цифрованая золотомъ *салтамарка*, новый, съ огромной вызолоченой бляхою, поясъ; новые шалевые *шалвары*, новые желтые *мешты*. Свѣжій розовый вѣнокъ вкругъ перевитаго шелковымъ платкомъ *феса* и длинные орѣховые волосы—спереди по плечамъ, сзади почти до половины тѣла. Къ этому прибавьте молочный цвѣтъ рукъ и шеи, украшенныхъ запястьями и ожерельемъ изъ разныхъ золотыхъ и серебряныхъ денегъ; опаловую бѣлизну лица съ яркимъ огнемъ сквозь тонкія лазурныя жилки, и эти черныя, полныя сердечной ясности очи, и эти розовыя уста съ простодушной и вмѣстѣ плутовской улыбкою. Странное дѣло! иной бы сказалъ, что искры лукавой французской живости, соблазнительныя искры *гризетты* были въ это время господствующей стихіей

Дєспины, облагороженныя ея восточными прелестями. То очаровательная Зюлейка,

..... звѣзда младая,
Родимыхъ волнъ и прелесть и любовь;

то плутовка Розетта, когда за грѣхи Беранже

Partout ses yeux pour l'alarmer
Provoquaient l'œillade indiscrète,

Дєспина безъ всякихъ шутокъ, показалась мнѣ на *этотъ* разъ очень и очень опасной малюткою. Смѣясь и бросая въ меня *цвѣтами*, она объявила, что очень рада видѣть еще на плечахъ мою голову, ибо считая меня, Богъ вѣдаетъ по чему, убитымъ на дорогѣ невѣрными, *они* отдѣлали мой *сарай* по случаю внезапнаго брака ея родной тетушки съ какимъ-то бродягою — Армяниномъ. Радостная вѣсть сія заключилась тѣмъ, что торжество Гименеево совершилось именно подъ пополкомъ моего *сарая*. — Такъ это не ты?... О, въ такомъ случаѣ, для чегожъ новобрачные не подождали моей эпиталамы! Я списнулъ кулакъ и топнулъ ногою, потомъ засмѣялся, спросилъ одѣться и отправился къ генералу Г. на цѣлый день Божій.

Генералъ вручилъ мнѣ полдюжины пакетовъ, полученныхъ на мое имя, во время моего отсутствія. Одинъ изъ нихъ былъ отъ Г. Бларамберга. Сообщая свои замѣчанія о медаляхъ и древнихъ мраморахъ, посланныхъ мною въ Одессу, почтенный археологъ нашъ распространяется въ особенности о двухъ находившихся въ числѣ оныхъ обломкахъ — о тѣхъ самыхъ, коихъ объясненіе обѣщалъ я вамъ по полученіи желаемаго подтвержденія своихъ догадокъ. Письмо Г. Бларамберга разрѣшило ихъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Вы помните, что на сихъ двухъ обломкахъ основывались всѣ мои надежды доказать тожество древней Одессы съ нынѣшней Варною. Вотъ что относительно сего предмета пишетъ мнѣ Г. Бларамбергъ. Изъ его замѣчаній вы можете видѣть, обманулся ли я въ своихъ предположеніяхъ.

.....«Изъ числа открытыхъ вами въ Варнѣ, и доставленныхъ Е. С. графу М. С. Воронцову древнихъ мраморовъ, два въ особенности обратили на себя все мое вниманіе. Одинъ изъ нихъ (небольшой обломокъ) представляетъ начало Псефизма или опредѣленія Совѣта (или Сената) и народа (*ΤΗΙ ΒΟΥΛΗΙ ΚΑΙ ΤΩΙΔΗΜΩΙ*). Онымъ удостоенъ торжественныхъ почестей одинъ гражда-

нинъ города Эпидамна (Диррахіума, что нынѣ Дураццо, въ Иллиріи). Мраморъ сей, доказывая началомъ упомянутой надписи существованіе древняго города на мѣстѣ нынѣшней Варны, ведетъ къ разрѣшенію догадки о тожествѣ древняго Одиссоса (*ΟΔΗΣΣΟΣ*) съ нынѣшней Варною.

«Другой обломокъ есть песомнѣнный остатокъ огромнаго мраморнаго пьедесталя, долженствовавшаго служить базисомъ статуѣ, воздвигнутой гражданину, именемъ Просодону, сыну Фирнагосову, *Начальнику города и союза* или *сообщества пяти городовъ*. *ΑΡΞΑΝΤΑ ΤΗΣ ΠΟΛΕΟΣ ΚΑΙΑΡΞΑΝΤΑ ΤΟΥΚΟΙΝΟΥ ΤΗΣ ΠΕΝΤΑΠΟΛΕΟΣ*. Форма буквъ сей надписи заставляетъ отнести оную ко второму вѣку отъ Р. Х.—Разбитая снизу, она означаетъ существованіе союза пяти городовъ, коихъ Одесса (Варна) была, кажется, средоточіемъ (*). Союзъ сей могъ быть составленъ, на подобіе нынѣшней Ганзы, изъ городовъ и портовъ, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ на западномъ берегу Эвксинскаго Понта: Томсъ (Кюстенджи), Каллатія (Манга-

(*) Снимки съ этихъ обоихъ мраморовъ приложены въ концѣ письма сего. *Изд.*

лія), Одессусъ (Варна) Мессемврія и наконецъ Аполлонія, нынѣшній Сизополь. Можетъ даже быть, что союзъ сей состоялъ изъ городовъ, еще менѣе отдаленныхъ отъ Одессоса, какъ напримѣръ: Навлохосъ, Крунисъ или Діонисополь и проч.. Во всякомъ случаѣ, поиъ и другой изъ сихъ памятниковъ древности, дѣлаютъ чрезвычайно важнымъ открытіе означенныхъ мраморовъ. Искренно поздравляя васъ съ таковыми успѣхами, я отъ души желаю столь же счастливыхъ послѣдствій вашимъ будущимъ розыскамъ по сему предмету и проч.»

Вотъ обстоятельство, довольно занимательное — не говорю для этой ученой орды, коей словарная образованность имѣетъ въ виду одно только обремененіе души множествомъ предметовъ, безплодныхъ для ума, безцвѣтныхъ для воображенія. — Тысяча и одинъ разъ важнѣе участіе тѣхъ здравомыслящихъ судей, кои при всемъ неуваженіи къ шарлатанству микроскопической Археологіи, не отвращаютъ слуха отъ глагола вѣковъ, не закрываютъ сердца для высокой бесѣды съ міромъ, скрывшимся отъ нашихъ вещественныхъ чувствъ, не презираютъ смѣлыхъ порывовъ мысли къ оживленію таинствъ, во глубинѣ коихъ заключалось можетъ быть бла-

го, неизвѣстное современному человѣчеству. Мрамору завѣщали древніе Греки свои мирные и соединительные договоры, дѣла народныя и даже изліянія своихъ домашнихъ печалей и радостей. Древняя Греція была, по выраженію одного писателя, подобна огромной изваянной книгѣ: куда бы не обратился взоръ вашъ, повсюду читалъ онъ страницу исторіи частной или общественной.

Вотъ вамъ послѣднее письмо изъ Болгаріи. Въ послѣдній разъ клоню повинное чело, сознаваясь въ крайней занимательности всѣхъ сихъ посланій; въ послѣдній разъ напоминаю, что уста жребія рекли мнѣ: «Будь антикваріемъ!» — и есмь, — точно также, какъ вы, бояре, говорите своимъ арапаямъ: «ты будь Паганини, ты — Сальваторомъ-Розою!» — и супь. Ударившись, какъ я уже неоднократно объявлялъ вамъ, въ это премудрое списаніе безъ книгъ и безъ всякихъ приготовленій; снабженный кромѣ того самыми ничтожными вещественными средствами, я писалъ, что на умъ брело; разсказалъ все, что видѣлъ своими собственными глазами, а видѣлъ я весьма и весьма не многое. Весь посѣщенный мною уголокъ Мизіи, страны, именовавшейся у Римлянъ *житницею Цереры*, не представляетъ ничего, кромѣ слѣдовъ древняго и новаго опу-

спошенія, картины древнихъ и новыхъ развалинъ. Одна природа, Армида божественной прелестью, разсыпаетъ полными руками дары свои точно также теперь, какъ и въ то время, когда классическій творецъ Георгикъ алкалъ промѣнять всю придворную роскошь на безвѣстный пріютъ въ долинахъ поэтическаго Гемуса. — Но люди, но мирные жители? — Боже мой! я уже тысячу разъ повторялъ вамъ, что ихъ нѣтъ, что они исчезли, подобно листьямъ развѣянными осенними аквилонами. Кое-гдѣ только—согбенные нуждой, томимые голодомъ, блѣдные, подобно Ларвамъ древняго Тартара, блуждаютъ толпы Болгаръ вкругъ пепла раззоренныхъ лачугъ своихъ, или вооруженные съ ногъ до головы, служатъ правовѣрнымъ, гяурамъ и очень часто самимъ себѣ — не ради какихъ нибудь *сминдиридовскихъ* прихотей, но для удовлетворенія крайнихъ, животныхъ потребностей человѣка. — «Пусть гибнутъ!» вскричалъ бы съ адскимъ смѣхомъ какой нибудь невѣжа — Мельмотъ; — «аминь!» — шепнулъ бы съ райской улыбкою какой-нибудь вѣжливый дипломатъ; а я мимоходомъ замѣчу, что обвѣшенные оружіемъ, здѣшніе Болгары говорятъ еще вашему воображенію о своихъ воинственныхъ Крумахъ, о времени дикихъ торжествъ,

о трепетѣ Византійской Имперіи передъ мечами отцовъ ихъ.—Добрый народъ сей замѣчателенъ очень во многихъ отношеніяхъ. Со временемъ (если впрочемъ наша занимательная переписка не исчахнетъ отъ умственной *атоніи*) Болгары могутъ еще явиться на сцену съ нѣкоторыми довольно любопытными подробностями.

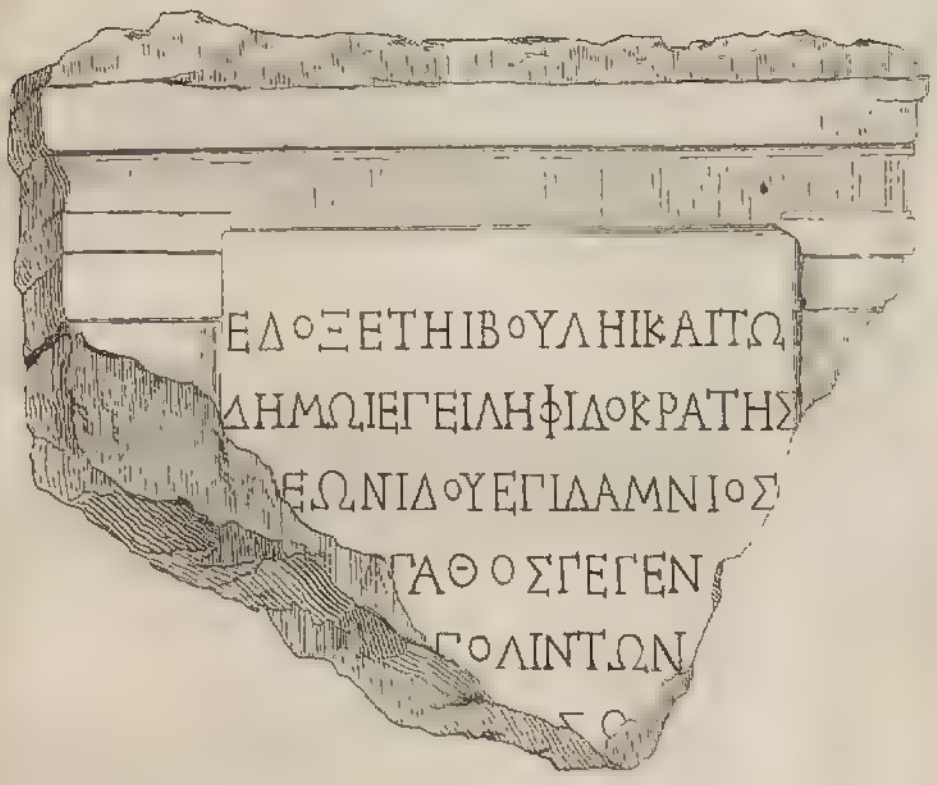
Оканчивая письмо сіе, я хотѣлъ было паки-паки приступить къ прерваннымъ Болгарами извиненіямъ; но къ чему такъ долго оправдывать пустоту сихъ путевыхъ записокъ, пустоту страны, въ коей тревоги пылающихъ битвъ суть въ настоящее время единые, судорожные признаки жизни! Развѣ изъ одного только уваженія къ общимъ, перебитымъ мѣстамъ и фразамъ продекламировать вамъ, что въ той самой странѣ, гдѣ ратники древней свободы и угнетенія оглашали воздухъ своими бранными криками; гдѣ центуріонъ римскій расхаживалъ предъ орлами когорты, колебля свою виноградную лозу; гдѣ доблестный Тарса, великодушный Турезисъ пролили всю ѳракійскую кровь свою на могилу пораженнаго въ сердце отечества — тамъ, въ тѣхъ самыхъ долинахъ, на гребнѣ тѣхъ самыхъ горъ сверкаютъ желѣзные лѣса пикъ и штыковъ русскихъ. Фавны и Дріады ѳракійскія! како-

ва подъ лучами вашего сòлнца заунывная пѣсня о снѣгахъ московскихъ? — Но хороводы божественныхъ Нимфъ ужь не не кружатся въ дубравахъ стариннаго Гемуса; одна только подруга Нарциссова шлетъ долгій, унылый отзывъ свой на визгъ русскаго ядра, на грохотъ русскаго барабана.

Завтра, или непремѣнно послѣзавтра я отплываю въ Сизополь; покидаю Деспину, говорю *прости* своимъ мимолетнымъ химерамъ и радостямъ! Новая даль, новое пространство моря, опоясаннаго всѣми скалами балканскими, отодвинетъ меня отъ васъ и отъ родины. Къ чему, на какой конецъ вся эта уморительная возня и скитанье? — Такъ-съ! Я право самъ не знаю, равнымъ образомъ, какъ не знаю того, зачѣмъ прозябаю на свѣтѣ... Въ прологѣ Тарара, кажется, какой-то Геній вопрошаетъ тварей еще не существующихъ: желаютъ ли они родиться? «Ни мало!» — Вотъ что можетъ быть отвѣчалъ бы и я въ подобномъ случаѣ. Было, однако, время, когда и моя *честолюбивая* особа терзалась желаніемъ играть какую-нибудь роль въ свѣтѣ, не для того, безъ сомнѣнія, чтобы порхать передъ толпой мотылькомъ златокрылымъ, но въ надеждѣ развернуть пламень полезной дѣятельности, которая столь неукротимо

рвалась когда-то изъ глубины моего сердца.— Теперь—о, преподобный Баконъ! слова твоей мѣдной головы жужжатъ и въ моей душѣ, подобно ропоту безотвязнаго заимодавца: «*Есть время, было время, нѣтъ болѣе времени!*» — Но довольно; боюсь разсердиться или растрогаться. «*Vivamus, dum vivimus*» — гласитъ велемудрая Латинь. Такъ-то, почтенный мой домосѣдъ; прощайте.

КОНЕЦЪ.


ΕΔΟΞΕΤΗΙΒΟΥΛΗΙΚΑΙΤΩ
ΔΗΜΩΙΕΓΕΙΛΗΦΙΔΟΚΡΑΤΗΣ
ΕΩΝΙΔΟΥΕΓΙΔΑΜΝΙΟΣ
ΓΑΘΟΣΓΕΓΕΝ
ΓΟΛΙΝΤΩΝ

ΑΓΑΘΗΙ ΤΥΧΗΙ
ΗΡΟΣΟΔΟΝΦΑΡΝΑ
ΓΟΥΑΡΞΑΝΤΑΤΙΣΠΟ
ΛΕΩΣΚΑΙΑΡΞΑΝΤΑ
ΤΟΥΚΟΙΝΟΥΤΗΣ
ΠΕΝΤΑΠΟΛΕΩΣΚΑΙ
ΤΕΙΜΗΘΕΝΤΑΥΠΟ
ΤΟΥΚΟΙΝΟΥΤΙΣΠ
ΤΑΠΟΛΕ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ Издателя..... 1

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Цѣль сего путешествія.—*Импровизированный* антикварій. — Отъѣздъ. — Одесская карантинная гавань. — Венеціянскій бригъ: *la Perseveranza.* — Противная погода.—Отплытіе.—Ночь на морѣ.— *Баркарола* рулеваго матроса.—Кюстенджи (древній Томисъ).—Изслѣдованія о мѣстѣ Овидіева изгнанія.—Неосновательность археологическихъ ипотезъ Г. Гаммера. — Классическія воспоминанія.— Мангалія (древняя Каллатія). — Буря. — Берега Мизіи.—Добруджа.—Капо-Калакрія.—Безвѣтріе.— Плаваніе на веслахъ. — Панорама Варны.—Первыя впечатлѣнія, при видѣ сей крѣпости.—Историческая компиляція.—Варна.—Генералъ Г.—Древніе мраморы и медали. — Истребленіе памятниковъ древности..... 3

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Стран.

Картина Варны.—Азіятская пестрота.—Смѣсь лицъи нарядовъ.—Турки, Армяне, Болгары, Греки.—Европейскіе промышленники.—Статистика.—Христіанскія церкви.—Турецкій фанатизмъ.—Митрополиты греческій и армянскій.—Турецкій домъ.—Оригинальный хозяинъ.—Нѣкоторыя черты нравовъ и корыстолюбія варнскихъ жителей.—Генералъ Р.—Свѣдѣнія о древней Одессѣ.—Милезійскія колоніи на берегахъ Эвксина.—Древнее греческое Пятисоюзіе.—Археологія.—Розыски о тожествѣ древней Одессы съ нынѣшней Варною.—Открытіе 7-ми кусковъ древняго мрамора.—Нумисматика.—Варнская цитадель.—Катакомбы.—Деспина. 30

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Причины долгаго пребыванія въ Варнѣ.—Еще два куска древняго мрамора.—Суевѣріе жителей въ отношеніи къ памятникамъ древности.—Варнская пристань.—Сказочники.—Нелѣпость преданій объ окрестныхъ монастыряхъ и развалинахъ.—Поѣздка въ монастырь Св. Константина.—Армейскій антикварій.—Живописная красота окрестностей.—Могилы русскихъ воиновъ.—Историческія размышленія.—Болгарскій пастухъ.—Слѣды развалинъ.—Монастырская церковь.—Еще кусокъ древняго мрамора.—Прогулка въ монастырь Св. Іоанна.—Развалины.—Нѣчто о древней Визонѣ.—Изслѣдованія о древнемъ Діонисополѣ или Крунисѣ.—Монастырь Св. Іоанна.—Археологія монаха.—Аладжи-Монастырь.—Комическое преданіе.—Нѣчто о древнемъ Филиппополѣ.—Возвращеніе въ Варну..... 57

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Стран.

Церковь, поспроенная генераломъ Г. въ Варнѣ.—Вечеръ наканунѣ Пасхи.—Прогулка въ русскій лагерь.—Отъѣздъ въ Гебеджи.—Дорога.—Малые Балканы.—Красота окрестностей.—Фонтаны.—Казачій притинъ. Неизобразимая прелесть природы.—Лиманская пристань.—Надгробный крестъ.—Гебеджинскій редутъ.—Полковникъ Л.—Дивныя Гебеджинскія развалины.—Различныя догадки о происхожденіи оныхъ.—Геологическія ипотезы.—Сравненіе Гебеджинскихъ колоннъ съ подобными обломками.—Замокъ Штольпенъ въ окрестностяхъ Дрездена.—Базальты *Металлическихъ* и *Среднихъ* горъ въ Сѣверо-Западной Богеміи и проч. и проч.—Естественныя Адлерсбахскія развалины.—Поэтическая картина Гебеджинскихъ обломковъ.—Сосѣдніе фонтаны.—Спутники.—Возвращеніе въ редутъ.—Отъѣздъ въ Девно..... 88

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Дорога отъ Гебеджи до Девно.—Девнинское озеро.—Девнинскій лагерь.—Полковникъ Е.—Множество римскихъ медалей, открытыхъ при укрѣпленіи сего мѣста.—Армейскіе весельчаки.—Генералъ Р.—Надгробный мраморъ съ латинской и греческой надписями.—Признаки тожества древняго Маркіанополя съ нынѣшнимъ Девно.—О походѣ Траяновомъ противъ Децебала, царя Дакійскаго.—Объ основаніи Маркіанополя.—О болгарскомъ Переяславѣ.—О завоеваніи сего города Святославомъ.—Историко-философическія размышленія.—Стихи

Стран.

одной изъ *Оракійскихъ Элевій*.—*Кине*, о таинственномъ ходѣ человѣчества. — Окрестности Девно.—Развалины водяныхъ мельницъ.—Девнинскій водопадъ.—Признаки минеральнаго ключа.—Покупка медалей.—Отъѣздъ въ Праводы..... 123

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Дорога отъ Девно до Праводъ.—Эски-Арнаутларъ.—Генералъ Ш.—Балканы.—Замѣчанія геологовъ о горахъ Болгарскихъ.—Прогулка Филиппа II-го, царя Македонскаго, на вершину Гемуса.—Геологія и Ботаника здѣшнихъ горъ почти совсѣмъ неизвѣстны.—Нѣкоторыя поверхностныя свѣдѣнія о сихъ предметахъ.—Буря посреди Балкановъ.—Турецкій скакунъ.—Праводы.—Генералъ Н.—Вопросъ о землетрясеніи.—Генералъ К.—Развалины монастыря Дизъ-Даркіойскаго. — Гаджи-Халфа о сихъ развалинахъ.—Народное преданіе о разрушеніи сего монастыря.—Горныя пещеры.—Окаменѣлости.—Геологическія ипотезы.—Мавзолей русскаго часоваго.—Праводскія укрѣпленія.—*Орлиное гнѣздо*.—Видъ окрестностей.—*Кронверкъ*.—*Блокгаузъ*.—Картина Праводъ въ ихъ настоящемъ положеніи.—Мызы вельможъ Адріанопольскихъ. — Уничтоженіе садовъ и фонтановъ..... 146

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Послѣдній день въ Праводахъ.—Турецкіе перемѣтчики —Движеніе непріятельской арміи.—Опасность обратнаго пути въ Варну.—Отъѣздъ.—ГенералъР-нъ — Ночлегъ въ Девно.—Тревога.—Эски-Арнаутларское

Стран.

сраженіе. — Вторичное посѣщеніе Гебеджинскихъ развалинъ.—Подземная стѣна.—Желѣзный гвоздь.—Картина заходящаго солнца и лунный свѣтъ надъ сими необыкновенными обломками. — Новая прогулка къ сосѣднимъ фонтанамъ.—Возвращеніе въ Варну.—Деспина въ праздничномъ нарядѣ.—Письмо Г-на Бларамберга.—Объясненіе двухъ древнихъ мраморовъ.—Окончательныя доказательства тожества нынѣшней Варны съ древней Одессою.—Старыя и свѣжія опустошенія Мизіи.—Приготовленія къ морскому пути въ Румилію..... 180

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читать.*
VII	12	Герпессуса	Гарпессуса
3	13	обязанносшь	обязанносшь.
5	23	я долго	Я долго.
7	5	Ропшало	ропшало.
11	8	Fibelin	Fidelin.
11	16	мошивомъ	мошиковъ.
—	25	кольцо упавшее	кольцо, упавшее.
17	2	имперіи римской	Имперіи Римской.
22	7	Венеціанскаго	венеціанскаго.
—	22	имперіи	Имперіи.
27	2	Оттоманскую	оттоманскую.
31	19	пестрѣешъ	пестрѣешся.
38	12	шысяча языковъ	шысяча языковъ:
39	3	какое сравненіе	Какое сравненіе.
41	11	Пиѳійскому	пиѳійскому.
45	20	были по словамъ	были, по словамъ.
46	10	новѣйшей Ганзы	нынѣшней Ганзы.
57	11	молой	милой.
65	8	Казачью лошадь поскакалъ	казачью лошадь,поскакалъ.
—	10	до сихъ поръ все для меня, шло	до сихъ поръ все для меня шло.
82	22	кажетея	кажется.
94	6	муравчишой	муравчашой.
96	7	скрипъ	скрыпъ.
109	7	симмешрическихъ	симешрическихъ.
113	26	занимаш,	занимашь
115	7	Изъ глубокихъ разсѣлинъ	изъ глубокихъ разсѣлинъ.
121	13	благословенная Дріада	благосклонная Дріада.
125	23	рощь	рощей.
132	1	иппогрифа	Иппогрифа.
153	6	Полибія	Поливія.
—	13	Полибій	Поливій.
160	13	глумящими	шумящими.
166	11	развалинами замковъ	развалинами зàмка.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читать.*
468	3	покушенія	покушеніе.
—	8	перемещниковъ	перемещника.
470	9	Dio so,	Dio sa,
471	40	ипашетическую	ипотетическую.

2007042739